

М.Г. РОЖНОВСКАЯ
СИНТАКСИС
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
В БОЛГАРСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

М. Г. РОЖНОВСКАЯ

СИНТАКСИС
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
В БОЛГАРСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ
ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА • 1970

В монографии дается систематическое описание синтаксиса прилагательного в болгарском литературном языке.

Она состоит из двух частей. В первой части рассматриваются вопросы, общие для всего класса прилагательных. Вторая часть посвящена тем специфическим вопросам, которые связаны лишь с одной частью класса прилагательных — подклассом причастий. Рассмотрена проблема залога в причастиях, с которой связаны важнейшие вопросы функционирования причастий.

Ответственный редактор

кандидат филологических наук

К. И. Х О Д О В А

7-1-4

186-1969 (II)

Рожновская Марина Григорьевна

**Синтаксис прилагательного
в болгарском литературном языке**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР.*

Редактор издательства А. Н. Знаменская

Художник А. В. Ковержкин

Технический редактор А. П. Ефимова

Сдано в набор 29/VIII 1969 г. Подписано к печати 10/III 1970 г. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографск. № 2. Печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,6.

Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 2960. Цена 76 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прилагательное — один из основных классов слов болгарского языка. Оно является составной частью целого ряда синтаксических конструкций, занимающих в языке значительное место. Вместе с тем синтаксис прилагательного в болгарском языке до настоящего времени специально не исследовался. В общих курсах грамматики многие стороны функционирования прилагательного, несомненно, уже получали освещение, однако лишь в самых основных чертах. Прилагательное меньше привлекало внимание болгаристов, чем грамматические проблемы, связанные с функционированием таких важнейших в болгарском языке категорий, как глагол, имя существительное.

Вместе с тем с функционированием прилагательного связан ряд проблем, затрагивающих существенные стороны болгарского синтаксиса. Разрешение этих проблем важно как для понимания синтаксиса самого прилагательного, так и для уточнения закономерностей, охватывающих другие классы слов. Следует отметить также, что синтаксис прилагательного в болгарском языке имеет специфические черты по сравнению с другими славянскими языками и с этой точки зрения также представляет интерес.

Настоящее исследование имеет целью систематическое рассмотрение синтаксиса прилагательного в болгарском языке. В то же время основное внимание уделяется воп-

росам, которые либо еще не были освещены в грамматической литературе, либо получали трактовку, отличную от предлагаемой нами.

В основу работы положена теория классов слов.

В работе рассматривается функционирование класса прилагательных в его основных синтаксических позициях, определяются формальные признаки и грамматическое значение конструкций, в которые входит прилагательное в этих позициях. Конструкции с прилагательным в разных позициях соприкасаются в языке с другими синтаксическими конструкциями, в состав которых входят либо другие классы слов, либо также прилагательные. Одной из основных задач работы является раскрытие существа такого соприкосновения и рассмотрение вопроса о том, в какой мере отграничены интересующие нас конструкции с прилагательным от других смежных конструкций и каковы грамматические показатели, которые их разграничивают.

Работа состоит из двух частей. В первой части рассматриваются вопросы, общие для всего класса прилагательных. Вторая часть посвящена рассмотрению тех специфических вопросов, которые связаны лишь с одной частью класса прилагательных — подклассом причастий.

В первой части дается характеристика формальных черт класса прилагательных, анализируется функционирование этого класса слов в различных синтаксических позициях: прилагательное в функции простого определения (позиция при существительном), прилагательное в функции предикативного определения подлежащего (позиция при глаголе *сѣм* и других глаголах его подкласса), прилагательное в функции предикативного определения прямого допол-

нения (позиция при особом подклассе переходных глаголов).

В болгарском языке существует особый подкласс внутри общего класса прилагательных. Слова этого подкласса мы именуем приглагольными прилагательными. Это ограниченный круг прилагательных с четко выраженными общими грамматическими чертами. Данный подкласс имеет свою специфическую позицию: он выступает при общем классе глаголов языка. Употребление всех остальных прилагательных в этой позиции исключено.

Конструкция «глагол общего класса + приглагольное прилагательное» близка к конструкции обычного предикативного определения «съм + прилагательное общего класса». Близость этих конструкций ставит ряд синтаксических вопросов, требующих рассмотрения. С другой стороны, конструкция с приглагольным прилагательным соприкасается с конструкцией «глагол общего класса + наречие», что также выдвигает серьезные грамматические проблемы. Характеристике особого подкласса приглагольных прилагательных и возникающим в связи с его существованием проблемам отводится значительное место в первой части нашей работы.

Центральным вопросом второй части является определение состава причастной части класса прилагательных. Этот вопрос встает в связи с тем, что в болгарском языке не каждое причастие способно выступать в синтаксических позициях прилагательного, хотя все причастия обладают такими грамматическими чертами прилагательного, как согласование по роду и числу. Нами прослеживается функционирование причастий во всех позициях класса

прилагательных. Анализ грамматических черт причастий, выступающих в этих позициях, позволяет выделить признаки, определяющие круг причастий, входящих в класс прилагательных.

Важнейшие признаки, отграничивающие внутри общего класса причастий подкласс, входящий в состав класса прилагательных, связаны с категорией залога. Это вызывает необходимость рассмотрения в рамках настоящей работы вопроса о залоге в причастии.

Функционирование причастий в составе класса прилагательных делает актуальным вопрос о соотношении конструкции предикативного определения со сложными глагольными формами. Своеобразные проблемы встают также в связи с употреблением конструкции предикативного определения для обозначения действия.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КЛАСС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

I

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПОЗИЦИИ ПРИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ

(Конструкция простого определения)

1. Синтаксическое описание прилагательных требует прежде всего характеристики их как класса слов, т. е. определения присущих им позиций в предложении и формально-грамматических черт¹.

Класс прилагательных выступает в языке в нескольких синтаксических позициях. Основной из них является позиция при существительном. Важнейшие черты класса прилагательных проявляются в ней с достаточной полнотой.

Функционирование прилагательных как класса слов связано с функционированием другого класса слов — существительных. Условием включения прилагательного в предложение является наличие в нем существительного. Такое существительное составляет основное синтаксическое окружение прилагательного. Способность выступать в этом окружении есть признак принадлежности конкретного слова к классу прилагательных.

2. Состав слов, выступающих в позиции при существительном, т. е. в функции простого определения, уже был охарактеризован в грамматической литературе о болгарском языке. Основной костяк этого класса составляют истинные прилагательные: Сам той беше вече в *пълно хайдушко облекло...* (Ваз.); *От прежните си познайници*

¹ Понятие класса слов достаточно устоялось в лингвистической литературе. Теоретическую разработку этого вопроса см.: Z. Harris. From morpheme to utterance. «Language», v. 22, 1946.

той намери само Хаджията (Ваз.); *Дъбова шума* гарнира крайщата (Карасл.); Той вижда *беспомощното ми състояние*... (Л. Стоян.) и т. д. Большой массив внутри общего класса прилагательных составляют причастия: Тук ние се бием, ядем *варена царевица*... (Л. Стоян.); Тя изпъшка с *отчаян вид* (Ваз.); Сегиз-тогиз ветрецьт донасяше до тук *отдалечено дръкване* на звънци на *закъснели стада*... (Ваз.); Симо подръпваше диреците и *накованите* по тях *пречки* ... (Григ.). В составе класса прилагательных функционируют также местоимения-прилагательные: ... излизам на *някаква река* [...] *никаква* особена *паника* не виждам (Л. Стоян.); ... чудни хора! Че бива ли *такъв страх* ... (Л. Стоян.); *Всичките* богатички българи търговци бързаха да завземат *своите столове*... (Ваз.); *Тоя сбор* от смъртоносни оръжия принадлежеше на *същите актьори* ... (Ваз.). В класс прилагательных входят и порядковые числительные: Той направи бунта в *четвърта рота*... (Л. Стоян.); По шосето дръкват *първите коли*... (Л. Стоян.); На *трето място* са публицистите... (Карасл.).

Входя в состав класса прилагательных, причастия, местоимения, числительные имеют свои специфические черты, на основе которых они образуют внутри класса прилагательных отдельные подклассы. В то же время указанные типы слов обладают рядом общих черт, на основе которых они и объединяются с чистыми прилагательными в единый общий класс прилагательных. Функционирование отдельных подклассов внутри общего класса прилагательных ставит дополнительные синтаксические проблемы по отношению к проблемам, свойственным всему классу прилагательных в целом. Наиболее существенные из этих проблем связаны с подклассом причастий. Они будут рассмотрены позже специально. Первоочередной задачей является рассмотрение проблем, общих для всего класса.

3. Формально-грамматические черты этого класса слов уже получали освещение во многих трудах по болгарскому языку. Прилагательное характеризуется прежде всего категорией рода (мужской, средний и женский род) и категорией числа (единственное и множественное число). Для прилагательного мужского рода принято различать также долгую и обычную форму.

Кроме того, при характеристике грамматических черт прилагательного обычно указывают на присущую ему спо-

способность выступать с членной формой и иметь степени сравнения. Следует отметить, что эти черты отличны по своему грамматическому существу от категорий рода и числа. Членная форма и показатели степени сравнения *по-* и *най-* — это языковые единицы, стоящие скорее вне прилагательного. Членная форма в принципе является грамматическим показателем, связанным с существительным. Этот факт подчеркивался при характеристике прилагательных рядом болгаристов. Так, Н. Костов писал: «Членованные формы прилагательных служат для придания определенности не самому имени прилагательному, а существительному, которое оно определяет — *умният човек, високата къща, старите хора* и др.»². Подобные выводы содержатся и у П. Ст. Калканджиева: «Имя прилагательное может членоваться; однако оно членуется не само по себе, а когда определяет имя известного предмета»³. Следует отметить, что и по отношению к существительному член обладает значительной самостоятельностью.

Показатели степени *по-* и *най-* в болгарском языке являются элементами, присоединяемыми не только к прилагательному, но и к другим классам слов и, таким образом, представляют собой более общее для языка явление, которое в известной мере может рассматриваться как самостоятельное.

Вопрос грамматических отношений между прилагательным и существительным занимает значительное место в синтаксических описаниях болгарского языка. Большое внимание уделялось различным вариантам согласования прилагательного с существительным по роду и числу. Известно, что основным принципом здесь является уподобление прилагательного с точки зрения рода и числа тому существительному, к которому оно относится: *голям град, голяма къща, голямо нещастие, големи кучета*. Вместе с тем имеются языковые ситуации, в которых принципы согласования оказываются более сложными. Это имеет место, например, при расхождении грамматического рода существительного и естественного рода предмета, им обозначаемого, при употреблении прилагательного при двух и

² Н. Костов. Българска граматика. София, 1939, стр. 216.

³ П. Ст. Калканджиев. Българска граматика. Изд. 2 доп. Пловдив — София, 1938, стр. 269.

более существительных. Эти проблемы согласования подробно рассматривались в общих курсах грамматики болгарского языка⁴. Им посвящена значительная часть специального исследования К. Попова «Синтаксическое согласование в болгарском языке»⁵.

При рассмотрении грамматических отношений между прилагательным и существительным в трудах по болгарскому языку, наряду с вопросом о согласовании по роду и числу, значительное место отводилось нормам употребления члена при прилагательном. Уделялось внимание глубоко морфологической проблеме соединения членной формы с прилагательным. Получила освещение и синтаксическая сторона употребления члена — закономерности функционирования его в рамках конструкции, состоящей из существительного и относящегося к нему прилагательного. Этот вопрос, как правило, освещается в общих курсах грамматики⁶. Комплекс вопросов, связанных с функционированием члена, детально описывается в большой работе Ст. Стоянова «Употребление и значение определительного члена в современном болгарском литературном языке»⁷.

Выше было указано, что член не относится к числу грамматических признаков, присущих самому прилагательному. Вместе с тем для синтаксической характеристики класса прилагательных вопрос о члене, несомненно, является весьма существенным. Будучи грамматическим элементом существительного, при котором стоит прилагательное, член оказывается позиционным показателем для класса прилагательных. Закономерности употребления

⁴ См., например: П. Ст. Калканджиев. Указ. соч., стр. 425—427; Н. Костов. Указ. соч., стр. 213—215; К. Попов. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962, стр. 157—160.

⁵ К. Попов. Синтактично съгласуване в български език. София, 1964, стр. 84—106.

⁶ См.: П. Ст. Калканджиев. Указ. соч., стр. 269—270, 360—363, 416—418; Н. Костов. Указ. соч., стр. 215—218; А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 82—84; Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944, стр. 340—342, 459—462; К. Попов. Съвременен български език, стр. 150—152.

⁷ Ст. Стоянов. Употреба и значение на определителния член в съвременния български книжовен език. II част. Прилагателни, числителни, местоимения и причастия. «Годишник на Софийския университет. Филологически факултет» Т. LVII, 1, 1963.

члена при различных вариантах конструкции существительного с прилагательным дают важные критерии при анализе синтаксиса прилагательного.

4. Помимо употребления прилагательного в конструкции простого определения, в языке существует другой тип употребления прилагательного при существительном. Это так называемое обособленное определение. Мы ставим целью рассмотреть место прилагательного в основной синтаксической схеме построения болгарского предложения. Обособленное определение вклинивается в предложение как нечто самостоятельное по отношению к основной схеме построения предложения. Учитывая это, обособленное определение в данной работе специально анализироваться не будет. Указанное явление подробно рассматривается в монографии Е. Георгиевой «Обособление в болгарском литературном языке»⁸.

⁸ Е. Георгиева. Обособени части в българския книжовен език. София, 1964.

II

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПОЗИЦИИ ПРИ ГЛАГОЛЕ СЪМ И ДРУГИХ ГЛАГОЛАХ ЕГО ПОДКЛАССА

(Конструкция предикативного определения
подлежащего)

1. Второй важнейшей позицией класса прилагательных является позиция при глаголе *съм* и других глаголах его подкласса: Конкуренцията *е* *голяма* (Е.-П.); Нощите *станаха* *тъмни* (Йовк.); ... дърветата *стояха* *зелени* ... (Л. Стоян.) и т. п. В этом случае включение прилагательного в предложение обусловлено наличием в нем глагола. Вместе с тем для включения прилагательного в предложение так же, как и в первой рассмотренной позиции, необходимо наличие существительного. И в данном случае прилагательное связано с существительным, однако не прямо, а через посредство глагола. Синтаксическим окружением прилагательного следует считать, таким образом, глагол *съм* и существительное. С точки зрения линейного расположения элементов предложения (порядка слов) непосредственным окружением прилагательного является глагол *съм*. Вместе с тем в окружение входит и предшествующий глаголу *съм* элемент — существительное⁹.

Прилагательное в позиции при глаголе *съм* по своей функции является предикативным определением.

Категория «предикативное определение» уже получила подробное освещение в грамматической литературе. Предикативное определение — это одна из функций существительного или прилагательного (понимаемых в широком смысле, т. е. с включением в состав существительных местоимений-существительных, а в состав прилагательных — местоимений-прилагательных, причастий и т. п.) в предложении. Эта категория наиболее близко со-

⁹ Не случайно некоторые ученые выделяют класс прилагательных, исходя из двух позиций: позиции перед существительным и позиции после связочного глагола. См., например: Ch. C. F r i e s. The Structure of English. An introduction to the construction of English sentences. New York, 1952, стр. 82.

прикасается в предложении с простыми определениями и приложениями. От прилагательных и существительных в этих функциях предикативное определение отличается рядом признаков.

Традиционная грамматика славянских языков указывала на отличия грамматического значения предикативных определений и на их формальные черты. Фундаментальное исследование этого явления в славянских языках было проделано А. А. Потебней. Свои наблюдения он сформулировал следующим образом: «Определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие; атрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием или посредством его»¹⁰. Помимо этого, А. А. Потебня указал и формальные показатели, которые отличают предикативные определения от простых определений и приложений: порядок слов и интонация.

Исследование А. А. Потебни явилось основополагающим в разработке вопроса о предикативных определениях во многих работах по славянскому языкознанию.

В современном зарубежном языкознании исследователи, разрабатывающие вопросы синтаксиса с учетом новых лингвистических теорий, также уделяют внимание конструкциям с предикативным определением. В своих работах они отмечают в основном те же признаки предикативных определений, что и в традиционной грамматической школе¹¹. Расхождения наблюдаются в том, что сторон-

¹⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888, стр. 117.

¹¹ Так, Ч. Фриз в книге «Структура английского языка» (Ch. S. Fries. The Structure of English. An introduction to the construction of English sentences. New York, 1952), ставя перед собой вопрос, какими формальными контрастами различаются структуры predicate nominative, object complement, appositive, noun adjunct и другие, делает вывод, что «формальные контрасты, которые опознают эти структуры, являются сущностями главным образом из образцов порядка слов» (стр. 189). Помимо порядка слов, Ч. Фриз указывает как признак, разграничивающий предикативное определение и приложение, интонационное оформление предложения. Ч. Фриз считает, что предикативные определения, как и другие синтаксические категории, имеют свои грамматические значения (в терминологии Ч. Фриза «структурные значения»). Для предикативного определения подлежащего он принимает значение «характеристики опознавания», для предикативного определения дополнения — «тот, который проистекает из действия». Он подчеркивает, однако, что формальное устройство, а не отличие в значении характеризует и

ники формального направления не включают грамматическое значение в ряд определяющих признаков данной синтаксической категории.

В дальнейшем, исходя из вышесказанного, под предикативным определением мы понимаем составной компонент особой трехчленной конструкции, двумя исходными элементами которой являются существительное (подлежащее или прямое дополнение) и глагол (сказуемое). Этот компонент выражается существительным или прилагательным, согласуемым с первым существительным конструкции.

Конструкция предикативного определения представляет собой, таким образом, явление более широкое, в котором образования с участием прилагательного составляют лишь одну из разновидностей.

2. Для описания прилагательных в позиции при глаголе *съм* необходимо сначала дать характеристику их непосредственного синтаксического окружения. Следует определить состав и грамматические особенности глаголов, которые образуют с прилагательным конструкции предикативного определения подобно глаголу *съм*.

В кругу глаголов, способных выступать в конструкции предикативного определения, глагол *съм* является наиболее широко употребляющимся. Примерами его употребления могут служить следующие предложения: Ударът

отделяет предикативные определения от других синтаксических категорий.

Г. Глинц в работе «Внутренняя форма немецкого языка» (H. G l i n z. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. Bern, 1952), формулируя свои наблюдения над предикативными определениями (в его терминологии это «равновеликие величины к основным величинам» и «равновеликие величины к величинам цели»), подчеркивает, что «они обладают специфическим свойством с точки зрения занимаемого места в предложении» (стр. 160). Он пишет, далее, что интонация четко противопоставляет случаи предикативного определения приложениям («дополнительным величинам»), что предикативные определения «не имеют особой частичной дуги и даже не допускают ее, а наоборот, стоят под одной дугой с номинативом, выражающим основную величину» (стр. 161). Г. Глинц освещает также вопрос о разновидностях значений конструкций с предикативным определением (стр. 168).

В работе «Элементы структурного синтаксиса» Л. Теньер (L. T e s n i è r e. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959), исходя из материала различных языков, приходит к выводу, что различия, обнаруживающие функцию простого определения (épiphète) и функцию предикативного определения (attribut), коренятся в порядке слов (стр. 155).

върху неговия дом *щеше да бъде страшен* (Карасл.); — *Гладен ли си?* — попита угодливо тя (Карасл.); Нейното място, речи, *беше готово* (Е.-П.); — ... Аз не мога да се боря с тях, защото *съм слаба* (Е.-П.); — Ама нали ви обясних, че не *съм виновен* ... (Веж.); *Бъдете спокоен*, ще се справя! (Веж.); *Сърдите бяха* и двамата — Васил ги изпращаше да търсят една телица (Йовк.); — ... Ще има ли нещо да ги гостим, че *са гладни?* (Йовк.); — ... Умът ти надалеч бяга, нещо *си кахърен* (Л. Стоян.); Той се питаше само: *искрен ли е Еминджик?* (Л. Стоян.).

Предикативное определение употребяется также при так называемых полужнаменательных глаголах, близких по своему грамматическому существу к глаголу *съм*:

б и в а м: Друг път тя *биваше приказлива*, сега мълчеше (Йовк.);

в и ж д а м с е: И поради това тревогата на майка ѝ за вечерята ѝ *се виждаше незначителна и дребнава* (Карасл.); Тоя смях му *се видя зъл и зловец* (Е.-П.); И в неговите очи кучето му *се виждаше страшно*... (Йовк.);

и з г л е ж д а м: Светлото му, широко, солидно построено лице *изглеждаше съвсем спокойно* (Веж.); *Мъртва и глуха изглеждаше бялата равнина*, като пустиня (Йовк.); — ... Бедната природа, колко *нищожна изглежда* пред него! (Е.-П.);

и з л я з а: И баща ѝ *излезе прав* (Карасл.); И поисках да напиша нещо весело, но то *излезе тъжно* (Е.-П.); — ... Въпросните зайци, които бяха стотвени по два начина, *задушено и попска яхния*, действително *излязоха вкусни* (Е.-П.);

о к а ж а с е: Паспортите им *се оказаха нередовни* (Йовк.);

о с т а в а м: Поручик Манев обходи бързо височийната и *остана доволен* от прегледа... (Веж.); То е тъй, *гладни няма да останем*... (Йовк.); ...той се радва, защото *е останал свободен* (Йовк.);

п а д а м: Това е, че моята Тодора малко *мързелива пада*... (Веж.);

п о к а з в а м с е: И той *трябваше сега да се преструва*, да *се показва спокоен*... (Ваз.);

п о ч у в с т в у в а м с е: Дойдоха двете големи деца на Синапа и Кара Феиз *се почувствува истински нещастен* при вида на тия весели главички... (Л. Стоян.);

с л у ч а с е: ...нощта *се случи студена*, валеше лапавица (Йовк.);

с т а в а м: Лицето му ставаше още по-зелено, носът му се удължаваше ... (Л. Стоян.); По-нататъшното напредване бе станало невъзможно и безсмислено (Веж.); Но тя като че ставаше още по-пъргава, по-съобразителна и по-неуморна (Карасл.);

с т о р я с е: ...нейният мил глас сега се стори на Тъкачев по-мек и по-мелодичен (Карасл.); ...един голям вълк с зинала червена уста (стори му се голям като магаре), гонеше овцете из ъгъла... (Йовк.);

с т р у в а м с е: ...колко светъл би му се струвал светът, ако така спокойно и свободно можеше да се разходи със Станка (Карасл.); Смъртта му се струваше неестествена и несправедлива, но не се страхуваше от нея (Веж.);

у л у ч а с е: ...невястата се улучи хрисима и работлива, пък и цяла кола покъщина им донесе... (Карасл.);

у с е щ а м с е: Усещам се добър, почти невинен веч (Ваз.);

ч у в с т в у в а м с е: Не се ли чувствуваш виновен за нещо? (Веж.); В себе си Кръстю се чувствуваше виновен (Карасл.);

я в я в а м с е: ...убеждавам се, че колкото по-мизерна и по-невежа се явява една личност, толкова по-здорово и здраво поколение ражда (Е.-П.)

По своему значению указанные глаголы таковы, что выражаемое ими действие как бы неполно и требует дополнительной характеристики. Такая характеристика дается в предикативном определении, имеющемся при глаголе. Таким образом, между рассматриваемыми глаголами и предикативным определением существует тесная связь. Многие из указанных глаголов употребляются в болгарском языке не только в сочетании с предикативным определением, но и самостоятельно. Однако в случае самостоятельного употребления этих глаголов обыкновенно наблюдается расхождение в значении глаголов по сравнению с тем, какое они имеют при употреблении с предикативным определением. Ср., например: « — Отиде си! — *излезе* Юрталана иззад малкия навес на старата шлевня...» (Карасл.) и «*И баца ѝ излезе прав*» (Карасл.).

Другую группу глаголов, способных употребляться с предикативным определением, составляют полнозначительные глаголы. Эти глаголы характеризуются более свободными отношениями с предикативным определением в противоположность более зависимым отношениям гла-

голов предыдущей группы. Глаголы рассматриваемой группы могут сопровождаться предикативным определением, но могут употребляться, сохраняя то же самое значение, и без такого определения. Так, глагол *прибера се*, употребленный с предикативным определением в предложении «След малко децата *щяха да се приберат гладни и нетърпеливи*, та трябваше да им се постъкми нещичко за похапване» (Карасл.) может быть употреблен в том же значении и без предикативного определения: «След малко децата *щяха да се приберат*, та трябваше да им се постъкми нещичко за похапване».

Группа полнозначенных глаголов, подобных глаголу *съм* по способности употребляться с предикативным определением, достаточно обширна. В нее входят глаголы *вървя, дойда, живея, изляза, лежа, минавам, муча, отида, работя, седя, стоя, тръгна, тръшкам се, ходя, шумя, явя се* и многие другие. В качестве примера конструкций предикативного определения с такими глаголами могут служить предложения: Имаше нещо подло и в това, че от нападението самият той *беше излязъл невредим* (Дим.); Добичетата *мучеха гладни* и те ги запрягаха да си ходят (Даск.); — ... После до края на пътуването *стояха гладни*... (Веж.); ... после върти лениво глава наоколо, избира добра сянка и *се тръшка сит* да се наспи (Даск.); — ... Остави им, те *ще си дойдат гладни* като вълци (Карасл.); На другия ден Еникий *се яви* пред братята *блед, тъжен* и с отчаян вид (Е.-П.); — ... Вдигам пушката, стрелях му — не улучих, *отиде си жив и здрав* (Е.-П.); *Шуми* Искъра *буен и мътен*, пенят се водите му по камъните... (Е.-П.); *Тя работеше боса, разчорлена* ... (Карасл.); — ... Изведнаж се *сети*, говедото, *повърна се, излезе гологлав* на нартиката... (Ваз.); ... той *лежеше жълт и немошен* в командния блиндаж и тихо пъшкаше (Веж.); ... те искаха да възвишат душите си до бога и *чисти да отидат* в неговите селения (Е.-П.).

Функционирование прилагательных при полнозначенных глаголах связано с рядом синтаксических проблем, без рассмотрения которых не может быть дана их полная характеристика. Поэтому мы ограничимся пока лишь констатацией того, что эти глаголы употребляются подобно глаголу *съм*. Подробнее вопрос о полнозначенных глаголах будет рассмотрен несколько позже.

3. Состав слов, выступающих в позиции при глаголе *съм* и других указанных глаголах, подобен составу слов,

выступающих в позиции при существительном. Значительную часть составляют чистые прилагательные. Они были представлены в приведенных выше примерах.

Наряду с чистыми прилагательными в этой позиции широко употребляются причастия: На това отгоре бозаджийницата *бе наета* от селския налбантин (Е.-П.); Всички знаеха, че плевникът *е подпален* от Кавръчето... (Карасл.); ...почти всички *бяха неподстригани и брадясали* (Веж.); ... този поглед *му се видя* строг и *необещаващ* (Карасл.); Васил *не изглеждаше* нито *зарадван*, нито *учуден* (Йовк.); Но доброволецът и без това *не изглеждаше уплашен* (Веж.); Нещо в приведения гръб и в мелодията *се стори познато* на офицера (Веж.); ... но понататък? — въпросът *оставаше открит* (Л. Стоян.); ... неговото детинство, когато той *се връщаше* вечер *измръзнал*, *сядаше* край огнището ... (Даск.); Стига да му *дадеше* малък знак, и той *тръгваше* *помамен* подир нея! (Даск.); ... *беше паднал повален* за няколко дни на легло от умората и треската ... (Велк.); Големи камъни, *свлечени* от балкана чак, *стояха изхвърлени*, никому ненужни (Даск.).

В позиции при глаголе *съм* и других глаголах его подкласса употребляются также местоимения-прилагательные: —... Туй куче *е наше*. — Как ваше? То си е наше (Йовк.); *Виж ти, какъв бил* нейният Мехмед! (Л. Стоян.); — ... *Каквато ни е земята — такъв ни е и човекът* (Веж.); Василена си *беше същата* (Йовк.); Само за няколко дни *тясната гола стаичка му беше станала* *съвсем своя* и любима (Веж.); —... не помисли ли, не си ли *направи мъничко сметка — каква излиза* тя, *накъде отиваш?*... (Карасл.); — Ти поне не ми *се виждаш такъв* (Веж.); ... но лицето му си *остана все същото* (Веж.); — Хайде *вижте там в ония варели* *какво има!* *Не се мотайте такива* — подвижна Боян (Даск.).

В этой позиции употребляются и порядковые числительные: ... Иванова *първа*, която носеше тая прикачка за отличие от друга Иванова, която *пък се викаше втора* (Ваз.); Димитър *пристигна първ* за съвещанието... (Веж.).

Как уже указывалось, употребление в конструкции предикативного определения свойственно не только классу прилагательных. В этой позиции употребляется также класс существительных. Слова этого класса употребляются прежде всего с глаголом *съм*: — *Бъди им началник* и *разполагай* с тях като със свои хора (Л. Стоян.).

Широко распространено также употребление существительного с полузнаменательными глаголами: ... — *Защо точно ние да ставаме жертва на края на войната* (Веж.); ... *ще остане ли Васил и занапред управител на чифлика или ще трябва да го уволнят* (Мовк.). При полнознаменательных глаголах существительное, в отличие от прилагательного, встречается редко. Примером такого употребления может служить предложение: — *Сине — рече той внушително и тържествено, да биеш мъжки всички врагове, който се явят пред очите ти, за да ми се върнеш победител и герой* (Карасл.). Таким образом, несмотря на определенную синтаксическую общность с существительным, прилагательное в конструкции предикативного определения имеет свою специфику.

III

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ПОЗИЦИИ ПРИ ОСОБОМ ПОДКЛАССЕ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

(Конструкция предикативного определения
прямого дополнения)

1. Специфическую разновидность конструкции предикативного определения образуют прилагательные, выступающие при особом подклассе переходных глаголов и синтаксически связанные не с существительным-подлежащим, а с существительным-прямым дополнением: Топлата пара [...] *правеше* червеното му *лице* още *по-румено* (Веж.).

Глаголы, входящие в этот особый подкласс, принадлежат в своем большинстве к определенным лексическим группам. Сюда относятся глаголы со значением «называть кого-нибудь кем, чем»: *викам, дрънкам, зова, именувам, казвам, наричам, опявам, обявя, река* и т. п.; со значением «делать кого-нибудь кем, чем»: *взема, изкарам, наредя, оставям, правя, родя, сторя, създам* и т. п.; со значением «считать кого-нибудь кем, чем»: *смятам, пиша, познавам, представлявам си, приема, чувствувам, помня* и т. п. и целый ряд глаголов, которые трудно определить единым термином (наиболее общий признак их — обозначение действия человека): *взема, виждам, гледам, дам, доведа, донеса, държа, заварвам, зароя, изведа, изгоря, искам, изкарам, намирам, обичам, облека, опазя, оставя, посрещам, разпусна, сваря, срещам, турям, хващам* и т. п.

Отдельно следует отметить глагол *има* в значении «иметься, существовать». Он всегда употребляется с прямым дополнением и также может иметь при себе предикативное определение.

2. В конструкции предикативного определения прямого дополнения функционируют те же категории слов, что и в конструкции предикативного определения подлежащего.

Это прежде всего истинные прилагательные: — Такова *четене*, батинка, *наричам аз ученическо* (Гул.); ... още при мобилизацията *го изкарали* два набора по-млад и го зачислили на предна линия (Л. Стоян.); ... *изпрацането ѝ* в бившата схлупена и тъмна бакалница тя *смяташе недостойно* за нейното учителско звание (Карасл.); Мъчно човек може да си *представи некадърника* така *спретнат, изискан и бърз* в мислите (Веж.); — ... *Ще го доведа жив или мъртъв* (Л. Стоян.); — На вас това ще струва нежни погледи и усмивки, а на нас — задоволството, да *видим клиента си щастлив* ... («Стърш.»); — Чаша чай — каза сериозно Евстати. — *Липов ли го искате?* — попита с престо- рена загриженост Зина (Гул.).

Широко представлены в этой позиции и причастия. Например: — ...ето че лятото пак *ни завари неподготвени*... (Март.); *Донесоха човека ни жив, ни умрял* в къщи ... (Йовк.); Но тя се утешаваше с това, [...] *дете го вижда разчорлен*, по жилетка... (Карасл.); Те падат мъртви, покосени от съчмите, като малки парцалчета, или *ги хващам ранени* (Е. П.); ... селото с малкото или повече земя, [...] с всичко онова, което тегли назад, *го държи здраво привързан*... (Март.); — ...*Кажи-речи, няма го смет* само в зародишно състояние и на смъртно легло (Е.-П.).

При указанных глаголах употребляются также местоимения-прилагательные и порядковые числительные.

Конструкция предикативного определения прямого дополнения не является синтаксической сферой исключительно класса прилагательных. Здесь так же, как и в конструкции предикативного определения подлежащего, выступает и класс существительных. Например: — *Правиш ме началник* на щаба — засмя се Илия. — *Добре!* (Гул.); — *Нали си архитект*, как не *те взеха* поне *пионер*... (Л. Стоян.); — *Ти ма не стори зет* и ма изподи, ала да повниш кого зоват Мехмед Синапа! (Л. Стоян.); — *Казак да не те ви- кат* — обърна се насърчително Коста, — ако не му найдеш цаката... (Карасл.). Следует отметить, однако, что существительные употребляются при более узком круге глаголов, чем прилагательные. Им свойственно употребление при глаголах со значением «называть, делать».

3. Сравнивая круг глаголов, при которых возможно предикативное определение прямого дополнения, с глаголами, выступающими с предикативным определением под-

лежащего, можно обнаружить в ряде случаев определенный параллелизм между ними. Некоторые глаголы выступают, с одной стороны, как переходные с предикативным определением прямого дополнения, а с другой стороны, приобретая элемент *се*, сочетаются с предикативным определением подлежащего. Подобные пары образуют глаголы *казвам — казвам се, наричам — наричам се, чувствувам — чувствувам се, смятам — смятам се, виждам — виждам се*. Ср., например: «*Виждам ви мрачни, омърлушени, уморени от труд ...*» (Е.-П.) и «... на Златан *всичко се виждаше ново и странно*» (Веж.).

Однако не всегда глагол, при котором имеется *се*, представляет собой непреходный глагол такой пары. Следует иметь в виду, что в болгарском предложении прямое дополнение очень часто выражается не существительным, а местоимением как его заместителем. Среди таких местоимений употребляется и возвратное местоимение в своей краткой форме *се*. Поэтому в ряде случаев предложение с глаголом, при котором имеется *се*, содержит конструкцию предикативного определения не подлежащего, а прямого дополнения.

Это можно продемонстрировать на следующей паре предложений: «...*тя се чувствуваше недостойна* за такъв учен мъж, който заминава някъде в големия свят сред големи хора» (Карасл.) и «... *Чувствувам те* толкова близка, и все пак не те разбирам» (Стрелк.). В первом предложении при глаголе *чувствувам* имеется элемент *се*, самостоятельность которого ощущается в сильной мере. Сравнение с сочетанием *чувствувам те близка* из второго предложения еще больше подчеркивает эту самостоятельность элемента *се*: он воспринимается как выполняющий ту же функцию, что и местоимение *те*.

Аналогична роль элемента *се* и в следующих предложениях: — ... *Който го е страх или се смята некадърен и слаб, нека се върне навреме* (Л. Стоян.); *Като се видя омотан и здраво привързан към дирека, той се разсърди ...* (Йовк.). Ср. эти примеры с предложениями: — *Толкова ли ме смяташ загубена?* (Вас.); — ... *Жено, при мене — да те видя веднаж наредена с другите...* (Карасл.).

Самостоятельность элемента *се* в приведенных предложениях проявляется в том, что он вполне может быть заменен другими энклитическими местоимениями (*ме, те, го, я* и т. д.).

Вместе с тем в болгарском языке между случаями, когда элемент *се* выступает с самостоятельной синтаксической функцией, и случаями, когда элемент *се* входит в состав глагольной формы как залоговый показатель, не существует резких границ¹². Это общее для языка явление касается и интересующей нас области. Поэтому в ряде предложений с глаголом, при котором стоит элемент *се*, конструкция предикативного определения может пониматься и как связанная с подлежащим, и как связанная с прямым дополнением¹³.

¹² См., например: Н. К о с т о в. Указ. соч., стр. 123—124.

¹³ Этим и объясняется тот факт, что аналогичные примеры с конструкцией предикативного определения трактуются разными грамматистами по-разному. Так, А. Теодоров-Балан определяет предложение «Или *се смяташ изоставен?*» как содержащее предикативное определение подлежащего (А. Теодоров-Балан. Указ. соч., стр. 405). Близкое предложение «Защо *се смяташ изоставен?*» Л. Андрейчин относит к случаям предикативного определения прямого дополнения (Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 447).

IV

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОНСТРУКЦИИ ПРОСТОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КОНСТРУКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Основная задача при выявлении синтаксической функции «предикативное определение» сводится к отграничению ее от простых определений и разного рода обособлений. Интонация является главным показателем обособлений в предложении и четко противопоставляет их простым и предикативным определениям, поэтому мы исключаем из нашего рассмотрения случаи обособлений. Предикативные определения будут нами рассматриваться в противопоставлении только с простыми определениями.

В болгарском языке в форме самих прилагательных нет разницы в зависимости от их предикативного и непредикативного употребления и порядок слов составляет единственный показатель того, является ли интересующий нас элемент в предложении простым определением или предикативным.

Простое определение и предикативное определение подлежащего

1. Основным вариантом порядка слов в болгарском языке является порядок «существительное-подлежащее — глагол-сказуемое»: (1) С — Г. Прилагательное-определение стоит перед определяемым существительным: (2) П—С, а прилагательное-предикативное определение находится после глагола. Таким образом, основным вариантом порядка слов в предложении с простым определением является порядок «прилагательное—существительное—глагол»: (3) П—С—Г. Например: *Препълнените тролети се движеха съвсем бавно...* (Веж.). Основным вариантом порядка слов в предложении с предикативным определением является порядок «существительное — глагол —

прилагательное»: (4) С — Г — П. Например: *Старецът вървеше приведен*, слушаше го умилено и мълчаливо, и от време на време пошипваше пазухата си, дето носеше парите (Е.-П.).

Наряду с основным вариантом порядка слов С — Г в болгарском языке, где существует известная свобода порядка слов, возможен и обратный порядок, т. е. порядок «глагол — существительное»: (5) Г — С. При таком порядке расположения глагола и существительного прилагательное, являющееся простым определением, занимая место перед определяемым существительным, оказывается между глаголом и существительным: (6) Г — П — С. Прилагательное, являющееся предикативным определением, занимая место после глагола, оказывается также между глаголом и существительным: (7) Г — П — С. Таким образом, при подобном порядке прилагательное, как в том случае, когда оно выступает в функции предикативного определения, так и в том случае, когда оно выступает в функции простого определения, занимает одно и то же место в предложении, а именно стоит между глаголом и существительным. Следовательно, порядок Г — П — С является синтаксически двусмысленным. Например: През железна заключена врата *стои подхвърлен букет* от свежи цветя (Е.-П.).

Для выяснения подобных случаев полезно рассмотреть более подробно состав и закономерности расположения элементов в группе подлежащего, т. е. в группе П — С, и выделить на этой основе формальные показатели синтаксической функции прилагательного. Известно, что в группе существительного может входить не только одно прилагательное, но и другие определяющие элементы. В порядке расположения этих элементов относительно существительного и относительно друг друга имеются свои закономерности.

2. Наиболее регулярным элементом, определяющим существительное, является член. Наблюдения исследователей над режимом употребления члена в группе существительного при наличии в этой группе прилагательного-определения сводятся к следующим нормам: а) препозитивное прилагательное получает член определяемого слова; б) при нескольких препозитивных прилагательных член ставится у первого из них; в) при именах собственных, которые сами по себе не членуются, прилагательное

имеет член. На основе указанных норм можно сделать следующие выводы применительно к интересующему нас случаю стечения слов «глагол — прилагательное — существительное»:

а) если член стоит не при прилагательном, а при существительном, прилагательное не входит в группу существительного;

б) если прилагательное предшествует прилагательному с членом, оно не входит в группу существительного;

в) в случаях, когда существительное есть имя собственное, отсутствие члена при прилагательном свидетельствует о том, что это прилагательное не входит в группу существительного.

Таким образом, порядок расположения элементов в группе из существительного и определяющих его члена и прилагательного сводится к следующим основным положениям:

а) прилагательное — член — существительное:

(8а) П — член — С;

б) прилагательное — член — прилагательное — существительное (при нескольких прилагательных):

(8б) П — член — П — С;

в) прилагательное — член — существительное (при именах собственных):

(8в) П — член — С_{соб.}

Тогда двусмысленность стечения элементов Г — П — С для случаев простого определения разрешается следующим образом:

(9а) Г — П — член — С;

(9б) Г — П — член — П — С;

(9в) Г — П — член — С_{соб.}

Случаи же предикативного определения будут иметь вид:

(10а) Г — П — С — член;

(10б) Г — П — П — член — С;

(10в) Г — П — С_{соб.}

Продемонстрируем сформулированные здесь положения на ряде предложений болгарского языка. В предложении

«Не казваше ли той, че трябва да *се държи сух барутът?*» (Л. Стоян.) прилагателное *сух* идет непосредственно за глаголом и может быть расценено как предикативное определение. Но вместе с тем оно стоит перед существительным и вследствие этого могло бы быть понято как простое определение. Анализ порядка расположения элементов показывает, что интересующая нас группа *се държи сух барутът* имеет вид Г — П — С — член, т. е. соответствует формуле (10а). Следовательно, прилагателное *сух* является в данном предложении предикативным определением. Подобным же образом место члена свидетельствует о том, что в нижеследующих предложениях прилагательные *свита*, *окъпани*, *учудена* выступают в функции предикативного определения: Високите кули на конака стърчаха самотни в синьото небе, широките чардаци стояха пусти, докато в голямата стая долу *седеше свита жената* и се вслушваше в бумтежа на пушките (Л. Стоян.); В кафенето срещу банята, край което два пъти в седмицата *минаваха окъпани жените* от града и где то по тая причина се събираха сластолюбивите и наклонни към изневяра мъже, името на тая вдовица не беше произнесено (Е.-П.); — Ху-ба-ва работа! — *дръпна се учудена арнаутката* (Карасл.).

В противоположность этому в предложении «Над обекта *гаснат белите струи* на светлината» (Страндж.) группа «глагол — прилагателное — существительное» имеет вид Г — П — член — С, т. е. соответствует формуле (9а). Это значит, что прилагателное в ней выступает в функции простого определения.

Показательны следующие примеры с двумя рядом стоящими согласуемыми с существительным элементами: В сайванта *стояха вързани трите коня* на Муржу, но къде беше верният му вардиянин? (Л. Стоян.); В шествието един до друг *вървят унили и скучающи тримата приятели*: Поров, Зигзагов и Поклоников, също известни личности, важни лица и висши чиновници по финансовите учреждения (Е.-П.). Прилагательные в них можно было бы счесть за однородные члены. Однако синтаксическая функция их в предложении различна. Одно из прилагательных в паре является предикативным определением, а другое входит в группу существительного в роли простого определения. В этом легко убедиться на основе анализа в соответствии с данными выше правилами. Рассматриваемые группы в этих предложениях имеют вид Г — П — П — член — С,

т. е. соответствуют формуле (10б). Следовательно, прилагательные *вързани, унили, скучающи* выступают здесь в функции предикативного определения. Сопровождаемые же членом слова *тримата, трите* входят в группу существительного как простые определения.

Случай «в», когда в рассматриваемой группе Г — П — С на месте существительного выступает имя собственное, являются разновидностью вариантов «а». Однако формальным показателем синтаксической роли прилагательного оказывается не место члена, а наличие или отсутствие его вообще, так как в случаях предикативного определения, когда член должен был бы стоять при существительном, при имени собственном он опускается. Следовательно, в предложениях: — Освен да почваме! — *върна се изпотен Жори*, който по тайната поръчка на Дица бепе ходил чак дома му да го търси... (Даск.); На балкона *излезе гологлав Ценко* и магна с ръка на Стойков, като поклати юмрук (Даск.) прилагательные *изпотен* и *гологлав* являются предикативными определениями, так как интересующие нас группы имеют вид (10в): Г — П — С_{соб.}, в то время как в предложении *Върна се младия Жори*, где интересующая нас группа сводится к формуле (9в): Г — П — член — С_{соб.}, прилагательное *младия* выступает в функции простого определения.

3. Помимо члена группа существительного нередко оказывается расширенной благодаря присутствию энклитик. Энклитики, обладая фиксированным положением, также служат четким показателем границ группы существительного. Энклитические притяжательные местоимения ставятся после одиночного существительного или же, если существительное имеет препозитивные определения, после первого определения. Таким образом, положение энклитики в случае расположения Г — П — С есть, наряду с членом, также четкий показатель границы группы существительного и, следовательно, критерий при оценке, является ли интересующее нас прилагательное простым определением или же оно стоит вне группы существительного и представляет собой предикативное определение.

Аналогично случаям (9а) и (10а) эта закономерность может быть сформулирована следующим образом:

для простого определения: (11) Г — П — энклитика — С;

для предикативного определения: (12) Г — П — С — энклитика.

Практически в такой комбинации почти всегда присутствует и член, поэтому действительное положение в случае присутствия в группе существительного энклитик будут выражать формулы, объединяющие в себе свойства как (9а) и (10а), так и (11) и (12), а именно:

для простого определения: (13а) Г — П — член — энклитика — С;

для предикативного определения: (14а) Г — П — С — член — энклитика.

В формуле (13а) между прилагательным, сопровождаемым членом и энклитикой, и существительным могут присутствовать и другие однородные определения. Все они будут находиться в границах группы существительного, начало которой обозначено прилагательным, сопровождаемым членом и энклитикой, т. е. в таком случае формула будет иметь вид:

(13б) Г — П — член — энклитика — П — С.

Но, как и в уже приводившихся примерах, два прилагательных, стоящих между глаголом и существительным, могут по синтаксической функции различаться между собой, т. е. одно из них может быть простым определением, а другое — предикативным. В таком случае расположение элементов имеет вид:

(14б) Г — П — П — член — энклитика — С.

Конкретно в языке это выглядит следующим образом. В предложении «На гърдите ѝ *стоеше полуживо двегодишното ѝ унуче*, сираче, болно от две недели насам» (Ваз.) имеется два прилагательных, расположенных между глаголом и существительным: *полуживо* и *двегодишно*. Такое расположение включает в себе возможность трактовать их как два простых определения к существительному *унуче*. Однако место члена и энклитики характеризуют первое из прилагательных как не относящееся прямо к группе существительного и являющееся предикативным определением, а второе — как простое определение, входящее в эту группу, т. е. расположение элементов имеет вид формулы (14б).

4. Помимо члена и энклитики, граница группы существительного может быть четко обозначена словами, которые всегда занимают первое место в группе существительного. Так, присутствие в группе существительного слов *един*, *много* ясно отграничивает все, непосредственно входящее в эту группу, от того, что не относится к ней. Таким

образом, в случае порядка слов Г — П — С место слов *един*, *много* служит признаком, различающим предикативное определение и простое определение. Например, в предложении «Ерофим подига глава: под стряхата, гдето под всеки два дирека са заковани дъски за кафез на гълъбите, в една такава дупка *стои замислен един червен гълъб* и гука — вика другарката си» (Йовк.) порядок интересующих нас слов представлен как (15): Г — П — един — П — С. Этот порядок означает, что первое прилагательное *замислен* стоит вне группы существительного и является предикативным определением, а второе прилагательное *червен* входит в эту группу и является простым определением.

Простое определение и предикативное определение дополнения

1. Предикативное определение-прилагательное, относящееся к прямому дополнению, как правило, стоит в предложении после глагола и этого дополнения, т. е. расположение элементов имеет вид:

(16) C_1 — Г — C_2 — П, где C_1 является подлежащим, а C_2 — прямым дополнением (если прямое дополнение выражается энклитическим местоимением, порядок слов имеет вид C_1 — доп._{мест.} — Г — П). Например: Ситен невидим *дъждец правеше въздуха мокър*, тежък от влага (Гул.).

Простое определение к существительному-дополнению в соответствии с нормой языка ставится перед таким дополнением, и, следовательно, порядок элементов получает вид:

(17) C_1 — Г — П — C_2 . Например: Ситен дъжд непрестанно ръми и рони *последните жълти листа* на оголелите тополи (Е.-П.).

Однако расположение элементов вида (17) не является однозначным. Порядок слов при предикативном определении обладает некоторой свободой. Он допускает возможность инверсии предикативного определения по отношению к дополнению, т. е. постановки предикативного определения перед дополнением. В таком случае расположение элементов также имеет вид:

(18) C_1 — Г — П — C_2 , т. е. совпадает с формулой (17).

Этот случай омонимии разрешается аналогично случаям, рассмотренным в предыдущем разделе, где мы столкнулись с совпадениями порядка слов при предикативном и простом определениях, относящихся к существительному-подлежащему. Как и там, синтаксические связи четче выявляются при более детальном анализе состава группы существительного с целью установления точной границы этой группы. Граница группы существительного оказывалась четко выявленной благодаря присутствию в ней элементов со строго фиксированным местом в группе: член, энклитика, слова *един*, *много*. Нормы употребления слов с фиксированным положением в группе и другие связанные с этим вопросы мы сформулировали в предыдущем разделе, при рассмотрении вопроса о группе подлежащего. Но сами эти нормы являются более общими, они относятся вообще к группе существительного, независимо от его функции в предложении, т. е. при учете этих норм группа с прилагательным-определением имеет вид: П — член — С; П — член — энклитика — С; един — П — С.

Если мы введем эти уточнения в формулу (17), то омонимия разрешается для случаев простых определений дополнения следующим образом:

$$(19a) C_1 - \Gamma - П - \text{член} - C_2;$$

$$(19б) C_1 - \Gamma - П - \text{член} - \text{энклитика} - C_2;$$

$$(19в) C_1 - \Gamma - \text{един} - П - C_2.$$

В случаях же, когда прилагательное является предикативным определением дополнения, фиксированные элементы группы существительного будут оформлять само это существительное, т. е. формула (18) в развернутом виде представляется таким образом:

$$(20a) C_1 - \Gamma - П - C_2 - \text{член};$$

$$(20б) C_1 - \Gamma - П - C_2 - \text{член} - \text{энклитика};$$

$$(20в) C_1 - \Gamma - П - \text{един} - C_2.$$

2. Рассмотрим более подробно ряды типа (20a). Примерами этого ряда могут служить предложения: Пазвантооглу гледаше през пръсти, *остави отворен вилаета*, царската войска го притисна и смаза (Л. Стоян); За Кара Ибрахим беше важно да *хване жив разбойника* и хората му, да ги изпрати в Хюлбе на пашата — тогава и за него

мир и за царцината спокойствие (Л. Стоян.). Общее разложение первого предложения приводит к двусмысленной формуле $C_1 - \Gamma - \Pi - C_2$. Однако дополнительный анализ существительного позволяет уточнить ее как формулу $C_1 - \Gamma - \Pi - C_2$ — член, которая приводит нас к выводу, что прилагательное *отворен* стоит вне границ группы существительного C_2 и является его предикативным определением. Во втором предложении прилагательное *жив* на основе тех же данных должно быть также квалифицировано как предикативное определение.

В противоположность приведенным предложение «*Той каза това и веднага си спомни смутения глас на Лазар Тонкин*» (Гул.) в интересующей нас части имеет формулу $C_1 - \Gamma - \Pi - \text{член} - C_2$, характеризующую прилагательное *смутен* в его составе как простое определение.

Подобно тому, как это имело место при существительном-подлежащем, см. формулы (96) и (106), перед существительным-дополнением может стоять не одно, а несколько прилагательных, целиком входящих в его группу, или же несколько прилагательных, одни из которых входят в его группу, а другие находятся вне ее границ. Соответственно этому в случае, когда все прилагательные входят в группу существительного-дополнения, конструкция имеет вид:

(21) $C_1 - \Gamma - \Pi - \text{член} - \Pi - C_2$.

Если же одни из прилагательных входят в группу существительного как простые определения, а другие находятся вне группы и представляют собой предикативные определения, граница между ними в формуле обрисовывается следующим образом:

(22) $C_1 - \Gamma - \Pi - \Pi - \text{член} - C_2$.

Анализ предложений: ...*дядо Кузма беше стоял един ден тука... и гледаше отгоре бедното слупено селце* (Диав.) и — *Македонски ще играе, но Македонски не е проклет — каза начумерено мъжът, — аз не зная как наричай проклетите народните хора, дето се жертвуват за отечеството...* (Ваз.) показывает, что первое из них в интересующей нас части разлагается на составные элементы в виде формулы (21): $C_1 - \Gamma - \Pi - \text{член} - \Pi - C_2$, что свидетельствует о вхождении обоих прилагательных в группу существительного-дополнения. Поэтому прилагательные *бедно* и *слупено* мы квалифицируем как простые определения. Второе же предложение, в котором член находится при втором прилагательном *народни*, раскладывается на со-

ставные элементы соответственно формуле (22) : $C_1 - \Gamma - \Pi - \Pi - \text{член} - C_2$. Иначе говоря, из двух прилагательных *проклети* и *народни* только второе прилагательное *народни* входит в группу существительного *хора* в качестве простого определения. Первое же прилагательное *проклети* находится вне границ этой группы и является предикативным определением.

В случае, когда дополнением является имя собственное, последовательность «глагол — прилагательное — существительное» для простого определения сохраняет вид формулы (19а):

(23) $C_1 - \Gamma - \Pi - \text{член} - C_{2\text{соб}}$.

Для предикативного определения она получает форму: (24) $C_1 - \Gamma - \Pi - C_{2\text{соб}}$, так как член, который должен был бы стоять при имени собственном, согласно нормам языка опускается¹⁴.

Следовательно, в предложениях: — *Вие кажете, искайте каквото искате от мене. Макар и да доведа вързан Мидхад-паша* (Ваз.); *Васил Левски бил в Карлово, правителството подушило това и изпратило за там страшният кърсердар Хаджи Исмаил-ага с четирийсе и пет души конни войници, със заповед да разтършува цялото Карлово и да намери и доведе жив или мъртъв Левски* (Ваз.) прилагательные *вързан*, *жив*, *мъртъв* не являются простыми определениями, так как последовательность «глагол — прилагательное — существительное» имеет вид $\Gamma - \Pi - C_{2\text{соб}}$, т. е. соответствует формуле (24). На этом основании мы квалифицируем их как предикативные определения.

В противоположность двум вышеприведенным примерам в предложении «*Няколко часа след това двама от тях докараха разтреперания Кузма в общината*» (Диав.) прилагательное *разтреперания* является простым определением имени собственного, так как присутствие члена при нем четко указывает на принадлежность этого прилагательного к группе существительного-дополнения.

3. Мы рассмотрели роль члена как показателя границы группы существительного-дополнения и таким образом

¹⁴ Здесь мы снова наблюдаем параллель с тем, что уже было отмечено при рассмотрении предикативного определения подлежащего, а именно: в случаях с существительным-именем собственным показателем предикативного определения является не место члена, а отсутствие его вообще (ср. стр. 23 в разделе о предикативном определении подлежащего).

сигнализатора синтаксической функции интересующего нас прилагательного. Как указывалось выше, такими сигнализаторами могут быть и другие элементы с фиксированным местом в группе существительного. Продемонстрируем это на примерах. В предложении «*Тя видя пред голямата железна порта струпан много народ*» (Е.-П.) функция прилагательного *струпан*, занимающего положение между глаголом и существительным, не является синтаксически двусмысленной, так как при существительном имеется слово с фиксированным местом *много*, которое отграничивает группу существительного и свидетельствует, что прилагательное *струпан* является предикативным определением. Рассматриваемая конструкция в данном предложении сводится к формуле $C_1 - Г - П - много - C_2$, т. е. соответствует виду (20в). Напротив, в предложении *Той видя много високи къщи* прилагательное *високи* является простым определением. Об этом исчерпывающе свидетельствует место слова *много*, обозначающего начало группы существительного-дополнения. Расположение элементов в предложении имеет вид $C_1 - Г - много - П - C_2$, соответствующий формуле (19в).

V

КОНСТРУКЦИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩЕГО С ПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

1. Болгарские грамматики, освещая вопрос о предикативных определениях, традиционно придерживались мнения, что в болгарском языке предикативное определение подлежащего употребляется при весьма ограниченном круге полнозначительных глаголов. Глаголы, включившиеся в этот круг, относятся, с точки зрения своего лексического значения, к глаголам движения и состояния, а с точки зрения грамматических свойств — к глаголам непереходным. Работы, появившиеся в последние годы, обратили внимание на то, что в болгарском языке круг полнозначительных глаголов, сочетающихся с предикативным определением, гораздо более широк, чем это отражалось в грамматиках и чем это имеет место в других родственных языках. Наряду с группой глаголов движения и состояния, в него входят многочисленные глаголы других лексических групп, включающие в свой состав также и переходные глаголы¹⁵.

Рассматривая выше вопрос о разграничении конструкции простого определения и конструкции предикативного определения подлежащего, мы опирались на случаи употребления предикативного определения при глаголе *съм*, полузначительных глаголах и группе полнозначительных непереходных глаголов движения и состояния. Проведенный анализ позволил сформулировать основные принципы построения конструкции предикативного определения и выделить критерии, на основе которых можно теперь рассмотреть еще целый ряд сочетаний полнозначительных

¹⁵ См.: М. Г. Р о ж н о в с к а. Към характеристиката на глаголите, които се свързват с предикативно определение. «Български език», 1962, кн. 6; К. П о п о в. За някои особености на българското съставно сказуемо, съпоставено с руското. «Славянска филология», т. III. София, 1963.

нательных глаголов с прилагательными, которые также представляют собой конструкции предикативного определения, хотя глаголы в них не относятся к переходным глаголам движения или состояния.

Разберем предложение «*Войниците го гледаха поразени*» (Веж.). Здесь имеется согласованное с подлежащим прилагательное *поразени*. Расположение слов соответствует основному варианту порядка слов в болгарском языке, т. е. существительное-подлежащее — глагол-сказуемое: С — Г. Место прилагательного является характерным для предикативного определения и ярко противопоставлено позиции простого определения: прилагательное стоит здесь после глагола, в то время как в функции простого определения оно стояло бы перед существительным-подлежащим и предложение имело бы вид: «*Поразените войници го гледаха*». Таким образом, данная конструкция соответствует уже рассмотренным нами выше случаям, обобщенным в виде формулы (2): С — Г — П, и квалификация прилагательного *поразени* как предикативного определения не может вызывать сомнения.

Вместе с тем глагол этого предложения *гледаха* является переходным, в чем также не может быть сомнения, так как при нем стоит прямое дополнение *го*, т. е. перед нами случай предикативного определения подлежащего при переходном глаголе. Другая особенность этого глагола состоит в том, что он по своему лексическому значению не принадлежит к группе глаголов движения и состояния.

Не является простым определением подлежащего и прилагательное *зачудени* в предложении «— Каква е тая работа, кмете? — *питат го зачудени селяните*» (Е.-П.), в котором в качестве сказуемого выступает переходный глагол *питат*, также не относящийся к глаголам движения и состояния. Анализ расположения элементов в данном предложении показывает, что оно имеет порядок слов Г — П — С, при котором возможна синтаксическая омонимия, т. е. толкование прилагательного и как простого определения, и как предикативного определения. Действительная функция этого прилагательного определяется путем выявления границы группы существительного. Четким показателем этой границы является в рассматриваемом случае место члена. Член стоит в предложении при существительном *селяни*, указывая, что *зачудени* не входит в группу существительного. Интересующая нас конструк-

ция имеет вид Г — П — С — член, т. е. соответствует указанной нами формуле (10а) конструкции с предикативным определением подлежащего. Сомнения в переходности глагола *питат* отвергаются присутствующим в предложении прямым дополнением *го*.

Среди предикативных определений подлежащего при переходных глаголах также возможны различные варианты места члена, как это мы наблюдали среди предложений с предикативным определением при непереходном глаголе. Так, в предложении «— Че какво като е войната? — погледна го учудена старата Тъкачева» (Карасл.) член также служит показателем границы группы существительного и таким образом характеризует прилагательное *учудена* как предикативное определение, не входящее в эту группу. Разница между этим предложением и предыдущим заключается только в том, что член здесь стоит не при самом существительном, а при прилагательном, имеющемся перед существительным и входящем в его группу как простое определение. Приведенная конструкция соответствует случаям предикативного определения при непереходных глаголах, обобщенным в формуле (10б): Г — П — П — член — С. Отличие приведенной конструкции от этих последних состоит только в том, что глагол в ней является переходным и имеет при себе прямое дополнение *го*.

Еще одним вариантом предложений, где обозначение синтаксической функции прилагательного связано с членом, является предложение «— Защо да е смешно? — изгледа го учудена Станчева» (Карасл.). Здесь подлежащим является имя собственное, а стоящее перед ним прилагательное *учудена* не имеет члена. Рассматриваемый пример соответствует формуле (10в): Г — П — С_{соб.}, данной как обобщение при рассмотрении предикативных определений подлежащего при непереходном глаголе. Таким образом, и здесь наблюдается параллелизм между построением конструкции предикативного определения с непереходным глаголом и данным предложением. Вместе с тем глагол приведенного предложения имеет переходный характер, свидетельством чего является присутствие при нем прямого дополнения — энклитики *го*.

Как уже указывалось выше, четким сигнализатором границы группы существительного является, наряду с членом, и энклитика, место которой дает основание судить о функции прилагательного при синтаксически двусмысленном

порядке слов Г — П — С. В предложении «— Да поїарим яйца със сирене? Какво ще кáжеш? — *гледаше я развълнувана майка ѝ*» (Карасл.) расположение глагола, прилагательного и существительного само по себе не обнаруживает синтаксической функции прилагательного *развълнувана*, однако в действительности двусмысленности нет, так как при существительном имеется энклитика, место которой характеризует как первое слово группы существительного само существительное *майка* и этим указывает, что слово *развълнувана* стоит вне этой группы. Данное предложение соответствует формуле (14а), приведенной при рассмотрении предикативных определений с переходным глаголом: Г — П — С — член — энклитика. Отсутствие члена после слова *майка* не может быть основанием для сомнения в правильности такой квалификации. В данном случае мы имеем дело с последовательным наложением двух грамматических норм. С одной стороны, существует общая норма употребления члена при существительном. Именно она и учтена в формуле (14а). С другой стороны, норма употребления члена при именах родства предусматривает опущение члена при некоторых из них, если за ними следует энклитическое притяжательное местоимение. К их числу относится и существительное *майка* из рассматриваемого предложения. Таким образом, мы имеем основания полагать здесь член присутствующим, но в нулевой форме, вызванной частной разновидностью имени существительного. Учитывающая норму употребления члена при некоторых именах родства формула Г — П — С_{род.} — энклитика, которой соответствует анализируемое предложение, является всего лишь частным случаем формулы (14а)¹⁶. Итак, прилагательное *развълнувана* однозначно определяется как предикативное определение подлежащего *майка*. Глагол же в этом предложении является переходным и имеет при себе прямое дополнение *я*.

Мы привели несколько примеров предложений с переходными глаголами, имеющими при себе прямое дополнение

¹⁶ С аналогичным явлением мы уже сталкивались выше, в случаях, когда существительное было именем собственным и член, который по общей норме должен был бы стоять за существительным, отсутствовал (ср. формулу (10в) Г — П — С_{соб.} с более общей формулой (10а) Г — П — С — член).

ние и входящими в конструкцию с предикативным определением подлежащего. Эти факты опровергают традиционное мнение, что конструкции с предикативным определением подлежащего могут образовывать только непереходные глаголы. В болгарском языке приведенные нами предложения не являются единичными случаями отклонения от общей нормы. Это только примеры широко развитого в языке явления. В дополнение к уже данным приведем еще ряд подобных предложений с предикативным определением подлежащего при переходном глаголе: *Тъкачев я гледаше втренчен* и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ (Карасл.); — Но защо не ми каза... още като дойде? — *упрекна го дълбоко развълнуван Борис*, като го гледаше с някаква плаха надежда (Карасл.); — Не съм ли много строг? — *попита се смутен бащата*, защото си спомни за трагични любовни истории с такива затворени младежи, чиито родители е осъждал за тяхната духовна слепота (Карасл.); *Тя съзна смазана* всичко това и стана да си върви, но той я спря неочаквано (Дим.); *Той изпусна пиямата и ги загледа безпомощен* (Даск.); *Иванчо изгледа настръхнал* Мунча (Ваз.); — И за мене ли каза той? — *посочи се тя учудена* (Карасл.); — Ой, на баба юнакът! — *заклати тя доволна* глава заради това, че първият ѝ внук започваше вече да пакости (Карасл.); Синап изгледа с бърз поглед човека с корема, защото коремът най-силно го караше да го *отмине погнусен*, но онзи дигна ръка с заплаха и кресна: — Куче! (Л. Стоян.); Боян мислеше да си отиде и каже на жена си, но *Васил го спря разтревожен*: — А бе, викат ни в Лютидол, ти знаеш ли?... (Даск.); *Тъкачев хапеше смутен* устната си (Карасл.); *Старият адвокат чакеше наежен* сина си, приготвил кратка, но много силна унищожителна обвинителна реч (Карасл.).

2. Анализ конструкций предикативного определения подлежащего с переходными глаголами показывает, что они принципиально не отличаются от аналогичных конструкций с непереходными глаголами. Они являются частными случаями конструкции предикативного определения, обусловленными особенностью переходных глаголов, т. е. их способностью иметь при себе прямое дополнение. Если отразить в формулах своеобразие предложений, в которых имеется предикативное определение при переходном глаголе, эти формулы для рассматриваемых нами случаев будут иметь вид:

- (25) С — доп.мест. — Г — П (*Войнициите го гледаха поразени*);
 Г — доп.мест. — П—С— член (... — *питат го зачудени селяните*);
 Г — доп.мест. — П—П—член — С (... — *погледна го учудена старата Тъкачева*);
 Г — доп.мест. — П—С_{соб.} (... — *изгледа го учудена Станчева*) и т. д.

По отношению к формулам (4), (10а), (10б), (10в) формулы (25) характеризуются тем, что включают в себя еще один элемент предложения — прямое дополнение, т. е. более широким охватом синтаксического строя этих предложений. Ставя цель дать общие формулы, отражающие все случаи предикативного определения подлежащего, т. е. охватывающие как конструкции с непереходными глаголами, так и конструкции с переходными глаголами, наличие которых было показано выше, необходимо выбрать один из двух возможных путей.

В основу общих формул, отражающих все случаи предикативного определения подлежащего, могли бы быть положены формулы более широкого охвата (25). Если бы мы избрали этот путь, то общие формулы свелись бы к форме:

- (26) С — \pm доп. — Г—П;
 Г — \pm доп. — П—С—член;
 Г — \pm доп. — П — П — член — С;
 Г — \pm доп. — П—С.

Такой путь означал бы, что мы рассматриваем случаи присутствия прямого дополнения как развернутый вид конструкции с предикативным определением подлежащего. Но прямое дополнение не входит в состав самой конструкции предикативного определения, не влияет на ее свойства, а оказывается присоединенным к конструкции благодаря специфике глагола. Поэтому формулы (26) нельзя признать разверткой конструкции типа (4) и (10). Случаи (26) являются частными с точки зрения принципов построения конструкции с предикативным определением подлежащего.

Эти выводы служат исходной точкой избираемого нами второго пути при формулировании общего вида конструкций с предикативным определением подлежащего. Мы принимаем в качестве общих формул конструкций с предикативным определением подлежащего формулы вида (4) и (10):

- (27) С — Г — П;
 Г — П — С — член;
 Г — П — П — член — С;
 Г — П — С_{соб.},

а формулы (25), в виде которых обобщаются случаи присутствия в предложении прямого дополнения, рассматриваем как частные производные от них, т. е. символ Г в формулах (27) охватывает и случаи «Г + дополнение» как возможность расширения группы, которое не нарушает самой рассматриваемой нами конструкции.

3. Круг полнозначительных глаголов, употребляющихся с предикативным определением, как уже можно было видеть по приведенному выше материалу, в болгарском языке весьма своеобразен не только с точки зрения грамматических черт глаголов, но и с точки зрения их лексического значения.

Среди глаголов, которые, подобно глаголам движения и состояния, употребляются с предикативным определением, выделяется прежде всего группа глаголов речи: *викам, възкликна, говоря, заговоря, извикам, изкрещя, измърморя, изпищя, изрева, изругая, казвам, кряскам, обаждам се, отвърна, отговарям, пея, питам, пищя, повторя, пошушна, прибавя, развикам се, разрева се, разсъждавам, река, скимтя, съобщя, упрекна, шушукам* и др. Примерами употребления таких глаголов с предикативным определением могут служить следующие предложения: *Момчето се сепна, изправи се и отвърна зачервено*: — Муржу си взе торбата и замина нагоре... (Л. Стоян.); — *Каква е тая работа, кмете?* — *питат го зачудени* селянит (Е.-П.); — *Но защо не ми каза... още като дойде?* — *упрекна го дълбоко развълнуван* Борис, като го гледаше с някаква плаха надежда (Карасл.); «*Не съм ли много строг?*», *попита се смутен* бащата... (Карасл.); — *Броени — повтори той смутен*, защото знаеше, че решителните минути

настъпват (Карасл.); Зетят му помагаше и *пищеше* *недоволен*: Ако бяхте хора, щяхте да впрегнете конете и да ни закарате до спирката (Даск.); *Разсъждаваха* *загрижени*:— Да пратим хора в Стамбул? (Л. Стоян.).

Друга група охватва глаголы мысли: *замисля се*, *помисля*, *припомня си*, *съзная* и др. Например: «Ето, сега ще ревне!» — *помисли си угнетен* Пиятата (Карасл.); *Кръстю се замисли начумерен* (Карасл.); Той си *припомни* почти *натъжен*, че така сам и стеснен бе стоял преди много години в двора на градското училище (Веж.); Тя *съзна смазана* всичко това и стана да си върви, но той я спря неочаквано... (Дим.).

Еще одну группу составляют глаголы чувства: *взираю се*, *вида*, *гледам*, *загледам*, *зяпам*, *изгледам*, *оглеждам се*, *озъртам се*, *поглеждам*, *позагледам*, *слушам*, *спогледам се* и др. Например: Заранта, обаче, когато Селямсъзът видял пред вратнята си куп дечурлига, които *зяпали учудени* пред обесения гръбнак... (Ваз.); Иванчо също *се озърташе замаян* и в нерешителност (Ваз.); Той изпусна пижамата и ги *загледа безпомощен* (Даск.); Иванчо *изгледа настръхнал* Мунча (Ваз.); Тъкачев я *гледаше втрещен* и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ (Карасл.).

Количество примеров употребления глаголов речи, мысли, чувства с предикативным определением можно было бы значительно увеличить. Круг этих глаголов велик, и употребление их с предикативным определением весьма распространено.

Способность сочетаться с предикативным определением присуща еще целому ряду глаголов болгарского языка, не вошедших в указанные выше группы. Некоторые из них, например, обозначают различные движения и действия человека, связанные не с перемещением, а направленными на другой предмет. Среди них можно указать такие глаголы, как *взема*, *забарабаня*, *посоца*, *потупам*, *ровя се*, *сека*, *хвърлям* и т. п.: Бойченко изведнъж *млъкна* и *забарабани замислен* по масата (Веж.); Те *взеха смутени* по едно бонбонче и станаха (Карасл.); Бай Ради и Трендафилчо *хвърлят* въдиците *мълчаливи*, съсредоточени в тапите, гледат *настреща* усамотеното царство на Пасуна... (Е.-П.);— ... Той ми *трябва!* — каза *троснато* старецът като *продължаваше* да *се рови наведен* в папката, *натъпкана* с някакви листчета (Карасл.); Хаджи Смион *сече*

намусен (Ваз.);— *И за мене ли каза той?* — *посочи се тя учудена* (Карасл.).

Конструкции «глагол + прилагательное» в приведенных выше предложениях с полнозначительными глаголами идентичны сочетаниям прилагательных с глаголами движения и пребывания в состоянии не только по своему формальному построению. Всем этим конструкциям присуще характерное для предикативных определений грамматическое значение, дефинированное А. А. Потемной как «признак, возникающий вместе с действием или посредством его».

4. Вследствие установления факта возможности предикативного определения подлежащего при переходных глаголах, не только добавляются новые глаголы к уже известной группе глаголов, употребляющихся с предикативным определением подлежащего, но и поднимаются новые грамматические вопросы. В качестве примера можно указать на следующий вопрос.

В болгарском языке, как и в целом ряде других родственных языков, помимо предикативного определения, относящегося к подлежащему, имеется также предикативное определение, относящееся к прямому дополнению. Это значит, что наряду с предложениями, построенными

по типу (4) $S - \overbrace{\Gamma - \Pi}$ (*Тя изглеждаше весела*), где прилагательное, выступающее в функции предикативного определения, связывается с подлежащим, существуют пред-

ложения, построенные по типу (16) $S_1 - \overbrace{\Gamma - C_2 - \Pi}$

или $S_1 - \text{доп}_{\text{мест.}} - \overbrace{\Gamma - \Pi}$ (*Вие ме гледате в компанията весел... Е.-П.*), где прилагательное, выступающее в функции предикативного определения, связывается с прямым дополнением. Вместе с тем в языках, где, как и в болгарском, имеются две указанные разновидности предикативного определения, но, в противоположность болгарскому языку, предикативное определение подлежащего употребляется только с непереходными глаголами, не возникает проблемы омонимии конструкции с предикативным определением, т. е. проблемы, к какому элементу относится предикативное определение: к подлежащему или к прямому дополнению. В болгарском же языке тот факт, что гла-

гол предложения представляет собой переходный глагол, имеющий при себе прямое дополнение, сам по себе еще недостаточен для обозначения того, с каким элементом предложения связано предикативное определение. Действительно, в предложении с составом C_1 — доп.мест. — Г — П возможна связь прилагательного как с подлежащим, так и с прямым дополнением, т. е. такой состав имеют предложения как типа C_1 — доп.мест. — Г — П (см. формулу (16), примером которой является предложение «*Вие ме гледате в компанията весел...*» Е.-П.), так и типа C_1 — доп.мест. — Г — П (см. формулу (25), примером которой служит предложение «*Войниците го гледаха поразени*» Веж.)¹⁷.

Не каждый переходный глагол может употребляться с предикативным определением подлежащего, так же как только некоторые из переходных глаголов употребляются с предикативным определением дополнения. Если бы в группу глаголов, употребляющихся с предикативным определением подлежащего, входили одни из переходных глаголов, а в группу глаголов, употребляющихся с предикативным определением дополнения, — другие, то вопрос, с каким элементом предложения связано прилагательное в случае его употребления при переходном глаголе — с подлежащим или с дополнением, разрешался бы принадлежностью глагола к первой или ко второй группе. Поэтому важно отметить, что в болгарском языке существует группа переходных глаголов, употребляющихся как с предикативным определением подлежащего, так и с предикативным определением дополнения. Таковы, например, глаголы *виждам, гледам, река, взема, помня, викам, казвам*. Следовательно, в случае употребления предикативного определения при глаголе, принадлежащем к этой последней группе, анализ глагола не может

¹⁷ В ряде болгарских грамматик отмечается, что существует два вида предикативных определений и что в тех случаях, когда глагол является непереходным, предикативное определение относится к подлежащему, а в тех случаях, когда глагол является переходным, такое определение относится к прямому дополнению. Такие высказывания, будучи следствием неверного исходного положения о возможности предикативного определения подлежащего только при непереходных глаголах, также являются ошибочными.

разрешить вопроса, к какому элементу предложения относится предикативное определение. Так, например, в приведенных выше предложениях «*Вие ме гледате* в компанията *весел...*» и «*Войниците го гледаха поразени*» глагол *гледам* не обнаруживает связи предикативного определения, так как этот глагол одинаково возможен как при предикативном определении подлежащего, так и при предикативном определении дополнения.

Известно, что в болгарском языке прилагательное согласуется с определяемым существительным в роде и числе. Таким образом, в случаях, когда между подлежащим и дополнением имеются различия с точки зрения рода и числа, конструкция S_1 —доп._{мест.}—Г—П не является двусмысленной, так как род и число прилагательного могут быть соотнесены с родом и числом только одного элемента: либо подлежащего, либо дополнения. Например, в предложении *Емине, бабичката му, син му и снаха му го гледаха учудени* (Л. Стоян.), в котором употреблен глагол *гледам*, возможный при предикативном определении как подлежащего, так и дополнения, множественное число прилагательного *учудени* свидетельствует о связи его с подлежащим, а не с прямым дополнением. Однако возможно совпадение рода и числа подлежащего с родом и числом дополнения. В таком случае конструкция оказывается омонимичной. Например, в предложении «*Татко Пиер го гледаше* все тѣй *неподвижен...*» прилагательное *неподвижен* с точки зрения согласования может относиться как к подлежащему, так и к дополнению. Включение такого предложения в более широкий контекст разрешает эту омонимию: «*Татко Пиер го гледаше* все тѣй *неподвижен*, все тѣй *втречен* в лицето му и само *отвреме-навреме* *протягаше* рѣка за да *вземе* цигара» (Дим.). По смыслу всего высказывания видно, что прилагательное *неподвижен* относится здесь к подлежащему *Татко Пиер*. Таким образом, в случаях отсутствия формальных показателей только общий контекст указывает на синтаксическую связь предикативного определения.

VI

КЛАСС ПРИГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В предыдущем разделе было указано на своеобразное грамматическое явление болгарского языка, заключающееся в широком употреблении предикативных определений (прилагательных) при полнознаменательных глаголах. Было установлено, что в болгарском языке, в отличие от целого ряда родственных языков, предикативное определение употребляется не только при непереходных глаголах со значением движения и состояния, но при гораздо более широком лексическом круге глаголов, включающем в свой состав также и переходные глаголы.

Установленная закономерность болгарского языка является, однако, своего рода вторичной, наличие ее связано с существованием в болгарском языке другой закономерности — класса приглагольных прилагательных.

Для выявления закономерностей болгарских конструкций «глагол + предикативное определение» мы воспользуемся методом взаимных замен. Возьмем группу болгарских предложений, содержащих такую конструкцию:

- (1) Вакрил беше пременен, стегнат и избръснат (Карасл.);
- (2) — Или искаш да тръгна парцалива? (Карасл.);
- (3) При шумния пангар, в тронове, стояха облечени в богати дълги кожуси първенците... (Ваз.);
- (4) Аго гледаше смяян (Йовк.);
- (5) Чичо Продан слушаше захласнат... (Карасл.);
- (6) Хаджи Смион сече намусен (Ваз.);
- (7) Другият поглеждаше навъсен... (Йовк.):

Пробуя произвести в этих предложениях взаимную замену глагольной части, мы сразу же сталкиваемся с

Фактом, что не все глаголы приведенных примеров обладают способностью взаимной заменяемости. Например, попытка поставить на место глагола *съм* в предложении (1) глагол *стоя* из предложения (3) и глагол *гледам* из предложения (4) убеждает, что в одном случае замена возможна (в результате ее получается обычное для болгарского языка предложение «Вакрил стоеше пременен, стегнат и избръснат»), а во втором невозможна (последовательность слов «Вакрил гледаше пременен, стегнат и избръснат» не соответствует нормам болгарского языка). Таким образом, обнаруживается, что в болгарском языке группа глаголов, употребляющихся с предикативным определением, не составляет монолитного класса, внутри этой группы глаголов существует какая-то дальнейшая дифференциация.

Возьмем в качестве образца исследуемой конструкции предложение (1) из нашего списка предложений и подвергнем пробе замен все глаголы, представленные в этом списке. Мы видим, что место глагола *съм* может быть заполнено глаголами *тръгна*, *стоя*. Остальные глаголы не могут заместить глагол *съм*, так как введение их нарушает грамматичность предложения:

Вакрил *беше пременен, стегнат и избръснат.*

тръгна

стоеше

гледаше

слушаше

сече

поглеждаше

Эта картина не является чем-то специфичным для конкретного окружения, представленного в рассмотренном примере. Обратившись к другим предложениям, можно видеть, что попытка замены глагола в них приводит к тем же результатам. Так, в предложении (2) на место глагола *тръгна* могут быть поставлены лишь те глаголы, которые могли замещать глагол *съм* в предложении (1). Как и в первом примере, из числа возможных замен оказываются исключенными глаголы *гледам*, *слушам*, *сека*, *поглеждам*:

— Или искаш да тръгна парцалива?

съм
стоя
гледам
слушам
сека
поглеждам

Ту же дифференциацию среди глаголов, выступающих с предикативным определением, обнаруживает и попытка замещения глагола в предложении (3):

... *стояха облечени* в богати дълги кожуси първенците...

бяха
тръгнаха
гледаха
слушаха
сякоха
поглеждаха

Регулярность этого расслоения глаголов приводит к выводу, что предложения (1), (2), (3) содержат определенный тип глагольного окружения, обуславливающий такую дифференциацию. В наших примерах этот тип окружения представлен прилагательными *пременен, стегнат, избръснат, парцалив, облечен*. Обозначим данный тип окружения как Π_1 .

Мы можем теперь следующим образом подвести итог наблюдаемой закономерности болгарского языка. По отношению к окружению Π_1 все глаголы, употребляющиеся с предикативным определением, распадаются на две группы: 1) глаголы, которые свободно сочетаются с данным окружением; 2) глаголы, которые не сочетаются с данным окружением. Обозначим первую группу глаголов как Γ_1 и перейдем к рассмотрению второй группы.

Группа глаголов *гледам, слушам, сека, поглеждам*, выделенная пока на основе пробы сочетаемости с прилага-

тѣльными $\bar{\Pi}_1$, характеризуется не только тем, что она не выступает в окружении данного типа. Исследование показывает, что эта закономерность дополняется одинаковым отношением этих глаголов к окружению другого типа.

При попытке замены глагольной части в предложении (4) можно видеть, что на место глагола *гледам* возможна подстановка любого глагола из этой группы:

Аго *гледаше* *смаян*.

слушаше

сече

поглеждаше

Такое же положение наблюдается и при замене глагольной части в предложениях (5), (6), (7):

Чичо Продан *слушаше* *захласнат*...

гледаше

сече

поглеждаше

Хаджи Смион *сече* *намусен*.

гледаше

слушаше

поглеждаше

Другият *поглеждаше* *навъсен*...

гледаше

слушаше

сече

Таким образом, в противоположность первому типу окружения, в котором глаголы *гледам*, *слушам*, *сека*, *поглеждам* не употребляются, существует другой тип окружения, для которого характерно употребление с данными глаголами. Этот второй тип окружения включает в себя встречавшиеся в наших примерах прилагательные *смаян*, *захласнат*, *намусен*, *навъсен*. Данный тип глагольного окружения

мы будем обозначать в дальнейшем как Π_2 , а глаголы, употребляющиеся в окружении данного типа, как Γ_2 .

Суммируя итоги проведенного анализа, можно сказать, что как глаголы, так и прилагательные болгарских конструкций «глагол + предикативное определение» на основе взаимозаменяемости распадаются на две группы. Для группы глаголов Γ_1 характерно употребление в окружении Π_1 , группа глаголов Γ_2 выступает только в окружении Π_2 и не сочетается с окружением Π_1 .

Как было указано, глаголы, употребляющиеся с предикативным определением, делятся на две группы на основе факта употребления одних глаголов (Γ_1) в окружении прилагательных *пременен*, *стегнат* и т. д. (Π_1) и невозможности употребления в этом окружении других глаголов (Γ_2). Группа глаголов Γ_2 характеризуется употреблением с прилагательными *смаян*, *захласнат* и т. д. (Π_2). Употребляются ли с прилагательными Π_2 также и глаголы Γ_1 ?

Вопрос о том, являются ли глаголы Γ_1 (*съм* и др.) взаимозаменяемыми с глаголами Γ_2 (*гледам* и др.) в окружении прилагательных Π_2 , представляет некоторые трудности. Так, например, в предложении «Тя..., както винаги, *гледаше* я *усмихната* и ѝ се радваше» (Йовк.) возможна замена глагола *гледам* (*я*)¹⁸ на глагол *съм*, в результате такой замены получается грамматически правильное предложение: «Тя..., както винаги, беше *усмихната* и ѝ се радваше». Подобный пример употребления глагола *съм* с прилагательным *усмихнат* может быть приведен и из литературы: «И никакви следи *нямаше* от плач по лицето ѝ — *усмихната* беше, щастлива» (Йовк.). Однако в предложении «Димо го *гледаше* *усмихнат* и изтънко» (Жарасл.) глагол *гледам*(го) не может быть заменен глаголом *съм*, последовательность слов «Димо беше *усмихнат* и изтънко» не отвечает грамматическим нормам болгарского языка.

Ввиду того, что для понимания затронутого вопроса требуется более детальная характеристика группы Π_2 , которая будет дана лишь ниже, мы ограничимся здесь сделанным указанием, что глаголы Γ_1 в одних случаях являются взаимозаменяемыми с глаголами Γ_2 , а в других не являются таковыми.

¹⁸ Глаголы, имеющие одинаковую способность сочетания с прилагательными — предикативными определениями, различаются между собой с точки зрения сочетаемости с другими элементами предложения (например, с прямым дополнением и т. п.). Говоря о взаимной замене глаголов, мы предполагаем, что характерные для данного глагола элементы исключаются из предложения вместе с глаголом и включаются в предложение вместе с глаголом.

Классы слов в обычной конструкции предикативного определения подлежащего

1. Рассмотрим состав каждой группы глаголов и прилагательных более детально. Обратимся прежде всего к группе Г₁.

Традиционная грамматика выделяет обыкновенно среди глаголов, сочетающихся с предикативным определением, две группы: глаголы с ослабленным лексическим значением и полнозначенательные. Если придерживаться этого деления, то можно сказать, что группа Г₁ включает в себя прежде всего глаголы, известные в грамматиках как глаголы с ослабленным лексическим значением. Сюда относятся:

б и в а м: Друг път тя биваше приказлива, сега мълчеше (Йовк.); *в и ж д а м с е*: Този скелет се вижда много смешен на Иван Селският (Е.-П.); *и з г л е ж д а м*: Без очилата лицето му изглеждаше по-строго и по-военно (Веж.); *и з л я з а*: Той чувствуваше угризение на съвестта, че е излязъл глупав... (Л. Стоян.); *о к а ж а с е*: Втора рота... изведнаж се оказа откъсната и изолирана в немския тил (Веж.); *о с т а в а м*:... черната кобилка оставаше по-спокойна, по-сдържана (Йовк.); *п а д а м*:— ... моята Тодора малко мързелива пада... (Веж.); *п о к а з в а м с е*: Прекрасната легенда ти се показва още по-поетическа (Ваз.); *п о ч у в с т в у в а м с е*: ... неговото открито и дружелюбно лице го накара да се почувствува изведнъж разведрен и спокоен (Веж.); *с л у ч а с е*: А като мина нощта — тя се случи студена, дъждовита... (Йовк.); *с м я т а м с е*: Който го е страх или се смята некадърен и слаб, нека се върне навреме (Л. Стоян.); *с т а в а м*: Хлябът ставаше клисав, черен като кал, горчица... (Л. Стоян.); *с т о р я с е*: Изведнъж нощта му се стори почти пролетна... (Веж.); *с т р у в а м с е*:—Новипата не ви ли се струва важна? (Веж.); *с ъ м*: Гърмежите бяха редки, но упорити (Л. Стоян.); *у л у ч а с е*: ... невястата се улучи хрисима и работлива... (Карасл.); *у с е щ а м с е*: ... макар че се усещаше угнетена, отпаднала и самотна, тя се смееше високо и кръшно... (Карасл.); *ч у в с т в у в а м с е*: И тримата приятели се чувствуват гладни (Е.-П.); *я в я в а м с е*: ...колкото по-мизерна и по-невежа се явява една личност, толкова по-здравословно се чувствува... (Е.-П.).

К группе Г₁ относится еще целый ряд глаголов, отде-

ляемых в грамматиках от уже перечисленных на основе их полнознаменательного характера. Мы имеем в виду глаголы:

б л и к а м: Водата под кичестия чинар бликаше *неудържима и пенлива* (Л. Стоян.); *б у м т я*: Ето я мелницата, стои в студената утрин, *бумти* опрашена, работлива, лапа хорската храна... (Даск.); *б ъ л б у ч а*: ... и както струите на планинските потоци *бързат и бълбучат устремени*, така и думите му *рукнаха*... (Даск.); *в и с я*: Скалите *висяха студени и застрашителни*, високо над тях се *виеха* орли (Л. Стоян.); *в ъ р в я*: Пророкът *вървеше бос* по неравната каменна настилка на улиците... (Е.-П.); *г а з я*: Жените... *не газеха боси* из прахоляците и миризливите селски торища... (Карасл.); *г р е я*: Небето *грее ведро*, очистено от набрашнавените облачета... (Даск.); *ж и в е я*: Отец Никодим *живееше самотен* в малката си стаичка ... (Е.-П.); *з а с п и в а м*: ... децата *заспиха* по синорите *гладни и жадни*, забравени, непогалени... (Карасл.); *и з л и т а м*: Пушекът *излиташе бял и мек* от комините... (Даск.); *и з п л у в а м*: Така Щърка... *изплува* най-после *невредим и чист* на началническото място (Даск.); *л е г н а*: ... той се *домъкна* до кревата и *легна обличен*... (Карасл.); *л е ж а*: Мария *лежеше измита и чиста* в леглото си (Дим.); *м и н у в а м*: А веднъж би до смърт богатия турчин Емексиз-ага, *задето минуваше въоръжен* през българско място (Ваз.); *м ъ л ч а*: Моторът *мълчеше мъртъв* (Даск.); *о т к р и в а м с е*: ... мелницата *се откриваше по-мощна*, отколкото преди (Даск.); *п а д н а*: Но когато животното *падна простреляно*, той се вторачи... (Карасл.); *п о в л е к а с е*: Както есенните мъгли *се повлякоха студени и разпокъсани* по полето... (Даск.); *п о л е г н а*: Тревата *полегна опърлена* (Даск.); *п р о м ъ к н а*: Планът му *не сполучи*, разбойникът *се промъкна невредим* (Л. Стоян.); *п ъ л з я*:... тая тиха, малка река... *пълзи към падалището алчна, ненаситна*... (Даск.); *с е д я*: Младите учители и учителки *седят разпръснати* из стаята, всеки *зае* с нещо (Е.-П.); *с и т н я*: Двете жени *ситнеха боси* зад колата и си *приказваха тихичко* (Карасл.); *с к а ч а м*: Реката *прелива през яза, скача бяла и пенеста* по праговете на улея... (Даск.); *с ъ с к а м*:... да се *пази* от тънкия вятър, който *съскаше невидим*... (Л. Стоян.); *т е к а*: Животът си *течеше такъв*, какъвто е бил винаги (Е.-П.); *т р ъ г н а*:— Или *искаш да тръгна парцалива?* (Карасл.); *у в и с н а*:

Върбите увиснаха пожълтели (Даск.); *хвърля се*: Там той *се хвърли неразсъблечен* върху леглото... (Велк.); *ходя*: А освен това значителна част от войниците *ходеха* кажи-речи *боси*... (Веж.); *хукна*: Отведнъж *хукна гол* с дрехите под мишка... (Даск.); *цапам*: Иван *цапаше бос* в горещата пепел на тесния междуселски път... (Карасл.).

Важно подчеркнуть, что с точки зрения интересующего нас признака употребления в одинаковом окружении не существует принципиальной разницы между группой глаголов с ослабленным лексическим значением и указанной группой полнозначительных глаголов. Мы привели эти два типа глаголов отдельно друг от друга только с целью показать, что граница между глаголами с точки зрения их взаимозаменяемости не совпадает с границей разделения глаголов по признаку полноты лексического значения. Как можно видеть, группа Γ_1 содержит как глаголы с ослабленным лексическим значением, так и полнозначительные. Группа Γ_2 , как будет показано ниже, включает в себя только полнозначительные глаголы. (По признаку употребления в одинаковом окружении вся масса полнозначительных глаголов, таким образом, распадается на две части. Одна часть таких глаголов примыкает к глаголам с ослабленным лексическим значением и образует с ними единую группу, другая образует самостоятельную вторую группу).

2. Материал показывает, что группа прилагательных Π_1 , употребляющихся с рассмотренной группой глаголов Γ_1 , чрезвычайно обширна. Характеризуя ее границы, можно констатировать, что в состав этой группы входят все прилагательные языка. Положение здесь следующее: любое прилагательное, совместимое по своей лексике с глаголом и существительным-подлежащим предложения, может употребляться с глаголами Γ_1 как предикативное определение¹⁹. Так, в следующем предложении с глаголом *ста-*

¹⁹ Грамматическое значение предикативных определений состоит в том, что они означают признак, одновременный по отношению к выражаемому глаголом действию. Поэтому при полнозначительности глагола сторона лексической совместимости может быть более сложной, чем при глаголах с ослабленным лексическим значением. Однако несомненно, что перечисленные полнозначительные глаголы *бликаж*, *бужтя*, *вися* и т. д. по способности сочетаться с прилагательными ясно примыкают к глаголам с ослабленным лексическим значением и образуют вместе с ними общую группу глаголов

на на место предикативного определения могут быть подставлены любые прилагательные, совместимые с другими элементами предложения: Лицето на помощник-командира отново *стана сурово* (Веж.)— равным образом *весело, сериозно, бледо, зелено, младо* и т. д.

Из высказанного выше положения о том, что в группу Π_1 входят все прилагательные языка, очевидно, что в данном случае трудно ставить задачу дать примерный список слов этой группы, т. е. список, хотя и не включающий все словарное многообразие группы, однако отражающий основной ее состав и полезный для иллюстрации ее границ. Какие бы несколько десятков прилагательных группы Π_1 мы ни привели здесь, список этот будет случайным. Однако такой случайный список все же бесполезно привести, так как это сделает более наглядным описание различий, существующих между группой прилагательных Π_1 и рассматриваемой ниже группой прилагательных Π_2 .

Список прилагательных, иллюстрирующих группу Π_1 , можно составить, например, взяв прилагательные из приведенных предложений с глаголами группы Γ_1 : *приказлива, смешен, по-строга, по-военно, глупав, откъсната, изолирана, по-спокойна, по-сдържана, мързелива, по-поетическа, разведрен, спокоен, студена, дъждовита, некадърен, слаб, клисав, черен, горчив, пролетна, важна, редки, упорити, хрисима, работлива, угнетена, отпаднала, самотна, гладни, по-мизерна, неудържима, пенлива, опрашена, работлива, устремени, студени, застрашителни, бос, ведро, самотен, гладни, жадни, забравени, непогалени, бял, мек, невредим, чист, облечен, измита, чиста, въоръжен, мъртъв, по-мощна, простреляно, студени, разпокъсани, отърлена, невредим, алчна, ненаситна, разпръснати.*

3. Анализ состава группы глаголов Γ_1 и группы прилагательных Π_1 позволяет охарактеризовать их с точки зрения классов слов болгарского языка.

Начнем эту характеристику с глаголов Γ_1 . В данном случае мы имеем дело с грамматическим явлением, широко известным в грамматиках. Это так называемые связочные глаголы.

Γ_1 , характеризующуюся сочетаемостью с любым прилагательным и резко отличающуюся этим от группы полнознаменательных глаголов Γ_2 , для которых возможно сочетание лишь со строго определенными прилагательными.

Под термином «связочные глаголы» грамматисты понимают выделяемые из общей массы глаголов слова, которые, объединяясь с другими глаголами на основе ряда общих черт в общий разряд глаголов, имеют особое свойство, отсутствующее у всей массы глаголов в целом,— эти слова употребляются с прилагательным (в функции предикативного определения). Указанное свойство отделяет эти слова от других глаголов, дает основание говорить о существовании особой грамматической категории. Термином «связочные глаголы» эта категория именуется в традиционных грамматиках. В структуральных исследованиях она обозначается просто как особый подкласс общего класса глаголов²⁰.

Для уяснения проблем, рассматриваемых в нашей работе, необходимо четко раскрыть, что понимали грамматисты при характеристике связочных глаголов под термином «прилагательные».

В традиционных грамматиках содержится лишь лаконичное указание на то, что связочные глаголы употребляются в сопровождении прилагательных. Более подробного описания прилагательных при этом не дается. Такой подход понятен, так как группа прилагательных, употребляющихся со связочными глаголами, не включает в себе чего-нибудь нового по сравнению с общей группой прилагательных языка, получающей всю необходимую характеристику в соответствующих разделах грамматик.

²⁰ Внутри глаголов, выделяемых по позиционному признаку употребления в сопровождении прилагательных, традиционные грамматиканы проводят разделение на основе признака ослабления лексического значения: 1) глаголы с полной потерей лексического значения; 2) с ослабленным лексическим значением (так называемые полузнаменательные); 3) глаголы с полным лексическим значением (так называемые полнознаменательные). При таком разделении термином «связочные» называются обыкновенно либо первая и вторая группы, либо только первая, а о полнознаменательных глаголах говорится, что они лишь употребляются в роли связочных. Таким образом, термин «связочные глаголы» включает в себя два значения: им обозначается, с одной стороны, позиционный признак употребления с прилагательными, а с другой стороны — лексическая градация глаголов. Эта двойственность термина «связочные глаголы» может вызвать смешение этих разных понятий. В нашей работе под термином «связочные глаголы» в дальнейшем понимается лишь способность употребляться в сопровождении прилагательных. Что касается признака степени полноты лексического значения, то для целей нашей работы он представляется несущественным.

Структуральные грамматики в целом оперируют теми же данными, что и традиционные, однако для наших целей структуральный анализ имеет преимущество. Принципы этого анализа таковы, что две группы слов, одна из которых употребляется в одном окружении, а другая — в другом, могут квалифицироваться как один класс слов лишь тогда, когда набор слов первой группы и набор слов второй группы совпадают. Только в таком случае можно говорить об одном классе слов, а употребление этих слов в разных окружениях рассматривать как наличие у одного класса двух функций в предложении. При отсутствии совпадения конкретных наборов слов первой и второй групп каждая из них квалифицируется как отдельный класс.

Следовательно, когда структуральные грамматики, характеризуя связочные глаголы, пишут, что таковыми являются глаголы, выступающие с классом слов А (прилагательными), и употребляют тот же самый индекс А для обозначения слов, выступающих перед существительным, мы знаем, что наборы слов перед существительным и после глаголов совпадают.

В свете изложенного указание грамматик, что связочные глаголы употребляются с прилагательными, следует понимать в том смысле, что эти глаголы употребляются с тем же набором слов, который выступает при существительных. Такая более строгая формулировка дает, как будет видно дальше, важный критерий для раскрытия внутренних закономерностей болгарских конструкций «глагол + предикативное определение».

Приведенная здесь краткая характеристика категории связочных глаголов позволяет видеть, что глаголы группы Γ_1 действительно полностью соответствуют этой грамматической категории. В самом деле, глаголы Γ_1 представляют собой часть всей массы глаголов болгарского языка, характеризующуюся, как видно из нашего описания группы прилагательных Π_1 , употреблением с тем же набором слов, который выступает при существительных. Можно добавить также, что по конкретному составу глаголов группа Γ_1 подобна группам связочных глаголов во многих других родственных языках: глаголы *съм, бивам, виждам се, изглеждам* и т. д. имеют лексические параллели среди связочных глаголов других языков.

Таким образом, после определения места группы Γ_1 в системе классов слов эта группа может быть обозначена как $\Gamma_{\text{связ.}}$ (Символ Γ_1 , как и символы Γ_2 , Π_1 , Π_2 , является рабочим, отражающим языковое положение лишь в пределах конструкции «глагол + предикативное определение». Символ $\Gamma_{\text{связ.}}$ является реальным обозначением класса, он отражает место интересующих нас слов во всей системе языка.)

В грамматиках болгарского языка группе связочных глаголов давалась, по нашему мнению, адекватная характеристика. Проведенный нами анализ привел к аналогичным выводам. Подтверждение выводов, содержащихся в грамматиках, не должно создавать впечатления, что мы лишь повторяем известные положения. Данный нами анализ, подчеркивающий наиболее существенные стороны связочных глаголов, необходим для понимания тех вопросов, которые являются новыми для болгарской грамматики и с которыми связана основная проблематика всего раздела «Класс приглагольных прилагательных».

При характеристике связочных глаголов фактически уже была охарактеризована и группа прилагательных Π_1 . Однако для четкости дальнейшего изложения материала представляется необходимым дать итоговое определение этой группы. Прилагательные группы Π_1 представляют собой тот же набор слов, который выступает при существительных, т. е. интересующая нас группа Π_1 — это тот же самый общий класс прилагательных (обозначением его служит символ Π).

Класс приглагольных прилагательных и особая конструкция предикативного определения подлежащего

1. Нам предстоит теперь описать группу прилагательных Π_2 , характеризующуюся употреблением с глаголами Γ_2 . Ввиду того, что мы рассматриваем сейчас грамматическое явление, привлекающее внимание к себе лишь в последнее время и не освещенное еще в должной мере в грамматических исследованиях, представляется необходимым привести достаточно обширный фактический материал. Ниже дается примерный список группы прилагательных Π_2 .

б е с е н: — Лъжеш, магарски сине! — *изрева* баца му *бесен*, като изглеждаше стените (Ваз.); *б е з п о м о щ е н:*

Той изпусна пижамата и ги загледа *безпомощен* (Даск.) *благодарен*: Свикваше различни птички от гора-та..., а те го *слушаха благодарни* (Е.-П.); *бодър*: Накара го, та се разписа на писмото... и *добави бодър*, предизвикателно усмихнат... (Даск.); *весел*: *Възседна* ангелът *весел* камбаната да се полюлее (Е.-П.); *втренчен*: Тъкачев я *гледаше втренчен* и като че не му се искаше да пусне ръката ѝ (Карасл.); *възбуден*: На тумби по блоковете *гълчаха* радостно *възбудени* кооператорите... (Даск.); *възхитен*:... — говореше той и го *гледаше възхитен* (Йовк.); *гузен*:... — *измърмори* някак *гузен* Димитър, каточели той беше виновен за това (Веж); *доволен*: — *Добре — рече доволен* бащата (Карасл.); *загрижен*: *Разсъждаваха загрижени*: — Да пратим хора в Стамбул? (Л. Стоян.); *задъхан*: *Вестник ли искаше?* — *запита задъхан* Денко (Велк.); *замаян*: Иванчо също се *озърташе замаян* и в нерешителност (Ваз.); *замислен*: Бойченко изведнъж *млъкна* и *забарабани замислен* по масата (Веж.); *запъхтян*: — *Помия — каза той запъхтян* (Ваз.); *зарадва*: ... *Жори дотича и съобщи зарадва*, че им бил дошъл редът (Даск.); *засмя*: ... *тя викна престорено засмя*, като че нищо не е било... (Даск.); *засрамен*: — *Какво току се тътриш, Марьоло!* — *смърри я засрамена* Кина (Карасл.); *захилен*: ... — *каза той захилен* до уши (Веж.); *захласнат*: Но продължаваше да *зяпа захласната* в големите светли прозорци и в блесналите витрини (Карасл.); *зачервен*:... — *отговори* Станчева *зачервена*... (Карасл.); *зачуден*: — *Каква е тая работа, кмете!* — *питат го зачудени* селяните (Е.-П.); *изненадан*: Като я видя, Кировица се *поспря, позагледа* я *някак изненадана* и *позачудена* и ѝ махна с ръка (Карасл.); *изплашен*: Той я *гледаше озадачен* и *малко изплашен* (Карасл.); *изтръпнал*: Той *клатеше изтръпнал* глава и Стойков *виждаше*, че го е *разбрал* (Даск.); *изумен*: — *Синко — рече старата изумена* (Л. Стоян.); *любопитен*: — Но *какво?* — *попита любопитен* бащата (Карасл.); *млчав*: *Бай Ради и Трендафилчо хвърлят* въдиците *млчави*, съсредоточени в тапите... (Е.-П.); *наведен*: *Защо ми приказва* *все наведена?* — *питаше се* *Топка* (Карасл.); *навел* (глава): — *Та затова именно* не мога да *замина* — *възрази навел* глава *Дашев* (Велк.); *навъсен*: *Другият поглеждаше навъсен*, *настръхнал* като *вълк*... (Йовк.); *наежен*:

Старият адвокат чакаше наежен сина си... (Карасл.); *нажален*: — От какво са умрели? — *попита нажален* Синап (Л. Стоян.); *намръщен*: — Какво? — *погледна* го *тя намръщена* (Карасл.); *намусен*: Хаджи Смион *сече намусен* (Ваз.); *наскърбен*:... — *каза* едва ли не *наскърбен* Бойченко (Веж.); *настръхнал*: Иванчо *изгледа настръхнал* Мунча (Ваз.); *насъзен*: Сърцата *потръпваха*, *очите се взираха* *насъзени* (Л. Стоян.); *натъжен*: Той си *припомни* *почти натъжен*, че... (Веж.); *начумерен*: Кръстю *се замисли* *начумерен* (Карасл.); *недоволен*: Ала сега *тия хора...* *почти недоволни* *наблюдаваха* чевръстата работа на пожарникарите (Велк.); *недоумяващ*: Лаврентиев го *изгледа* *недоумяващ*, сякаш не *вярваше* на *очите си* (Велк.); *неподвижен*: Татко Пиер го *гледаше* *все тъй неподвижен*, *все тъй* *втречен* в *лицето му...* (Дим.); *неудържими*: — Да му *смажеш* *глава* *като* *на* *усойница...* — *викаха* *селяните* *неудържими* (Даск.); *обезумял*: — Мехмеде, Мехмеде! — *скиптеше* *тя* *обезумяла* (Л. Стоян.); *обиден*: — Че *кому* *ще* *разпирям?* — *попита* *дори* *малко* *обидена* *тя* (Карасл.); *обнадежден*: — *Защо?* — *попита* *обнадежден* Иван (Карасл.); *ободрен*:... — *прибави* *Петър* *ободрен* и *се* *позасмя* (Йовк.); *объркан*: — *Защо?* — *мигна* *съвсем* *объркана* *сестрата* (Карасл.); *огорчен*: И *защо* *пък* *не* *ни* *пускат*, *дявол* *да* *го* *вземе!*... — *пита* *ше* *някой* *огорчен* (Велк.); *озадачен*: — *Каква* *декламация?* — *запита* *озадачен* Тихолов (Велк.); *озлобен*: Те... *казва* *озлобени*: «Колко е *право*, *толко* *и* *да* *е* *здрово!*» (Даск.); *отчаян*: *Тя* *гледаше* *отчаяна*, *съсипана* *и* *натъжена* *до* *плач...* (Карасл.); *пламнал*: *Напразно* *бай* *Мичо* *се* *горещеше* *и* *кряскаше* *пламнал...* (Ваз.); *побеснял*: *Селям* *съвът...* *развика* *се* *побеснял* *и* *каза...* (Ваз.); *погнусен*: Синап *изгледа* *с* *бърз* *поглед* *човека* *с* *корема*, *защото* *коремът* *най-силно* *го* *караше* *да* *го* *отмине* *погнусен...* (Л. Стоян.); *поизплашен*: *Бащата* *го* *изгледа* *учуден*, *изненадан* *и* *поизплашен* (Карасл.); *покъртен*: — *Благодаря*, *бабо* — *отговори* *покъртен* *той* (Ваз.); *поласкан*: — *Магията* *му* *е* *тука*, — *хилеше* *се* *поласкан* *чичо* *Продан...* (Карасл.); *полуусмихнат*: — *Полека* — *каза* *полуусмихнат* *над* *него* *докторът* (Велк.); *поразен*: И *отведнъж* *сви* *очи* *поразен* (Даск.); *поразърден*: — *Къде* *е* *кака?* — *попита* *той* *поразърден* (Карасл.); *потресен*: *Подозирайки* *такова* *коварство* *на*

врага, Стойков *тръсна глава потресен* (Даск.); *п о т ъ м н я л*:— Четиридесет са!— *възрази потъмнял* Липованеца (Даск.); *п о ч е р в е н я л*:—... и че заради тебе той едва ли не ще те вкара в партията си! — *викаше почервеняла* Дица (Даск.); *п р е б л е д н я л*:— Не бързай да прекаляваш!— *пребледнял го прекъсна* Прокопов (Велк.); *п р е з е л е н я л*:— Николаке!— *изрева презеленял* от ярост бай Мичо (Ваз.); *п р и в е д е н*: Двете момичета... не посегнаха към кутията, която Тъкачев *подаваше* леко *приведен* ту към Марина, ту към Станка (Карасл.); *п р и м и ж а л*: Той *гледаше* леко *примижал* и устните му бяха свити в злобна гримаса (Карасл.); *р а з в ъ л н у в а н*:— Но защо не ми каза... още като дойде?— *упрекна го дълбоко развълнуван* Борис... (Карасл.); *р а з д р а з н е н*:— Та нали това ти думам — *отвърна* малко *раздразнен* той (Карасл.); *р а з л ю т е н*:— Нищо не може да се направи! — *викаше разлютен* Юрталана (Карасл.); *р а з с ъ р д е н*:— Абе ти чуваш ли?— *кресна* той *разсърден* (Карасл.); *р а з т р е в о ж е н*:... — *помисли* майорът *разтревожен* (Веж.); *р а з т р е п е р а н*:... който все още не беше укротен и *повтаряше* *разтреперан* (Даск.); *с в и т*: Денко ги *слушаше* *свит* и незабележим между тях (Велк.); *с л и с а н*: Но се спря и *се озърна* *слисан*, накъде да удари (Ваз.); *с м а з а н*: Тя *съзна* *смазана* всичко това и стана да си върви... (Дим.); *с м а я н*:... — *възкликна* *смаян* *поручикът* (Веж.); *с м у т е н*: Те *взеха* *смутени* по едно бонбонче и станаха (Карасл.); *с т р е с н а т*: Само Трендо стоеше надалеч от множеството... и си *казваше* *стреснат*... (Даск.); *с ъ ж и в е н*: Работниците *гледаха* *изненадани* и *съживени* Стойков (Даск.); *с ъ к р у ш е н*:... — утре *заминавам* с обедния влак — *каза* *съкрушен* старият Тъкачев (Карасл.); *с ъ р д и т*:— И това ще бъде — все още *сърдит*, *добави* Прокопов (Велк.); *с ъ с р е д о т о ч е н*: Но Тъкачев *слушаше* *замислен* и *съсредоточен* (Карасл.); *т ъ р ж е с т в у в а ѝ*: После *погледна* *тържествуващ* другаря си... (Ваз.); *у г р и ж е н*:— Лоши години идат, жена, — *казваше* *угрижен* Милю (Карасл.); *у ж а с е н*:— Тоя каскет е грабил по цяла торба брашно... — *извика* *ужасен* Боян и захвърли каскета (Даск.); *у м и с л е н*:... — *каза* *умислен* оръдейният командир, като *крачеше* *прав* по откритата позиция (Веж.); *у м о р е н*: Тя го *погледна* *уморена* от деня, който бяха прекарвали с фон Гайер...

(Дим.); *уплашен*:— Пусни ме само да кажа!— *говореше* той така *уплашен*, като че... (Даск.); *услушан*:... Комура престана да преживя, *загледа се услушан* и след туй *пухна с ноздрите си* (Йовк.); *усмихнат*: Той й каза нещо и *усмихнат видя*, как тя отиде към влюбената двойка (Е.-П.); *унесен*:... Стойков *продължи унесен* в нещо свое, дълбоко спотаено, съкровено (Даск.); *ухилен*:— И на децата майка им!...— *подхвърли му ухилен* Равгел (Даск.); *учуден*:— И за мене ли каза той?— *посочи се тя учудена* (Карасл.); *честит*: Сега тя се *оглеждаше* весела и *честита* извън селото, сред голото поле (Карасл.); *ядосан*: Днес страшно *ядосан се обади* командирът на дивизията (Веж.); *успокоен*: Той забележи това, *усмихна се* малко *успокоен* и рече незначително.... (Е.-П.).

Состав группы прилагательных P_2 , характеризующихся употреблением с глаголами G_2 , существенно отличается от состава группы прилагательных P_1 , характеризующихся употреблением с глаголами G_1 . Если с глаголами G_1 может быть употреблено каждое прилагательное, лексически совмещающееся с другими элементами предложения, то с глаголами G_2 употребляются только строго определенные прилагательные. Попытка замены прилагательного в предложении с глаголом типа G_2 обнаруживает, что включение одних прилагательных дает грамматически правильное предложение, в то время как включение других прилагательных (хотя они так же, как и первые, лексически совместимы с другими элементами) приводит к разрушению грамматичности предложения. Например: Станка *слушаше захласната*... (Карасл.)— равным образом *благодарна, възхитена, засмяна, усмихната* и т. д., но не *кротка, тиха, услужлива* и т. д.

Уже самое поверхностное сравнение приведенных прилагательных группы P_2 и списка прилагательных P_1 , данного выше, обнаруживает какое-то единообразие прилагательных P_2 , в противоположность пестрому составу прилагательных P_1 . В чем заключается это единообразие прилагательных P_2 ? Какой признак является общей особенностью этих прилагательных?

При стремлении выявить признак, характерный для прилагательных рассматриваемой группы, привлекает внимание факт, что эта группа состоит преимущественно из причастий. Для большинства слов этой группы имеются в

языке параллельные глаголы (например, *усмихнат* — *усмихна се*), и отношение рассматриваемых слов к таким глаголам полностью соответствует нормам образования причастий в болгарском языке (например, *усмихнат* образовано как причастие прошедшего времени из аористной основы глагола *усмихна се* и суффикса *-т*).

Однако, помимо причастий, в группу Π_2 входит и целый ряд чистых прилагательных. В данном выше перечне это *бесен*, *безпомощен*, *благодарен*, *бодър*, *весел*, *гузен*, *доволен*, *любопитен*, *мълчалив*, *недоволен*, *неподвижен*, *неудържим*, *сърдит*, *честит*. С другой стороны, не каждое причастие принадлежит к группе Π_2 (в нее не входят, например, причастия *ременен*, *стегнат*, *избръснат* и т. п.). Таким образом, несмотря на преимущественно причастный состав рассматриваемой группы Π_2 , видимо, не этот признак является объединяющим для слов этой группы.

Нам представляется, что общность рассматриваемой группы слов кроется в их семантике. Все они с этой точки зрения близки друг к другу. Их можно охарактеризовать как слова, обозначающие физическое или психическое состояние человека. (Учитывая, что данные слова употребляются, хотя и весьма редко, также и при характеристике животных, вероятно, можно было бы говорить, что это слова, обозначающие состояние вообще живых существ.)

2. Обобщая наблюдения над группой Π_2 с точки зрения классов слов, мы должны констатировать, что она существенно отличается от уже рассмотренной группы Π_1 .

Как показало перечисление списочного состава группы Π_2 , она значительно уже группы Π , употребляющейся при существительных и представляющей общий класс прилагательных. Слова группы Π_2 мы встречаем в общем наборе слов класса Π , однако обратного утверждения сделать никоим образом нельзя. Состав класса Π таков, что большой массив его слов оказывается исключенным из группы Π_2 . Иными словами, синтаксическая позиция, в которой выступает группа Π_2 , такова, что она не допускает употребления всего общего класса прилагательных Π в целом. Памятуя о принципе, что две группы слов, выделяемые в двух синтаксических позициях, являются одним классом, только если совпадают их наборы, мы должны сделать вывод, что рассматриваемые нами группы Π_2 и Π не представляют собой один и тот же класс.

Таким образом, если группа Π_1 является тем же общим классом прилагательных, который выступает при существительных, то рассматриваемая группа Π_2 четко обособляется по отношению к общему классу прилагательных болгарского языка.

Наряду с указанным обособлением группы Π_2 от общего класса прилагательных на основе синтаксической позиции в предложении, существует целый ряд признаков, которые объединяют эту группу с общим классом прилагательных. Мы имеем в виду грамматическое оформление этих слов, изменение их по родам и числам. Более того, слова группы Π_2 употребляются и в позиции перед существительным, т. е. входят как часть в состав выделяемого по этому признаку общего класса прилагательных.

Учитывая все это, можно сделать вывод, что слова Π_2 являются прилагательными в широком смысле слова, однако образуют четко выраженную группу внутри прилагательных, имеющую специфическую синтаксическую позицию.

Можно было бы провести аналогию между группой прилагательных Π_2 и связочными глаголами. Как те, так и другие входят в состав соответствующего общего класса слов, но выделяются из него присущей только им способностью употребляться в специфической позиции.

Так же, как в грамматиках выделяется, наряду с более широкой категорией «глагол», категория «связочный глагол» (в структуральных грамматиках, наряду с классом V — класс V_b , т. е. класс с дополнительным индексом, сигнализирующим его отличия от общего класса V), в описаниях болгарского языка, по нашему мнению, должна выделяться, наряду с категорией «прилагательное», особая грамматическая категория, проявляющаяся в существовании группы Π_2 . Эту грамматическую категорию можно назвать «приглагольное прилагательное».

Итак, приглагольные прилагательные — это класс слов, которые, объединяясь с другими прилагательными на основе ряда общих грамматических признаков в ряд прилагательных, обладают свойством, отсутствующим у всей массы прилагательных в целом. Это свойство заключается в способности сочетаться с глаголами Γ_2 .

В этом определении категории приглагольных прилагательных остается пока еще не раскрытой одна его составная часть — содержание термина «глаголы Γ_2 ». Раскрытие этого рабочего термина, т. е. установление места

глаголов Γ_2 в общей системе классов слов болгарского языка, даст окончательную формулировку определения категории приглагольных прилагательных.

3. Рассмотрим теперь состав группы глаголов Γ_2 . Ниже приводится примерный список глаголов этой группы (иллюстрацией употребления глаголов данного типа в составе предложений может служить материал, приведенный на стр. 59—63):

бързам, взема, взирам се, видя, викам, викна, влизам, връщам се, възкликна, възразя, възседна, вървя, гледам, говоря, гълча, добавя, дойда, дотърча, дръпвам се, забавлявам се, забарабаня, завия, загледам, заклатя, замисля се, запитам, заплача, зяпам, застава, засуетя се, ида, извикам, изгледам, изкрещя, изляза, измърморя, изпищя, изрева, изругая, изхвъркна, казвам, клатушкам се, клатя, клатя се, кряскам, кресна, мигна, мисля, мляскам, мълча, наблюдавам, настръхвам, обаждам се, оглеждам се, озъртам се, отвърна, отговарям, отдръпвам се, отида, откажа, отмина, отпущам се, отстъпвам, оттегля се, питам, пищя, повтарям, поглеждам, подавам, подхвърля, позагледам, поклатя, помисля, помълча, попитам, посоча, постоя, потупам, пошушна, прекъсна, прибавя, прибера се, приказвам, припомня си, пристъпя, продължа, прошепна, пуша, развикам се, разделя се, разправям, разрева се, разсъждавам, разходя се, расшътам се, река, ровя се, сбогувам се, свия, свия се, свра се, седна, седя, сека, скимтя, скокна, скоча, скрия се, следя, слушам, смърря, спогледам се, спра, спра се, стана, стресна се, стряскам се, сумтя, съзня, съобщя, тичам, трепна, тръгна, тръсна, упрекна, упътя се, усмихвам се, хапя, хвърлям, хия се, ходя, чакам. шепна, шушкам.

Группу глаголов Γ_2 составляют полнозначительные глаголы, но для характеристики ее границ не подходят такие известные из грамматической литературы о болгарском языке и из исследований по ряду других родственных языков признаки, как «непереходность глагола» и «обозначение движения или состояния». Указанным признакам соответствуют лишь полнозначительные глаголы из приведенной выше группы Γ_1 . Состав же группы Γ_2 существенно отличается от состава полнозначительных глаголов, входящих в группу Γ_1 .

В группу Γ_2 , помимо глаголов, которые можно отнести к числу обозначающих движение или состояние (например,

вѣрва, трѣгна и др.), входят глаголы с иными лексическими значениями. Так, в нее входят широко употребляющиеся с прилагательными Π_2 глаголы речи, такие, как *викам, викна, възкликна, възразя, говоря, гълча* и многие другие. К группе Γ_2 относятся также глаголы мысли: *замисля се, мисля, помисля, припомня си, съзная* и глаголы чувства: *взираю се, видя, гледам, загледам, зяпам* и т. д. Среди приведенных глаголов Γ_2 можно видеть глаголы, обозначающие различные действия, направленные на другой предмет, например: *взема, забарабаня, потупам, ровя се, сека, хвърлям* и др.

Наряду с фактом, что в группу Γ_2 входят глаголы, не относящиеся к означаящим движение или состояние, можно указать и на обратный факт: многие глаголы, обозначающие движение или состояние и принадлежащие к группе Γ_1 , не входят в рассматриваемую группу Γ_2 (в приведенном на стр. 54—55 списке такими являются глаголы *бликам, бумтя, грея, съскам* и др.).

Равным образом не годится для характеристики состава группы полнознаменательных глаголов Γ_2 и грамматический признак непереходности глаголов. В данном выше списке глаголов Γ_2 широко представлены наряду с непереходными и переходные глаголы: *възседна, гледам, загледам, заклатя, изгледам, клатя, наблюдавам* и многие другие.

На вопрос, какие глаголы входят в группу Γ_2 , т. е. употребляются с прилагательными Π_2 , может быть дан, по нашим наблюдениям, следующий ответ: к группе Γ_2 относятся все глаголы, обозначающие действия человека. В самом деле, попытка замещения глагола в нижеследующем предложении, содержащем прилагательное из группы Π_2 , приводит к заключению, что на месте глагола этого предложения может быть употреблен любой глагол, обозначающий действие человека: «Слугите *се спогледаха усмихнати*» (Йовк.) — равным образом *зяпаха, слушаха, работеха, чистеха* и т. д.

Какие-либо грамматические черты — присутствие при глаголе прямого дополнения и т. д. — не играют роли в употребляемости глаголов с прилагательными Π_2 . Единственным ограничением является указанный лексический критерий: глагол должен обозначать действие человека ²¹.

²¹ В свете сказанного о границах полнознаменательных глаголов из группы Γ_1 и границах группы Γ_2 становится понятным тот

4. Опираясь на описание состава группы Γ_2 , установим теперь место этой группы в рамках общего класса глаголов болгарского языка.

Хотя группа Γ_2 ограничена лексическим признаком обозначения действий человека и, таким образом, в набор глаголов этой группы не входит любой глагол языка, представляется, тем не менее, обоснованным считать группу Γ_2 общим классом глаголов болгарского языка.

Это заключение основывается на следующих соображениях. Синтаксическим условием употребления группы глаголов Γ_2 является окружение Π_2 . В то же время в конструкции $\Gamma_2 \Pi_2$ действует присущий языку закон лексической совместимости элементов предложения. В соответствии с ним круг прилагательных Π_2 накладывает ограничения на круг глаголов Γ_2 с точки зрения лексики.

Как было видно из рассмотрения группы Π_2 , она включает в себя прилагательные, которые обозначают состояние человека. Вследствие этого с прилагательными Π_2 могут сочетаться только глаголы, которые обозначают действия, также относящиеся к человеку. Таким образом, лексическое ограничение, которое было выявлено при анализе состава группы Γ_2 , совпадает с требованием лексической совместимости между глаголами группы Γ_2 и прилагательными группы Π_2 . Это дает основание считать ограничение группы глаголов Γ_2 таким критерием, как «обозначение действий человека», проявлением требования лексической совместимости элементов предложения и не относящимся к уровню грамматики. На уровне грамматики группа Γ_2 может быть охарактеризована как включающая все глаголы, т. е. как общий класс глаголов.

Может возникнуть вопрос, почему при квалификации двух взаимосвязанных элементов Γ_2 и Π_2 мы в качестве определяющего принимаем Π_2 и считаем, что лексика группы Π_2 ограничивает лексику группы Γ_2 , а не наоборот; почему для группы Π_2 лексическое ограничение нами оценивалось как релевантное для грамматики, а для группы

факт, что в списке глаголов группы Γ_2 нами указано несколько глаголов, приводившихся ранее в составе группы Γ_1 . Таковы *вървя*, *тръгна* и др. Это объясняется тем, что данные глаголы обладают чертами как глаголов Γ_1 (непереходность, значение движения или состояния), так и глаголов Γ_2 (обозначение действий человека). Одни черты этих глаголов ведут к сочетаемости их с прилагательными Π_1 , а другие — к сочетаемости с прилагательными Π_2 .

Γ_2 оно считается не относящимся к уровню грамматики. Для группы прилагательных Π_2 признак «обозначения физического или психического состояния человека» является с точки зрения грамматики более существенным, чем признак «обозначения действий человека» для группы глаголов Γ_2 . Он не может объясняться лексической совместимостью прилагательных с другими элементами предложения, так как лексически совместимой с глаголами, обозначающими действие человека, будет гораздо более широкая группа прилагательных, чем группа Π_2 .

Определение группы Γ_2 как общего класса глаголов следует сопроводить некоторыми пояснениями.

Общий класс глаголов выделяется в языке как группа слов, противостоящая другим классам слов (существительным, прилагательным и т. д.) своей позицией в предложении и парадигматическими характеристиками. При этом самом первом членении языка учитываются не все связи между элементами предложения. Более полный учет связей показывает, что внутри общего класса глаголов существует дальнейшее разделение. Так, имеется класс глаголов, употребляющихся с прямым дополнением (переходных глаголов), класс глаголов, употребляющихся с «дательным» дополнением и т. д. Следовательно, общий класс глаголов — это совокупность всех таких частных классов.

Когда мы по отношению к глагольному окружению Π_2 говорим, что оно сочетается с общим классом глаголов, наша формулировка подразумевает следующее. С одной стороны, в отличие от таких, например, окружений, как прямое и дательное дополнение, вызывающих разделение внутри общего класса глаголов, окружение Π_2 не вызывает никакого нового расслоения внутри этого класса. С другой стороны, окружение Π_2 нейтрально по отношению к дифференциации глаголов, вызываемой другими окружениями. При окружении Π_2 продолжает сохраняться дифференциация глаголов в зависимости от других глагольных окружений, и само окружение Π_2 может сопровождать глаголы разных частных классов. Это наглядно проявляется в тех конкретных примерах болгарских предложений, которые приводились на стр. 59—63. Действительно, среди глаголов, представленных в окружении Π_2 , мы видим и переходные глаголы («Работниците *гледаха* изненадани и съживени *Стойков*»; «... *заклати* усмихнат *глава Тъкачев*» и др.), и глаголы, характеризующиеся

употреблением с дательным дополнением («Защо ми приказва все наведена?» и др.), и просто непереходные глаголы («... хилеше се поласкан чичо Продан» и др.).

На основании определения места группы Γ_2 в системе классов слов всего языка как общего класса глаголов, мы должны рабочее обозначение « Γ_2 » заменить реальным обозначением общего класса глаголов — символом « Γ ». При этом следует, однако, помнить, что общий класс глаголов является совокупностью всех его частных классов, т. е. что:

$$\Gamma = \begin{cases} \Gamma_{\text{прям. доп.}} \\ \Gamma_{\text{дат. доп.}} \\ \Gamma_{\text{непер. и т. д.}} \end{cases}$$

Это значит, что на месте Γ в конкретных предложениях может выступать любой из частных классов, представленных в правой части равенства.

5. Рассмотренные выше вопросы уже ставились К. Поповым и автором данной работы²². Ввиду того, что представления о данной области болгарского языка еще не устоялись, полезно показать, в чем выводы К. Попова и наши выводы сходятся и в каких частях грамматическая картина обрисовывается по-разному.

К. Попов касается интересующих нас вопросов в той части своей статьи, где констатируется факт возможности предикативного определения при переходных глаголах. Он пишет: «Употребление предикативного определения после переходных глаголов обуславливается как семантикой глагола, так и семантикой и морфологическими особенностями предикативного определения. Предикативным определением в этом случае служат чаще всего страдательные причастия, употребляемые как имена прилагательные, и некоторые имена прилагательные. Причастия означают состояние субъекта. Предикативными определениями служат чаще всего следующие прилагательные и причастия: *безгрижен, безмълвен, безучастен, благ, бледен...* (следует епископ.— М. Р.).

²² См.: К. Попов. За някои особености ...; М. Г. Рожновская. Два типа конструкций «глагол + предикативное определение» в болгарском языке. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», т. 43. М., 1965.

Любой переходный глагол, который по смыслу и функционально может подходить к указанным прилагательным и причастиям, может связываться с ними синтаксически и принимать их как свое определение и как определение подлежащего»²³.

Как можно видеть, данная нами выше картина грамматических закономерностей в известной мере перекликается с выводами К. Попова. Так, мы также отмечаем, что в болгарском языке имеются глаголы, употребляющиеся с какой-то определенной группой прилагательных (у нас она обозначается как группа Π_2). Описание состава этой группы прилагательных, данное К. Поповым, и описание, предложенное нами, весьма близки друг к другу.

Вместе с тем даваемые в двух работах характеристики круга глаголов, употребляющихся с данной группой прилагательных, различаются между собой. В статье К. Попова употребление этих прилагательных связывается с переходными глаголами. В нашей работе употребление переходных глаголов с группой прилагательных Π_2 предстает лишь как частный случай функционирования прилагательных Π_2 . В болгарском языке не только переходные глаголы употребляются с этой группой прилагательных; среди непереходных также имеются глаголы, предикативным определением при которых могут быть лишь прилагательные этой группы. Это свидетельствует, что признак переходности глагола является несущественным для функционирования указанной группы прилагательных.

Отношения двух типов конструкции предикативного определения подлежащего

Проведенное нами исследование показало, что группы слов, участвующие в построении конструкций «глагол + предикативное определение», с точки зрения классов слов болгарского языка представляют следующую картину:

Γ_1 — класс связочных глаголов $\Gamma_{\text{связ.}}$, характеризующийся способностью сочетаться с общим классом прилагательных;

²³ К. Попов. За някои особености..., стр. 130—132.

- Π_1 — общий класс прилагательных Π ;
 Γ_2 — общий класс глаголов Γ ;
 Π_2 — класс приглагольных прилагательных $\Pi_{\text{пригл.}}$,
 характеризующийся способностью сочетаться с
 общим классом глаголов.

Эти свойства групп слов, участвующих в конструкции «глагол + предикативное определение», порождают два варианта такой конструкции:

1) $\Gamma_{\text{связ.}}\Pi$ (соответствует использовавшемуся в ходе исследования рабочему обозначению $\Gamma_1\Pi_1$);

2) $\Gamma\Pi_{\text{пригл.}}$ (соответствует рабочему обозначению $\Gamma_2\Pi_2$).

Существо первого варианта с точки зрения классов слов может быть представлено схемой:

Π	— С —	$\Gamma_{\text{связ.}}$	— Π
a		a'	a
b		b'	b
c		c'	c
d		\widehat{d}'	d
e]		e'	e
f		f'	f
...		...	...
n		n'	n,

где С — класс существительных в функции подлежащего;

Π в позиции перед С — класс прилагательных в функции определения существительного;

a, b, c... n — слова, составляющие набор общего класса прилагательных;

a', b', c'...n' — слова, составляющие набор общего класса глаголов;

знак $\widehat{\quad}$ показывает часть общего класса слов, исключаемую из сочетаемости в данном варианте конструкции.

Схема отражает, что весь набор прилагательных от a до n, который употребляется при существительном, способен выступать при глаголах a', b', c', составляющих частный класс связочных глаголов, в то время как сочетаемость с остальными глаголами исключена.

Второй вариант конструкции, связанный с существо-

ванием в языке особого класса приглагольных прилагательных, имеет следующую схему:

П	—	С	—	Г	—	П _{пригл.}
а				а'		а
b				b'		b
с				с'		с
d				d'		d̃
e				e'		e
f				f'		f
...				...		...
n				n'		n

В этом варианте оказывается ограниченным набор прилагательных, в который попадает лишь группа а, b, с, составляющая частный класс приглагольных прилагательных, и допускается участие всех глаголов общего класса.

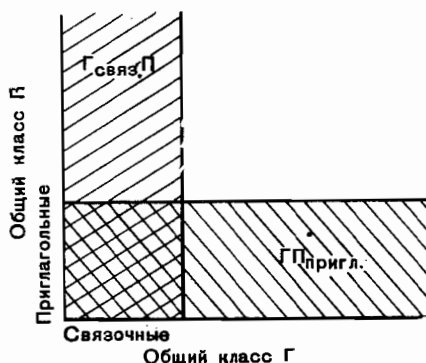
Первый вариант конструкций «глагол + предикативное определение» в болгарском языке аналогичен соответствующим конструкциям в ряде других родственных языков и не содержит каких-либо существенных отличий.

Все своеобразие предикативных определений в болгарском языке проявляется во втором варианте этой конструкции. Здесь обнаруживается существование особой грамматической категории приглагольных прилагательных, не выделявшейся ранее в болгарской грамматике. Специфическое свойство слов этого частного класса состоит в их способности сочетаться в конструкции «глагол + предикативное определение» с общим классом глаголов, т. е. с любым лексически совместимым с такими прилагательными глаголом.

Широта употребления конструкции «глагол + предикативное определение» в болгарском языке объясняется существованием второй разновидности этой конструкции, т. е. является следствием наличия в болгарском языке грамматической категории приглагольных прилагательных.

Два слоя образований конструкции «глагол + предикативное определение», один из которых обусловлен грамматическими особенностями связочных глаголов, а дру-

гой—приглагольных прилагательных, пересекаются между собой. Картину этого языкового явления можно представить наглядно в следующем виде:

Как видно из этой схемы, существует область языка, где оба слоя перекрывают друг друга. В этой области конструкцию «глагол + предикативное определение» вообще может быть трудно отнести к одному или другому ее варианту, так как один компонент в ней является связочным глаголом, а другой — приглагольным прилагательным. Такое положение наблюдается, например, в предложении «Янчо стоеше неподвижен...» (Даск.). Однако вне пределов этой общей области функционирование каждого из вариантов конструкции проявляется очень ярко.

VII

СВЯЗЬ КОНСТРУКЦИИ

«ГЛАГОЛ+ПРИГЛАГОЛЬНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ» С КОНСТРУКЦИЕЙ «ГЛАГОЛ+НАРЕЧИЕ»

Место приглагольного прилагательного в структуре предложения

1. Исходным для большинства исследований по болгарскому синтаксису был тезис о том, что с предикативным определением, помимо чисто связочных глаголов, употребляется только узкий круг полнозначительных глаголов. Вследствие этого конструкция с полнозначительным глаголом рассматривалась лишь как аналогия конструкциям с чисто связочным глаголом, как их частный и не типичный случай. Основное внимание уделялось рассмотрению предикативного определения при чисто связочных глаголах; при этом отмечалось, что в роли связки иногда могут выступать глаголы, которые употребляются в языке и самостоятельно без предикативного определения. Анализу функционирования предикативного определения с полнозначительными глаголами, места такого предикативного определения в построении предложения отводилось меньше внимания.

В подходе к рассмотрению сочетаний глагола с предикативным определением в грамматиках болгарского языка проявлялись две тенденции. Некоторые грамматисты, например Л. Андрейчин, А. Теодоров-Балан²⁴, рассматривают сочетание предикативного определения с глаголом как единое сказуемое, поэтому они не уделяют специального внимания вопросу о месте предикативного определения в предложении, исходя, видимо, из того, что данный тип сказуемого функционирует в предложении с теми же

²⁴ Л. А н д р е й ч и н. Основна българска граматика. София, 1944, стр. 432—436; А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 402—406.

закономерностями, что и любое другое сказуемое. Все основное внимание уделяется в таких случаях сочетаниям предикативного определения с чисто связочными глаголами. И лишь после описания конструкций этого рода делается указание, что аналогичные построения возможны и с ограниченным кругом полнозначительных глаголов. У ряда авторов имеются при этом пометки о том, что в случаях присутствия предикативного определения при полнозначительных глаголах это предикативное определение не входит в состав сказуемого. Так, Л. Андрейчин пишет, что глаголы, «которые могут быть пояснены при необходимости сказуемым определением, но могут употребляться, сохраняя тот же самый смысл, и без такого определения, ... не образуют со сказуемым определением составного сказуемого»²⁵. Однако обыкновенно место предикативного определения как самостоятельного элемента в построении предложения в дальнейшем не рассматривается.

Другие авторы принципиально отделяют предикативное определение от глагола, с которым оно сочетается, и рассматривают этот глагол, включая и глагол *съм*, как самостоятельное сказуемое, а присоединяемый с помощью глагола элемент — как второстепенный член предложения. Примером такого подхода могут служить «Болгарская грамматика» П. Ст. Калканджиева²⁶, учебник для пединститутов «Современный болгарский язык»²⁷. Но, отделив предикативное определение в самостоятельный второстепенный член предложения, эти грамматики не рассматривают вопрос о его месте в предложении, а сосредоточивают свое внимание тоже на сочетаемости предикативного определения со связочными глаголами.

Лишь изредка делались попытки установить функцию предикативного определения в предложении. Наблюдения такого рода, имеющиеся у А. Теодорова-Балана²⁸ и П. Ст. Калканджиева²⁹, носят характер побочных заме-

²⁵ Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 434.

²⁶ П. Ст. Калканджиев. Болгарска граматика. 2 доп. изд. Пловдив — София, 1938, стр. 339—343.

²⁷ Л. Андрейчин, М. Иванов, К. Попов. Съвременен български език. Ч. II. Учебник за I и II курс на учителските институти. София, 1957, стр. 206—207, 259—262.

²⁸ А. Теодоров-Балан. Указ. соч., стр. 405; Он же. Състояние на българската граматика. София, 1947, стр. 203—204.

²⁹ П. Ст. Калканджиев. Указ. соч., стр. 341.

чаний и основываются не на анализе болгарской языковой системы, а на соображениях сравнительно-исторического характера, на проведении аналогий с синтаксисом других родственных языков и на привлечении данных истории языка.

В последней крупной работе по болгарскому синтаксису «Современный болгарский язык. Синтаксис» К. Попова сделан значительный шаг в сторону установления места предикативного определения в предложении с полнозначительным глаголом. К. Попов рассматривает сочетания полнозначительного глагола с предикативным определением в связи с составным именным сказуемым, но специально подчеркивает, что эти сочетания не образуют составного сказуемого и что предикативное определение в них является второстепенным членом из группы сказуемого. К. Попов стремится, далее, дефинировать функцию предикативного определения как второстепенного члена и указывает, что оно по своей роли в предложении «приближается к обстоятельству образа действия» и «отличается от обстоятельства образа действия грамматическим согласованием с подлежащим...»³⁰.

Это важное наблюдение, которое имеет принципиальное значение для раскрытия структуры предложения в болгарском языке. К сожалению, мы не находим в работе К. Попова более глубокого анализа отмеченного явления. Поэтому существо данного грамматического явления оказывается до конца не раскрытым, имеющаяся в этой сфере языковая закономерность — не сформулированной.

Для выяснения места предикативного определения в структуре болгарского предложения необходимо исследовать не только его отношения с подлежащим и сказуемым, но и отношение к другим членам предложения. Только это позволит выявить синтаксическую функцию предикативного определения. Под термином «синтаксическая функция» мы понимаем место данного элемента в развертывании всего предложения.

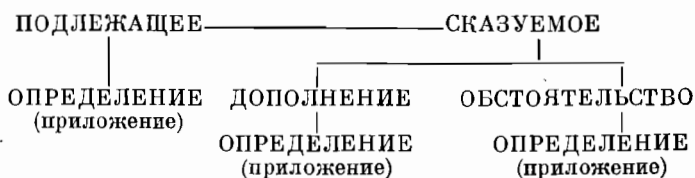
Ставя перед собой цель установить функцию предикативного определения в составе предложения с полнозначительным глаголом, мы исходим из того, что в грамматиках уже описаны основные схемы построения болгарско-

³⁰ К. Попов. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962, стр. 129—130.

го предложения, однако эти схемы определены без учета функционирования предикативного определения. Поэтому мы не будем заново конструировать всю систему основных синтаксических схем болгарского языка, а попробуем установить, претерпевают ли какие-либо изменения существующие схемы болгарских предложений, при учете присутствия в предложении предикативного определения.

На основе опыта членений предложения в болгарских грамматиках мы можем предположить, что изменения в построении предложения в результате наличия в нем предикативного определения наиболее вероятны в сфере, сопряженной с глаголом, так как предикативное определение является таким элементом, появление которого в предложении зависит от глагола. Сочетание полнозначительного глагола с предикативным определением может быть свернуто (заменено) до одного глагола без искажения грамматичности предложения. Благодаря этому свойству предикативное определение может рассматриваться как своеобразный определитель глагола, как одно из возможных развертываний глагольной группы в предложении.

В уже данных в грамматиках схемах построения болгарского предложения (которые не учитывают присутствия предикативного определения) развертывание глагольной части представляется следующим образом: глагол и при нем непосредственно связанные с ним элементы, которые также имеют зависимые члены. Примером может служить схема, которую дает Л. Андрейчин ³¹:

Здесь представлена схема развертывания глагольной части предложения с иерархией зависимых от глагола элементов. Как отмечалось, предикативное определение связано непосредственно с глаголом. Следовательно, будучи введенным в предложение, оно может вызвать изме-

³¹ Л. А н д р е й ч и н. Указ. соч., стр. 427.

нения в этой цепи, идущей от глагола, именно в области, где происходит структурное сочленение глагола с другими элементами предложения.

Рассматривая различные элементы, которые участвуют в развертывании глагольной части предложения, можно видеть, что среди них имеется несколько элементов, появление которых зависит непосредственно от глагола, а не от каких-либо других элементов, т. е. соотношения этих элементов не таковы, что глагол с каким-то своим определителем сводится к одному глаголу, а следующий элемент является определителем первого определителя и появляется только тогда, когда есть этот первый. Все эти элементы находятся в первой степени связи с глаголом ³².

Ввиду того, что целый ряд так называемых второстепенных членов включается в предложение независимо друг от друга и каждый из них самостоятельно соотносится с глаголом, мы не можем при выявлении места предикативного определения в структуре предложения рассматривать его отношение предпочтительно с каким-то одним из этих второстепенных членов. Мы должны исследовать отношения предикативного определения со всеми членами, участвующими в развертывании глагольной группы.

Учитывая, что в болгарском языке основную массу предикативных определений при полнозначительных глаголах составляют конструкции «глагол + приглагольное прилагательное», мы сосредоточим внимание именно на этих конструкциях.

2. Конкретно свою первую задачу мы видим в том, чтобы проследить, приводит ли присутствие в предложении приглагольного прилагательного к каким-либо изменениям в построении группы глагола с его второстепенными

³² Эта особенность языковой структуры послужила основанием критики метода непосредственно составляющих, предполагающего, что лингвистические структуры — особенно синтаксические — располагаются пластами и поддаются анализу путем прогрессивного дихотомического резания. Так, Р. Е. Лонгакр высказывает мнение, что «некоторые лингвистические структуры являются наслонными, в то время как другие упорядочены подобно бусам на веревке». Давая конкретный пример «веревочного анализа» в английском языке, он делает вывод, что предложение делится «на функциональные сегменты, которые выявляют пять тагмем на уровне предложения (вероятно, деятель, действие, цель, место-направление и время)». Каждая такая тагмема является равноправным элементом структуры предложения (R. E. Longacre. String constituent analysis. «Language», v. 36, № 1, 1960, стр. 63, 68).

членами. Для решения ее мы воспользуемся процедурой замещения. Мы будем брать предложения, где при глаголе имеются второстепенные члены, и на место глагола ставить сочетание глагола с приглагольным прилагательным. Если при такой замене предложение будет сохранять свою грамматичность, это будет означать, что тот тип построения болгарского предложения, который отражается нашим конкретным предложением, охватывает как случаи, когда в предложении выступает один глагол, так и случаи, когда в нем имеется сочетание глагола с приглагольным прилагательным.

Если в результате замены глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным будет получаться аграмматическая последовательность слов, это будет значить, что тот тип построения предложения, который отражен в нашем конкретном примере, действителен только для случаев, когда глагол выступает без приглагольного прилагательного и должен быть как-то видоизменен для случаев, когда такое приглагольное прилагательное имеется. Возникающая при замене глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным необходимость изменений в составе элементов, входящих в предложение, или же в линейной последовательности их является свидетельством нарушения синтаксических связей в предложении, установленных в грамматиках для образцов построений, не включающих приглагольного прилагательного. Раскрытие существа этого нарушения связей и установление связей, существующих в предложениях с приглагольным прилагательным, позволит в последующем создать схемы построения, учитывающие оба варианта предложений болгарского языка.

Процедуру замены необходимо ограничить следующим условием: сочетание глагола с приглагольным прилагательным должно включать тот же самый глагол, который оно замещает. Как известно, различные глаголы требуют нередко различных второстепенных членов. Так, например, только переходные глаголы сопровождаются прямым дополнением, имеются различия между глаголами с точки зрения их сочетаемости и с другими второстепенными членами. Поэтому при изменении конкретного глагола появление аграмматичности после замены могло бы вызываться не несовместимостью присутствия приглагольного прилагательного с данным типом построения предложе-

ния, а несовместимостью самого глагола, замещающего (в сочетании с приглагольным прилагательным) прежний глагол. Именно эти соображения требуют, чтобы при замене в предложении глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным сам глагол оставался одним и тем же.

Итак, ниже мы приводим предложения болгарского языка с различными типами построения группы глагола-сказуемого и заменяем в этих предложениях глагол на сочетание глагола с приглагольным прилагательным.

1. Ядро предложения может расширяться за счет введения прямого дополнения:

а) Скрит в пустата воденица, *Огнянов чакаше появяването* на някой приятел (Ваз.);

б) *Той слушаше пляска* на рибките... и дълго стоеше до брега в мълчание (Е.-П.);

в) Кога приближи към него, *тя* подигна наведените си очи и *го погледна* (Влайк.).

При замене сохраняется грамматичность предложений: «Скрит в пустата воденица, *Огнянов чакаше ококорен появяването* на някой приятел»; «*Той слушаше захласнат пляска* на рибките... и дълго стоеше до брега в мълчание»; «Кога приближи към него, *тя* подигна наведените си очи и *го погледна учудена*». Образованные здесь предложения с приглагольным прилагательным соответствуют широко распространенной в болгарском языке модели, подобные предложения могут быть приведены и из литературы:

а) Старият адвокат чакаше наежен сина си, приготвил кратка, но много силна унищожителна обвинителна реч (Карасл.);

б) Свикваше различни птички от гората и им пееше песни, които сам беше измислил, а *те го слушаха благодарни* (Е.-П.);

в) *Тъкачев*, който не беше го виждал да възразява така енергично, *го погледна учуден* (Карасл.).

Можно сделать заключение, что возможность расширения состава предложения прямым дополнением одинакова как при наличии в предложении приглагольного прилагательного, так и без него. Расширение предложения за счет включения приглагольного прилагательного не вносит изменений в нормы расширения предложения прямым

дополнением. Для данного окружения глагол и сочетание глагола с предикативным определением взаимозаменяемы.

2. Для многих глаголов характерно употребление с так называемым «д а т е л ь н ы м» д о п о л н е н и е м. Поэтому представляет интерес рассмотреть отношение приглагольного прилагательного и дополнения этого типа. Образцом конструкций с дательным дополнением могут служить следующие предложения:

а) *Той често приказваше на Бръчкова* (Ваз.);

б) Един ден *тя* срещна отец Никодим и отдалече *му* *подхвърли*:— Е, как сте, братко? (Райч.);

в) Какво замълча Благолаж? — карай де, — *каза му* *Лазо* (Е.-П.).

Если в приведенных предложениях заменить глагол сочетанием глагола с приглагольным прилагательным, то их грамматичность не нарушается: «*Той често приказваше усмихнат на Бръчкова*»; «Един ден *тя* срещна отец Никодим и отдалече *му* *подхвърли* *засмяна*: Е, как сте, братко?»; «Какво замълча Благолаж? карай де, — *каза му* *недоволен* *Лазо*»³³. Предложения, аналогичные полученным нами, употребляются в литературе:

а) *Защо ми приказва* *все наведена*? — питаше се *Тошка* (Карасл.);

б) И на децата майка им!... — *подхвърли му* *ухилен* *Рангел* (Даск.);

в) Само *Трендо* стоеше надалеч от множеството, мушнал ръце под скъсаната си дреха, и *си* *казваше* *стреснат*... (Даск.).

Наши замены и примеры из художественной литературы позволяют сделать вывод, что введение вместо глагола сочетания глагола с приглагольным прилагательным в предложениях с дательным дополнением не нарушает обычной схемы построения предложения с этим второстепенным членом. В данных случаях, следовательно, глагол и сочетание глагола с приглагольным прилагательным эквивалентны.

³³ В последнем предложении кажется нарушенным соблюдаемый во всех остальных случаях принцип замены, при котором полностью сохраняется исходный линейный порядок элементов, так как дательное дополнение оказывается смещенным и стоит не после приглагольного прилагательного, а вклинивается между ним и глаголом. Это смещение, однако, вызвано не спецификой приглагольного прилагательного, а является следствием другой более общей закономерности языка, связанной с нормами энклитик в порядке слов.

3. Одним из типичных расширений⁴ состава предложения является введение в него обстоятельств времени. Присутствие в предложении этого второстепенного члена не является помехой для построения конструкции с приглагольным прилагательным. Поэтому в предложении «*Тие дни гледам, че бялото пиле захвана да мършавее*» (Карав.) глагол *гледам* может быть свободно заменен на сочетание глагола с приглагольным прилагательным; в результате такой замены могут быть построены предложения наподобие «*Тие дни гледам учуден, че бялото пиле...*».

Предложения с приглагольным прилагательным и обстоятельством времени широко употребляются в болгарском литературном языке, например, «*И сега тя гледаше учудена, като че за пръв път виждаше колко бедни са и стаите им, и покъщнината им*» (Карасл.).

4. Обстоятельство места также свободно допускает замену глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным, ср., например, «*Винаги предпазлив и съобразителен, Тачката се спираше често, услужваше се и се оглеждаше на всички страни*» (Йовк.) и «... *Тачката се спираше често, услужваше се и се оглеждаше смутен на всички страни*». Предложения такого рода часто встречаются в болгарской литературе. Например, «*Сега тя се оглеждаше весела и честита извън селото, сред голото поле*» (Карасл.). Следовательно, в окружениях подобных рассмотренному здесь, сочетание глагола с приглагольным прилагательным по своим синтаксическим связям равнозначно одиночному глаголу.

5. В глагольной группе часто встречается присоединение к основному глаголу так называемых «да - и з р е ч е н и й». При таких построениях также существует возможность замены глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным, ср., например, «*Милка се озърташе да види и попита някого за сестра си*» (Ваз.) и «*Милка се озърташе смутена да види и попита някого за сестра си*». Пример из художественной литературы: «*Но се спря и се озърна слисан накъде да удари*» (Ваз.). Следовательно, и в построениях такого рода наблюдается эквивалентность глагола и сочетания глагола с приглагольным прилагательным.

6. В случаях, когда с глаголом связывается целое придаточное предложение, также суще-

ствуует возможность замены этого глагола сочетанием глагола с приглагольным прилагательным. Ср.: «В това време един *съсед* на Вълчан дойде в общината и *събощи*, че конете на Вълчан се подилашили преди малко» (Йовк.); «По едно време *си припомних*, че в Доленци... имам един приятел от войната» (Карал.) и получаемые в результате замены предложения «В това време един *съсед* на Вълчан дойде в общината и *събощи задъхан*, че конете...»; «По едно време *си припомних зарадван*, че в Доленци...». Последние сохраняют свою грамматичность и имеют параллели в реальном языке: ... но едва в последния ден на старата година *Жори* дотича и *събощи зарадван*, че им бил дошъл редът (Даск.); *Той си припомни* почти *натъжен*, че така сам и стеснен бе стоял преди много години в двора на градското училище (Веж.).

Мы рассмотрели несколько вариантов глагольного окружения, которые отражают основные типы существующих в языке расширений ядра предложения. Можно было бы привести здесь еще целый ряд глагольных окружений, порождаемых другими возможностями расширения ядра. Но эти случаи не дадут ничего принципиально нового: они также допускают замену глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным.

7. Среди возможных расширений глагольной группы особое место по отношению к приглагольному прилагательному занимают обстоятельства образа действия. Рассмотрим типичные предложения с этим второстепенным членом:

- а) И аз ще бягам още сега! — *каза огорчено старецът* (Ваз.);
- б) *Бай Мичо изгледа недоволно* хаджи Смиона (Ваз.);
- в) *Огнянов* стоеше над трупа и *гледаше захласнато* (Ваз.);
- г) *Бай Ганьо* седи сам в салона, *зяпа разсеяно* картините... (Конст.);
- д) *Попът* вървеше бавно и *пееше проточено* молитвите (Е.-П.).

Если в приведенных предложениях вместо глагола ввести сочетание глагола с приглагольным прилагательным, получаются аграмматические последовательности слов: И аз ще бягам още сега! — *каза обиден огорчено старецът*; *Бай Мичо изгледа намръщен недоволно* хаджи Смиона; *Огнянов* стоеше над трупа и *гледаше преbledнял захлас-*

нато; Бай Ганьо седи сам в салона, зяна учуден разсеяно картините; Попът вървеше бавно и пееше замислен проточено молитвите.

В исследованном материале мы не встретили предложений, подобных приведенным здесь образованиям. Таким образом, можно констатировать, что замена глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным в данном окружении нарушает исходное построение и, следовательно, здесь сочетание глагола с приглагольным прилагательным не эквивалентно глаголу.

Итак, на основе проведенного исследования мы можем сделать вывод, что для большинства глагольных окружений допустима замена глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным, т. е. что глагол и сочетание глагола с приглагольным прилагательным являются эквивалентными и развертывание предложений как для одного глагола, так и для сочетания глагола с приглагольным прилагательным происходит по одинаковым схемам. Особое положение среди глагольных окружений занимают построения с обстоятельством образа действия. Для такого рода окружений не существует эквивалентности глагола и сочетания глагола с приглагольным прилагательным и схема развертывания предложений с одним глаголом отличается от схемы развертывания предложений, содержащих приглагольное прилагательное.

Сходство функций приглагольного прилагательного и наречия образа действия

1. Для установления соотношений между приглагольным прилагательным и обстоятельством образа действия необходимо обобщить уже известные в грамматике сведения об обстоятельстве образа действия под тем же углом зрения, под которым рассматривалось приглагольное прилагательное, т. е. в плане возможностей развертывания предложения при наличии в группе глагола обстоятельства образа действия³⁴.

³⁴ Мы привлекаем для рассмотрения только те предложения, в которых обстоятельство образа действия выражено наречием, так как наречие является основным классом слов, выступающим в этой функции. В какой мере другие типы слов могут выступать в данной функции — это вопрос, выходящий за рамки проблем настоящей работы.

С этой целью мы проведем замену глагола на сочетание глагола с наречием образа действия в тех же окружениях, в которых проводилось замещение глагола на сочетание глагола с приглагольным прилагательным, т. е. окружениях, учитывающих наиболее характерные для глагольной группы второстепенные члены предложения. Помимо этого в число возможных окружений глагола мы включаем и приглагольное прилагательное, которое, как уже было показано, является одним из характерных элементов группы глагола. Мы не будем подробно излагать весь путь замены, аналогичный уже проделанному при рассмотрении приглагольного прилагательного, а просто дадим соответственно с выделенными при анализе приглагольного прилагательного рубриками параллельные примеры функционирования глагола с наречием образа действия в этих же окружениях.

1) С прямым дополнением. В предложении «Кюга приближи към него, *тя* подигна наведените си очи и *го погледна*» (Влайк.) глагол свободно заменяется на сочетание глагола с наречием образа действия: «... *тя* подигна наведените си очи и *го погледна изумено*. «Ср. также: Никакъв отговор — само *екът злорадно повтаряше името й* (Стам.).

2) С дательным дополнением: «Какво замълча Благолаж? — карай де, — *каза му Лазо*» (Е.-П.) и «... карай де, — *каза му сърдито Лазо*. Ср. также: ... *па дебелият*, като се обърна към ладияря, *каза му гневно* (Ваз.).

3) С обстоятельством времени: «*Тие дни гледам*, че бялото шиле захвана да мършавее» (Карав.) и «*Тие дни гледам смутено*, че бялото шиле... Ср. также: *Сърдечно и доволно се веселихме тази вечер* (Рус.).

4) С обстоятельством места: «...*Тачката* се спираше често, услужваше се и *се оглеждаше на всички страни*» (Йовк.) и «... *Тачката* се спираше често, услужваше се и *се оглеждаше внимателно на всички страни*. Ср. также: *Боляринът* се обърна към кулата и *нещо внимателно загледа нататък* (Загорч.).

5) С «да-изречением»: «*Милка* се озърташе да види и попита някого за сестра си» (Ваз.) и «*Милка* се озърташе тревожно да види...»

6) С придаточным предложением: «В това време един *съсед* на Вълчап дойде в общината и *събщи*,

че конете на Вълчан...» (Йо вк.) и «*съобрази спокойно, че конете...*» Ср. также: Но ето че дотича из отдалеченото краище босоного *хлане* и *уплашено обади*, че Пенка примряла от жегга (Е.-П.).

7) С приглагольным прилагательным. Как и попытки ввести вместо глагола сочетание глагола с приглагольным прилагательным в предложениях с наречием образа действия давали аграмматические последовательности слов, замещение глагола сочетанием глагола с наречием образа действия в предложениях с приглагольным прилагательным также приводит к аграмматическим построениям. Например:

а) Лоши години идат, жена, — *казваше угрижен Милю* (Карасл.);

б) *Тя помълча*, наклони се към Ивана и *прошепна задъхана* (Карасл.);

в) Васил забеляза обаче и веднага притича към Боян, *който* все още не беше укротен и *повтаряше разтреперан...* (Даск.).

Замена в этих предложениях глагола на сочетание глагола с наречием образа действия дает такие аграмматические построения, как: ... *казваше тихо угрижен Милю*; *Тя помълча...* и *прошепна смутено задъхана*; ... *който* все още не беше укротен и *повтаряше ядосано разтреперан* ³⁵.

³⁵ Возможны случаи, когда при замене в предложении, содержащем приглагольное прилагательное, глагола на сочетание глагола с наречием образа действия получается грамматически приемлемое для языка построение. Продемонстрировать это можно на предложении: «*Дават ти ги не като на баджанак, а като на чирак — каза усмихнат Тюлев*» (Карасл.), заменив его глагол на сочетание этого глагола с наречием *приятливо*: «... *каза приятливо усмихнат Тюлев*». Из литературы: «...От името на всички работници — *каза той приятливо усмихнат*, но отведнъж лицето му се скова» (Даск.).

Но это не означает, что в данных случаях мы наблюдаем употребление сочетания глагола с наречием образа действия в окружении, содержащем приглагольное прилагательное. Дело в том, что порядок слов *глагол — наречие образа действия — прилагательное* является одним из типичных построений для болгарского языка. Однако он закреплен за конструкцией, в которой наречие не является определителем глагола. Позиция наречия образа действия между глаголом и приглагольным прилагательным характерна для наречного определителя, относящегося к приглагольному прилагательному. Примерами такого построения могут служить следующие предложения: *Те си излязоха, като му се кланяха, а той седеше някак недоволен от себе си...* (Даск.); *Той мислеше за*

Проведенные замещения глагола сочетанием глагола с наречием образа действия позволяют сделать следующий вывод. Схемы развертывания предложений, имеющих наречие образа действия, совпадают в большинстве случаев со схемами развертывания предложений, не имеющих при глаголе этого наречия. Расхождения наблюдаются только при наличии в предложении приглагольного прилагательного.

Таким образом, наблюдается определенный параллелизм в функционировании сочетания глагола с приглагольным прилагательным и сочетания глагола с наречием образа действия. В одних и тех же окружениях глагол свободно может быть заменен как на сочетание глагола с приглагольным прилагательным, так и на сочетание глагола с наречием образа действия. Из этого следует, что независимо от того, содержит ли предложение один глагол, содержит ли оно сочетание глагола с приглагольным прилагательным или сочетание с наречием образа действия, все остальные части предложения развертываются по одним и тем же схемам. Эту закономерность построения предложения можно наглядно представить в следующем виде:

$$C \left\{ \begin{array}{l} \Gamma \\ \Gamma \text{ П}_{\text{пригл.}} \\ \Gamma \text{ Н}_{\text{обр.}} \end{array} \right\} P^{36}$$

Присутствие в окружении одного из элементов, входящих в сочетание с глаголом, которое свободно функционирует на месте одного глагола, т. е. П_{пригл.} либо Н_{обр.}, исключает возможность подстановки на место глагола со-

толкова неща, мислеше *радостно възбуден*, избистрен, възроден (Караул.). Поэтому, когда наречие при замене по своей семантике совмещается с приглагольным прилагательным, получаемое построение оказывается отвечающим норме языка. Однако в таком случае это наречие уже не является определителем глагола, как это предполагалось при замене глагола на сочетание глагола с наречием образа действия, а объединяется с приглагольным прилагательным в одну группу как его определитель. Именно такое явление наблюдается в полученном выше предложении «...каза *приятливо усмихнат* Тюлев».

³⁶ Символы означают: С — подлежащее; Г — глагол-сказуемое; П_{пригл.} — приглагольное] прилагательное; Н_{обр.} — наречие образа действия; Р — элементы (второстепенные члены) развертывания глагольной группы,

четания глагола с другим из рассматриваемых элементов. Таким образом, наблюдается взаимная исключаемость употребления в предложении приглагольного прилагательного и наречия образа действия.

Собранный обширный материал из художественной литературы показывает, что приглагольное прилагательное и наречие образа действия действительно не употребляются одновременно в предложении. Предложения содержат в себе обыкновенно только один из этих элементов.

2. На основе сказанного выше возникает вопрос, не занимают ли наречие образа действия и приглагольное прилагательное одно и то же место в структуре предложения. Если наречие образа действия и приглагольное прилагательное действительно занимают одно и то же место в структуре предложения, то отношения между этими элементами должны удовлетворять следующим требованиям. Эти элементы должны быть взаимозаменяемы, должна быть исключена возможность их одновременного употребления и существовать возможность соединения их сочинительным союзом³⁷. Рассмотрим с этой точки зрения существующие в болгарском языке отношения между наречием образа действия и приглагольным прилагательным.

Материал языка показывает, что существует возможность взаимной замены наречия образа действия и приглагольного прилагательного в рамках одного и того же предложения. Если мы возьмем в качестве примера несколько предложений с наречием образа действия, то увидим, что имеющееся в них наречие образа действия может быть заменено не только другими наречиями образа действия, но

³⁷ См. постановку вопроса в работах: Z. H a r r i s. From morpheme to utterance. «Language», v. 22, 1946; H. G l i n z. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. Bern, 1952. Ср. также конкретный пример решения аналогичной проблемы в кн.: Ch. C. F r i e s. The Structure of English. An introduction to the construction of English sentences. New-York, 1952. Существо примененных Ч. Фризом критериев для решения вопроса о составе четвертого класса, совпадающего в своей значительной части с традиционной категорией «наречия», достаточно ясно видно из следующей формулировки применяемой им рабочей процедуры: «Здесь достаточно указать три подгруппы, которые проявляются, когда мы пытаемся употребить несколько из этих слов одновременно. Если два или более из этих слов принадлежат к одной и той же подгруппе, тогда формальное связывающее слово такое, как and или but, может стоять между ними. Но если два или более слов принадлежат к различным подгруппам, тогда такое слово не встречается» (стр. 85).

и замещено без какого-либо нарушения грамматичности предложения прилагательными:

възхитено

любопитно

озадачено и т. д.

Бай Ганьо седи сам в салона, зяпа *разсеяно* картините...
(Конст.);

захласнат

замаян

слисан

замислен

поразен и т. д.³⁸

смутено

учудено и т. д.

Войниците се споглеждат *мълчаливо* (Смирн.);

усмихнати

угрижени

ухилени

недоволни

зарадвани и т. д.

огорчено

внимателно и т. д.

Тутакси се изправи и погледна *учудено* в потъмнелите
очи на баща си (Гул.).

усмихната

уморена

изненадана

стресната и т. д.

³⁸ Взаимозаменяемые элементы могут иметь свои специфические дальнейшие развертывания. Так, в предложении «...очите му гледаха навлажнени от неизбежними сълзи» (Даск.) причастие *навлажнени* имеет определитель *от неизбежними сълзи*. Но весь оборот занимает то же место в структуре предложения, что и его головное организующее слово.

Мы ограничимся здесь этими тремя примерами замен наречия образа действия на приглагольное прилагательное. Подобным же образом приглагольные прилагательные в предложении могут свободно заменяться не только другими приглагольными прилагательными, но и наречиями образа действия. Это можно продемонстрировать на следующих примерах:

зачервена

огорчена

Какво току се тътриш, Марьоло! — смъмри я *засрамена* Кина (Карасл.);

ядосано

сърдито

спокойно

уплашено

озлобено

смутено

и т. д.

зарадван

разсърден и т. д.

Полека — каза *полуусмихнат* над него докторът (Велк.);

отчетливо

весело

развълнувано

угрижено

огорчено и т. д.

недоволна

усмихната и т. д.

Какво? — погледна го тя *намръщена* (Карасл.).

въпросително

любопитно

внимателно

плахо

учудено и т. д.

Возможность таких замещений дает основание сделать вывод, что отношения между наречием образа действия и приглагольным прилагательным отвечают требованию взаимозаменяемости.

Способность к взаимозаменяемости является основным критерием установления равенства функций в предложении. Квалификация элементов как взаимозаменяемых предполагает невозможность их одновременного употребления. Как уже указывалось выше, в болгарском языке предикативное определение и наречие образа действия действительно исключают друг друга в предложении.

Эта взаимоисключаемость не накладывает, однако, ограничений на расширение данного элемента предложения за счет присоединения к нему с помощью сочинительной связи других однородных элементов, которые в совокупности занимают одно место в предложении. Напротив, возможность соединения сочинительным союзом является одним из важнейших показателей одинаковости функции элементов.

Анализ материала болгарского языка показывает, что такая возможность одновременного употребления приглагольного прилагательного и наречия образа действия, соединенных союзом *и*, действительно существует³⁹. В этом убеждают такие примеры, как:

— *Ще ти кажат, ще ти кажат*, — клатеше глава Димо и го гледаше *усмихнат и изтънко* (Карасл.); — Записах няколку абонати, заговори *шепнишком и задъхана* учителката (Е.-П.); — *Като скриви в малките улички, тя си отиде дома бързо и развълнувана* като младо момиче (Е.-П.).

Итак, взаимозаменяемость и взаимоисключаемость приглагольных прилагательных и наречий образа действия

³⁹ Ср. замечание К. Попова о том, что предикативное определение «часто употребляется параллельно с таким (т. е. образа действия — *М. Р.*) обстоятельством» («Синтаксис», стр. 129).

дополняется в языке еще и способностью соединяться сочинительной связью.

Рассматривая отношения между приглагольным прилагательным и наречием образа действия, мы до сих пор оперировали лишь теми случаями, когда в порядке слов предложения эти элементы стоят после глагола и непосредственно за ним. Однако приглагольное прилагательное может занимать и другие положения в порядке слов предложения, равным образом как и наречие образа действия. Важно отметить, что набор возможных положений у приглагольного прилагательного и у наречия образа действия в основных чертах совпадает. Как для приглагольного прилагательного, так и для наречия образа действия в болгарском языке существует возможность двойкой постановки относительно глагола: после него и перед ним. Возможно также появление между этими элементами и глаголом других слов ⁴⁰.

Нетрудно продемонстрировать, что все наблюдения, сделанные при анализе поствербальной позиции, остаются справедливыми и для позиции перед глаголом. В позиции перед глаголом приглагольное прилагательное и наречие образа действия также свободно взаимозамещаются, например:

⁴⁰ Эти позиции находятся в отношении взаимной исключаемости, т. е. если в предложении имеется приглагольное прилагательное (или наречие образа действия) в какой-нибудь одной из этих позиций, исключена постановка второго такого же элемента в другой позиции. Поэтому рассмотрение приглагольных прилагательных и наречий образа действия с точки зрения их возможных замен по необходимости должно учитывать этот принцип и проводить замены либо в одной, либо в другой позиции. Можно принять одну из них за основную и считать другую вариантом. Этим путем и следуем мы в настоящей работе, рассматривая в основном поствербальную позицию приглагольного прилагательного и наречия образа действия.

Вполне обоснованно можно поставить вопрос о том, не закреплены ли какая-либо из этих позиций преимущественно, например, за приглагольным прилагательным, а другая — за наречиями, и нет ли, благодаря этому, возможности параллельного употребления как приглагольного прилагательного, так и наречия образа действия, т. е. не возможно ли совместное употребление этих элементов при условии их разных позиций по отношению к глаголу. Исследование материала на предмет существования такой закономерности показывает, что в языке существует основная тенденция, исключающая возможность такого одновременного заполнения обеих позиций с закреплением каждой из них за каким-нибудь одним из этих элементов.

Липовански, който следеше..., *уплашен* извика: — Полека... (Даск.);

сърдито

ядосано и т. д.

— Не бързай да прекаляваш! — *пребледнял* го прекъсна Прокопов (Велк.).

спокойно

тихо

уплашено и т. д.

В этой позиции также одновременное употребление их возможно только с союзом *и*: — Татко! — едва *чудо* и някак *изплашена* шепне дъщеря им... (Кюл.); — Искам да кажа, сам ти как живееш? — *меко* и дори малко *усмихнат* го запита Бонин (Кюл.); Хаджи Смион *полека* и *усмихнат* пристъпи към Миронча... (Ваз.).

Такая же картина наблюдается и при анализе других возможных положений приглагольного прилагательного и наречия образа действия. Мы не будем приводить здесь всего этого материала, а ограничимся лишь указанием, что все сказанное о соотношении рассматриваемых элементов в поствербальной позиции относится ко всем другим позициям этих элементов в предложении.

Все это дает основание для вывода, что в болгарском языке для приглагольного прилагательного и наречия образа действия существует одно общее место в структуре предложения. Функции приглагольного прилагательного и наречия образа действия по отношению к глаголу и другим элементам глагольной группы равны, предложения и в том и в другом случае строятся по одним и тем же схемам ⁴¹.

⁴¹ Наряду с этой доминирующей системой, можно отметить единичные случаи и другой системы, различающей употребление наречия образа действия от приглагольного прилагательного. Выражается это в том, что глагол сопровождается одновременно наречием образа действия и приглагольным прилагательным. Это значит, что в таком предложении существует два самостоятельных места в структуре: одно для наречного определителя глагола, другое — для приглагольного прилагательного. Такое построение оказывается возможным только в том случае, если данные элементы стоят в разных позициях (см. сноску 40). Например: Той *тихо* попита *смутен*,

Закономерности употребления приглагольного прилагательного и наречия образа действия

1. Болгарский язык, таким образом, имеет две формы для выражения одной функции, проявляет своего рода индифферентность данного места синтаксической структуры к морфологическому оформлению. Общность между этими формами, т. е. между приглагольным прилагательным и наречием образа действия, представляется еще более тесной при дальнейшем анализе материала.

На основе каких закономерностей употребляется одна или другая категория?

Грамматики болгарского языка показывают, что среди наречий образа действия выделяются слова, которые имеют тесную связь с прилагательными, и слова, которые достаточно резко обособляются от прилагательных.

Как известно, одним из основных типов словообразования наречий в болгарском языке является образование наречий от основ прилагательных путем прибавления окончания *-о*: *страшен* — *страшно*, *радостен* — *радостно* (эти наречия совпадают по своей форме с прилагательными среднего рода). Наречия образа действия в своей значительной части представляют собой такие отприлагательные образования. Они и образуют первую категорию наречий.

Вторую категорию наречий образа действия образуют такие слова, как *изтънко*, *полека*, *шепнишком*, т. е. наре-

Однако практически в языке функционирует описанная нами система с единым местом в структуре для этих двух элементов. Среди всего исследованного материала на фоне огромного количества примеров, демонстрирующих эту доминирующую систему, встретился всего лишь один пример на вторую систему (если не считать еще двух случаев, которые не совсем ясны в рассматриваемом отношении): В това време Карагъзоолу *тихо* расправяше *усмихнато* на бея... (Ваз.). Показательно, однако, что даже в этом единственном встреченном нами примере, отражающем вторую систему, одновременно проявляется и закономерность основной системы. В приведенном предложении вместо приглагольного прилагательного стоит слово *усмихнато*, имеющее форму наречия. Этот факт наглядно демонстрирует, что место, отведенное в структуре предложения для приглагольного прилагательного, может занимать не только согласованной «прилагательной» формой, но и несогласованной «наречной» формой. Мы не будем забегать вперед и более подробно рассматривать этот случай, так как об этом будет идти речь при дальнейшем анализе.

чия, не имеющие такой словообразовательной связи с прилагательными.

Учет указанных закономерностей болгарского языка приводит к заключению, что при выяснении отношений наречий с приглагольными прилагательными большего внимания требуют те наречия, которые образованы от прилагательных. Для второй категории наречий выбор наречной формы представляется как абсолютно необходимый потому, что в языке не существует возможности параллельных прилагательных. Наличие же наречий, образованных от прилагательных, ставит перед грамматистом следующие вопросы.

Прежде всего необходимо отметить, что грамматики болгарского языка не содержат указаний на то, охватывает ли явление образования наречий от прилагательных и интересующий нас частный класс приглагольных прилагательных. Это естественно, так как само существование класса приглагольных прилагательных, вопрос о котором был поставлен в болгаристике лишь в последнее время, в грамматиках не отмечается. Следует учесть также, что и косвенных данных относительно образования наречий от частного класса приглагольных прилагательных из грамматик получить нельзя, так как, описывая явление образования наречий, грамматики не дают достаточно подробных сведений о том, от каких именно прилагательных образуются наречия.

Вместе с тем вопрос о том, образуются ли наречия от прилагательных, относящихся к классу приглагольных, является весьма существенным для проблемы употребления наречий и приглагольных прилагательных в одном и том же месте структуры предложения. Если среди отприлагательных наречий имеются наречия, образованные от приглагольных прилагательных, то это значит, что существует возможность параллельного функционирования в одном и том же месте структуры предложения как наречной формы, так и прилагательного, от которого она образована. В этих случаях становится особенно актуальным вопрос о выборе между этими двумя равными возможностями.

Таким образом, необходимо прежде всего проанализировать состав приглагольных прилагательных и отприлагательных наречий, чтобы выяснить, действительно ли существуют в языке такие параллели и какие части обеих групп слов они охватывают.

2. Рассматривая приглагольные прилагательные с этой точки зрения, можно констатировать, что среди них имеется две группы:

1) слова, не имеющие параллельных образований среди наречий; к ним относятся прилагательные *преблел*, *примижал*, *презеленял* и др.;

2) слова, для которых имеются параллельные, образованные от той же основы наречия, которые употребляются в том же месте структуры предложения, что и приглагольные прилагательные. Это прилагательные *безпомощен* (параллельно употребляется наречие *безпомощно*), *весел* (соответственно — *весело*), *втрещен* (*втрещено*) и т. п.

Среди отприлагательных наречий имеются также две группы:

1) наречия, для которых нет параллельных прилагательных, наравне с ними употребляющихся в рассматриваемом месте структуры предложения: *меко*, *бавно*, *отчетливо* и др.;

2) наречия, которые имеют параллельные образования в форме прилагательных, занимающих то же самое место в предложении: *весело*, *възбудено*, *засмяно* и др.

Анализ состава указанных двух групп прилагательных и двух групп наречий позволяет обнаружить, что границы каждой группы могут быть указаны не только списком входящих в нее слов. Распределение слов по группам происходит на основе языковых закономерностей, которые поддаются более строгому определению и могут быть сформулированы в виде грамматических правил.

Если мы расклассифицируем прилагательные, входящие в класс приглагольных прилагательных, на основе такого признака, как существование или отсутствие параллелей среди наречий, то эти прилагательные сгруппируются следующим образом:

параллельных наречий нет для прилагательных: *изтръпнал*, *настръхнал*, *пламнал*, *побеснял*, *потъмнял*, *почервенял*, *преблел*, *презеленял*, *примижал* и др.;

параллельные наречия имеются для прилагательных: *бесен*, *безпомощен*, *благодарен*, *бодър*, *весел*, *втрещен*, *възбуден*, *възхитен*, *гузен*, *доволен*, *загрижен*, *задъхан*, *замаян*, *замислен*, *запъхтян*, *зарадван*, *задмян*, *засрамен*, *захилен*, *захласнат*, *зачервен*, *зачуден*, *изненадан*, *изплашен*, *любопитен*, *мълчалив*, *наведен*, *навъсен*, *наежен*, *нажален*, *намръщен*, *намусен*, *наскърбен*, *настълзен*, *натъжен*, *начумерен*, *недоволен*, *неподвижен*, *обиден*, *обнадежден*,

ободрен, объркан, огорчен, озадачен, озлобен, отчаян, погнусен, поизплашен, покъртен, помаскан, поразен, потресен, приведен, развълнуван, раздразнен, разлютен, разсърден, разтревожен, слисан, смазан, смаян, смутен, стреснат, съживен, съкрушен, сърдит, съсредоточен, угрижен, ужасен, умислен, уморен, унесен, уплашен, услушан, усмихнат, ухилен, учуден, успокоен, честит, ядосан и др.

Из приведенного материала видно, чем определяется принадлежность прилагательных к одной или другой группе. Каждая из групп включает однотипные по формальным признакам прилагательные и четко отделяется от другой группы. В первую группу, не имеющую наречных параллелей, входят действительные причастия прошедшего времени, оформленные суффиксом *-л*. Напротив, вторая группа прилагательных исключает такие причастия. Эту группу составляют страдательные причастия прошедшего времени и чистые прилагательные.

Заслуживает внимания факт отсутствия параллельных наречных образований от слов, по форме являющихся действительными причастиями прошедшего времени на *-л*. Наречных образований от слов этого типа мы не встречаем не только в рамках рассматриваемого места структуры предложения. Лексикографические описания вообще не дают параллельных наречных образований к данным формам. Можно сделать вывод, что в языке существует словообразовательная закономерность, в силу которой никогда не образуется наречий от действительных причастий прошедшего времени, и что именно поэтому появление в интересующем нас месте структуры предложения параллельных наречий для причастий на *-л* исключено. Остальные слова, употребляющиеся как приглагольные прилагательные, а по форме являющиеся страдательными причастиями прошедшего времени и чистыми прилагательными, свободно образуют наречные формы.

Сказанное позволяет сделать вывод, что наблюдаемая закономерность распределения прилагательных на две группы связана со словообразовательными нормами болгарского языка и является отражением правил образования наречий.

Состав двух групп наречий, занимающих интересующее нас место в структуре предложения, может быть представлен следующими списками слов:

параллелей среди прилагательных не имеют наречия

бавно, меко, морално, мудро, мързеливо, отчетливо, равномерно, разбрано, разделено, раздвоено, разсъдливо, разтегнато, разумно, разхвърлено, ритмично, рязко, самонадежно, самоуверено, свенливо, свободно, своеобразно, сговорно, сгъстено, съдържано, семейно, силно, тихо и многие др.;

параллели имеют наречия *бесно, беспомощно, благодарно, бодро, весело, втренчено, възбудено, възхитено, гузно, довольно, загрижено, задъхано, замаяно, замислено, запъхтяно, зарадвано, засмяно, засрамено, захилено, захласнато, зачервено, зачудено, изненадано, изплашено, любопитно, мълчаливо, наведено, навъсено, наежено, нажалено, намръщено, намусено, наскърбено, настъзено, натъжено, начумерено, недовошно, неподвижно, обидено, обнадеждено, ободрено, объркано, огорчено, озадачено, озлобено, отчаяно, погнушено, поизплашено, покъртено, поласкано, поразено, потресено, приведено, развълнувано, раздражено, разлютено, разсърдено, разтревожено, слисано, смазано, смаяно, смутено, стреснато, съживено, съкрушено, сърдито, съсредоточено, угрижено, ужасено, умислено, уморено, унесено, уплашено, услушано, усмихнато, ухилено, учудено, успокоено, честито, ядосано* и др.

Распределение наречий на группы предопределено грамматическими свойствами приглагольных прилагательных и в отраженном виде представляет те закономерности, о которых шла речь выше при характеристике прилагательных.

В распределении наречий по группам находит отражение тот факт, что приглагольными являются не все прилагательные, а лишь прилагательные, которые обозначают физическое или психическое состояние человека. Отсюда вытекает тот факт, что только для наречий, несущих в себе значение состояния человека, существуют параллельные, имеющие ту же основу приглагольные прилагательные. Наречия, содержащие указанное значение, и составляют вторую группу.

Одновременно понятно отсутствие параллелей среди приглагольных прилагательных для наречий первой группы. Следует заметить, что в языке есть прилагательные, образованные от той же основы, что и наречия этой группы — это прилагательные *бавен, мек, морален, муден, мързелив, отчетлив, равномерен, разбран, разделен, раздвоен, разсъдлив, разтегнат, разумен, разхвърлен, ритми-*

чен, *рязък, самонадеян, самоуверен, свенлив, свободен, своеобразен, сговорен, сгъстен*. Однако, рассматривая вопрос о наличии параллельных образований для наречий, мы имеем в виду не существование таких образований в языке вообще, а присутствие их в наборе прилагательных, употребляющихся в том же месте структуры предложения, в котором выступают наречия. В этот набор прилагательных, употребляющихся в одном месте с наречиями, входят, как известно, не все прилагательные, а только прилагательные. Прилагательные *бавен, мек, морален, муден* и т. д. не относятся к прилагательным и, следовательно, не входят в этот набор. Поэтому мы считаем, что у наречий *бавно, меко* и т. д. нет параллелей среди прилагательных.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что существуют случаи, когда выбор между прилагательным и наречием решается однозначно ввиду того, что необходимое для построения предложения слово существует либо только в виде прилагательного, либо только в виде наречия. Наряду с этим имеются случаи, когда для построения предложения может быть употреблено как прилагательное прилагательное, так и наречие ввиду наличия в языке параллельных слов одной и другой категории.

3. Факт существования параллельных слов ставит дальнейший вопрос: на основе каких закономерностей осуществляется в языке выбор между прилагательным и наречием в том случае, если возможно оформление соответствующей основы как в виде прилагательного, так и в виде наречия. Чтобы ответить на это, необходимо подробнее рассмотреть вопросы, касающиеся второй группы прилагательных и второй группы наречий.

Наречия второй группы представляют собой единую по типу словообразования группу. Все они образованы от страдательных причастий прошедшего времени и прилагательных, которые уже приводились нами при рассмотрении второй группы прилагательных. Иными словами, наблюдается тесная связь между определенной группой наречий и определенной группой прилагательных. Существование этой связи состоит в том, что от каждого прилагательного типа *безпомощен, весел, захласнат, засмян* и т. д. может быть образовано параллельное наречие на *-о*. Приведем ряд примеров таких параллельных образований и их употребления:

б е з п о м о щ е н: Тя се озърна *безпомощна*, но забеляза кръглото огледалце на газената лампа и понечи да го свали (Карасл.)

б л а г о д а р е н: Свикваше различни птички от гората и им пееше песни, които сам беше измислил, а те го *слушаха благодарни*. (Е.-П.)

в е с е л: Сега тя се *оглеждаше весела* и честита извън селото, сред голото поле (Карасл.)

в т р е н ч е н: Гроздан *гледаше втречен* и не знаеше какво да прави (Карасл.)

в ъ з б у д е н: На тумби по блоковете *гълчаха* радостно *възбудени* кооператорите... (Даск.)

в ъ з х и т е н: Хе, Фарлам, кому казваше? — *извика възхитен* Копринарката (Ваз.)

г у з е н: ...— *измърмори* някак *гузен* Димитър, като чели той беше виновен за това (Веж.)

д о в о л е н: И Кръстевица се *усмихваше доволна* (Карасл.)

з а г р и ж е н: Жени и старци се събираха пред портите и в дворищата и си *шшушкаха загрижени* (Карасл.)

б е з п о м о щ н о: Елка *плачеше безпомощно* около Йовка, която бе принадлежала (Е.-П.)

б л а г о д а р н о: Не! *рекох* му аз *благодарно*, господине, ти си *настоятел училищний*, тая чест за колко я *считах*? (Ваз.)

в е с е л о: Тя *говореше весело* и засмяно и очите ѝ светеха от радост (Влайк.)

в т р е н ч е н о: Дрипави овчарчета, *подирени* на гегите си, *гледаха втречено* *автомобила* (Дим.)

в ъ з б у д е н о: У *съседите* хлопна вратата и *нечий глас възбудено* *забърбори* (Рус.)

в ъ з х и т е н о: Върна ти го *тъпкано* — *възхитено рече* *машинописката* след *излизането* на Борис (Дим.)

г у з н о: Райка *гузно* и *смутено* *приказваше* тая *измислица* (Влайк.)

д о в о л н о: Йоан Александър се *усмихна доволно* (Загорч.)

з а г р и ж е н о: Вън до вратата на *кръчмата мъжете* *приказваха* *загрижено* и тихо (Йовк.)

за дъхан: Тя помълча, наклони се към Ивана и *прошепна задъхана...* (Карасл.)

замислен: — Нашите войни бяха играчка до тая, дето са я запалили сега — *рече замислен* и съсредоточен Кръстю (Карасл.)

засмян: — Така — каза *засмян* също докторът (Велк.)

захласнат: Чичо Продан *слушаше захласнат* и кимаше одобрително с глава (Карасл.)

зачуден: — Каква е тая работа, кмете? — *питат го зачудени* селяните (Е.-П.)

изплашен: — Кой е? — *попита* тя малко *изплашена*, малко *зарядвана* (Е.-П.)

изумен: — Синко! — *рече* старата *изумена* (Л. Стоян.)

любопитен: — Но какво? — *попита любопитен* бащата (Велк.)

навъсен: За миг се сепна: Какво има? — *попита навъсен* (Л. Стоян.)

наежен: Старият адвокат *чакаше наежен* сина си, *приготвил кратка*, но много силна *унищожителна обвинителна реч* (Карасл.)

за дъхано: Затова и сега дори тъй *задъхано*, трудно *говоря* (Радев.)

замислено: — Добре кайш, може да е шпионин — *продума замислено* Хаджи Смион (Ваз.)

засмяно: Тя *говореше* весело и *засмяно* и очите ѝ светеха от радост (Влайк.)

захласнато: Огнянов *стоеше над трупа и гледаше захласнато* (Ваз.)

зачудено: Като видя Кълча такъв променен, така светнал, тя го *изглежда зачудено* (Влайк.)

изплашено: Кажете ми какво става? — *седна* той и не *спираше да гледа изплашено* Боян (Даск.)

изумено: — Никак ли да не се виждаме? — *прошепна* тя *изумено* (Дим.)

любопитно: Хората се *струпаха* около тях и *любопитно занадничаха* през ритлите (Е.-П.)

навъсено: Мъжете *огледаха* вилата *навъсено* и *позвъниха* на главния вход (Дим.)

наежено: Ило се *напиваше* до *оскотяване...*, *върщаше* се у дома си *късно след полунощ*, *будеше* всички..., *гледаше ги наежено* (Карасл.)

нажален: От какво са умрели? — *попита нажален* Синап (Л. Стоян.)

наскърбен: ... — *каза* едва ли не *наскърбен* Бойченко (Веж.)

натъжено: Тя *гледаше* отчаяна, съсипана и *натъжена* до плач, как Тъкачев пое шосето без да се обърне (Карасл.)

начумерен: Кръстю *се замисли* *начумерен* (Карасл.)

недоволен: Ала сега тия хора ... *се спираха* поотдалеч, в съседните улици, откъдето почти *недоволни* *наблюдаваха* чевръстата работа на пожарникарите... (Велк.)

неподвижен: Татко Пиер го *гледаше* все тъй *неподвижен*, все тъй *втрещен* в лицето му... (Дим.)

объркан: И докато Тъкачев *гледаше* слисан и *объркан*, с блудкавото чувство, че... Кръстевица *замахна*... (Карасл.)

огорчен: — И *защо* пък не ни пускат, дявол да го вземе... — *питаше* някой *огорчен* (Велк.)

озадачен: Той я *гледаше* *озадачен* и малко *изплашен* (Карасл.)

нажалено: Недей я споменува за това — *захвана* пак тъй *угрижено* и *нажалено* баба ти Минчовица (Влайк.)

наскърбено: Не, *отговори* *наскърбено* Славка (Ваз.)

натъжено: Тя само го *изгледа* *натъжено* (Чилинг.)

начумерено: Алекси *прие* наказанието *начумерено*, с болезнено свити устни (Гул.)

недоволно: Влезе Петраи *недоволно* и учудено *погледна* към Гроздана (Йовк.)

неподвижно: Тя пое дима и *се загледа* *неподвижно* в полето с печалните си, лишени от блясък очи (Дим.)

объркано: Младият човек дълго *говори* несвързано и *объркано*, но със силно подчертано чувство (Март.)

огорчено: И аз ще бягам още сега! — *каза* *огорчено* старецът (Ваз.)

озадачено: Селяните любопитно и *озадачено* *гледаха* след него (Гул.)

озлобен: Те работеха със завист тая хубава земя и като получеха оскъдните си надници ... *казваха озлобени*: «Колко е право, толко и да е здраво!» (Даск.)

отчаян: Ами какво да правим? — *изгледа го отчаяна старата* (Карасл.)

покъртен: — Благодаря, бабо, — *отговори покъртен той* (Ваз.)

развълнуван: ... — *извика Галунка развълнувана и издигна гълъба...* (Йовк.)

разлютен: — Нищо не може да се направи! — *викаше разлютен Юрталана* (Карасл.)

разсърден: — Абе ти чуваш ли? — *кресна той разсърден* (Карасл.)

разтревожен: ... — *помисли майорът разтревожен* (Веж.)

разтреперан: Васил забеляза обаче и веднага притича към Боян, който все още не беше укротен и *повтаряше разтреперан ...* (Даск.)

слисан: Но се спря и се озърна *слисан*, накъде да удари (Ваз.)

озлобено: Погледнах надире и *плюх озлобено* и в теб, и в самия живот (Вапц.)

отчаяно: ... тя падна на дивана и *отчаяно зариде* (Л. Стоян.)

покъртено: Петруна му *описва покъртено* тежкото им положение... (Ваз.)

развълнувано: И Димо Казакът все им *разправя развълнувано ...* (Ваз.)

разлютено: Пред самите стълби той ми хвана ръката за изпращане и пак ми *каза разлютено* (Ваз.)

разсърдено: *Разсърдено махата* и другите офицери (Ваз.)

разтревожено: Какво приказвате! — *извика прошенописецът разтревожено* (Анг.)

разтреперано: Господарке, тая нощ са отвлекли *разбойници Сара*! — *каза тя разтреперано* (Ваз.)

слисано: — Нона ли? *слисано запитата жени*те, *знали* от почуда (Райч.)

с маян: Хаджи Смион се сгуши зад дебелия дънер на ореха; ... останалите *зяпаха смаени* (Ваз.)

с мутен: — Не може... няма къде, няма място, — *отказа смутен* човекът, изгледа ги подозрително и си тръгна (Карасл.)

с треснат: Златан *погледна стреснат* (Веж.)

съкрушен: — Аз за себе си знам какво трябва да направя — утре заминавам с обедния влак — *каза съкрушен* старият Тъкачев (Карасл.)

сърдит: — Сега време ли е за лежане? — *викаше сърдит* Синап, докато Раю го гледаше простодушно (Л. Стоян.)

угрижено: Лоши години идат, жена — *казваше угрижен* Милю (Карасл.)

ужасен: — Тоя каскет е грабил по цяла торба брашно... — *извика ужасен* Боян и захвърли каскета (Даск.)

умислен: ... — *каза умислен* оръдейният командир, като крачеше прав по откритата позиция (Веж.)

уплашен: Кръстевица го *изгледа уплашена* (Карасл.)

с маяно: Хаджи Смион го *погледна смаяно* (Ваз.)

с мутено: Варлаам се посъвзе от уплашването... и *отговори смутено:* — Чорбаджи, какво да кажа? (Ваз.)

с треснато: Мария (малко *стреснато* *подига* глава)... (Друм.)

съкрушено: — Нафиле, нафиле — *продума* дядо Йоси *съкрушено*, като излазеше (Ваз.)

сърдито: ... той го *изозка сърдито:* «Мълчи, бре куче, това е за здраве» (Ваз.)

угрижено: После *прибави угрижено:* Какво ще стане с това момче сега? (Ваз.)

ужасено: По улицата *препускахе и цвилеше ужасено* кон с разкъсана задница (Веж.)

умислено: И всички около там бяха се смълчали — кой *взрян* на нейде, кой *умислено* глава *оборил* (П. П. Славейк.)

уплашено: Липа *вдигна* глава и *погледна уплашено* баща си (Е.-П.)

у с м и х н а т: — Мълчи
бре! — рече тя с такова от-
чаяние, че писарят я пог-
ледна *усмихнат* (Карасл.)

у х и л е н: — И на де-
цата майка им!... — под-
хвърли му *ухилен* Рангел
(Даск.)

у ч у д е н: Мирончо го из-
гледа *учуден* (Ваз.)

я д о с а н: Днес страшно
ядосан се обади коман-
дирът на дивизията (Веж.)

у с м и х н а т о: Брат му
Иван го гледаше *усмихнато*
и му се радваше (Е.-П.)

у х и л е н о: Хаджи
Смион, също по калцуни,
един се намери прав, като
се озърташе ухилено, но
щом съзря Миронча в къта,
упъти се към него ...
(Ваз.)

у ч у д е н о: Чакъра я
погледна малко *учудено*
(Дим.)

я д о с а н о: — Докажи!—
извика ядосано учител
Гатю (Ваз.)

Приведенные примеры показательны не только с точки зрения существования параллельных прилагательных и наречных форм и широты этого параллелизма в языке. Они демонстрируют также функционирование этих форм в предложениях, которое нам предстоит проанализировать.

Выше было показано, что приглагольные прилагательные и наречия образа действия эквивалентны в основной схеме структуры предложения. Независимо от того, употреблено ли в предложении приглагольное прилагательное или наречие, схема развертывания предложения одна и та же: в обоих случаях предложение может содержать прямое дополнение, дательное дополнение, обстоятельства места, времени и т. д. Ввиду такой эквивалентности приглагольных прилагательных и наречий нет оснований говорить о зависимости между схемой построения предложения и употреблением одной или другой категории слов.

Рассматривая этот вывод с точки зрения интересующего нас сейчас вопроса о закономерностях выбора между двумя категориями слов в парах *безпомощен — безпомощно*, *благодарен — благодарно*, *весел — весело* и т. д., можно констатировать, что такой фактор, как схема построения предложения, не влияет на этот выбор.

При анализе проблемы выбора форм заслуживает внимания вопрос о том, не играет ли роли в этом выборе лексика других членов предложения, прежде всего глагола, т. е. с одинаковым или разным лексическим кругом глаголов совместимы слова из интересующих нас пар. Не составляют ли делать выбор различные возможности совместимости слов, входящих в эти пары, с лексикой глаголов?

Рассматриваемые нами пары слов имеют одну и ту же основу, т. е. с точки зрения основного лексического значения они одинаковы. Этот факт дает основание предполагать, что обе категории сочетаются в известной мере с одним и тем же лексическим кругом глаголов. Однако так как эти слова, имея общую основу, грамматически оформляются по-разному, не исключена возможность дифференциации глаголов в зависимости от грамматической категории слов.

Как уже было указано, приглагольные прилагательные употребляются с широким кругом глаголов, обозначающих действия человека (к этим глаголам примыкают и те, которые обозначают действия и других живых существ).

Анализ употребления наречий, образованных от основ приглагольных прилагательных, показывает, что эти наречия употребляются с теми же самыми глаголами. Если обратиться к данным выше примерам употребления наречий, то можно видеть, что в приведенных предложениях содержатся глаголы: *гледам, говоря, забърборя, загледам се, занадничам, запитам, заридая, захвана, извикам, изгледам, изохкам, кажа, махам, оборя, огледам, озъртам се, описвам, отговоря, плюя, плача, погледна, подигам, прибавя, продумам, приема, приказвам, прошена, разправлям, река, усмихна се, цвиля*. Все перечисленные глаголы либо входят в указанный на стр. 66 примерный список глаголов, употребляющихся с приглагольными прилагательными, либо являются близкими к ним.

Более того, среди этих примеров есть случаи параллельного употребления с одними и теми же глаголами наречий и приглагольных прилагательных, образованных от одной основы; ср.: «Гроздан *гледаше втрещен...*» (Карасл.) и «Дрипави овчарчета ... *гледаха втрещено* автомобиля ...» (Дим.); «И Кръстевица *се усмихваше доволна*» (Карасл.) и «Йоан Александър *се усмихна доволно*» (Загорч.); «Той я *гледаше озадачен* и малко изплашен» (Карасл.) и

«Селяните любопитно и озадачено гледаха след него» (Гул.).

На эти случаи следует обратить особое внимание, потому что в них сконцентрирована суть параллелизма употребления наречий и приглагольных прилагательных. Имеются пары предложений, отличающихся друг от друга только наречным или прилагательным характером интересующих нас слов и совершенно одинаковых во всех других отношениях, например: *Той я гледа усмихнат* и *Той я гледа усмихнато*.

Таким образом, можно заключить, что решение вопроса о том, включить ли в предложение наречие или приглагольное прилагательное, не зависит от лексики глагола предложения.

4. Приведенные в конце предыдущего раздела предложения дают хороший материал для рассмотрения еще одного важного фактора, в котором можно было бы видеть причину выбора наречия или прилагательного. Мы имеем в виду вопрос о грамматическом значении конструкции в зависимости от включения в нее наречия или прилагательного. Удобство указанных предложений заключается в том, что они отличаются друг от друга только характером интересующих нас слов и равны с точки зрения всех прочих данных предложения. Таким образом, в случае различия реальной информации, которая содержится в одном и другом предложении, это различие можно считать обусловленным тем фактом, что одно из предложений содержит прилагательное, а другое — наречие.

Сравнение предложений *Той я гледа усмихнат* и *Той я гледа усмихнато* показывает, однако, что с точки зрения передаваемой ими реальной информации оба эти предложения не отличаются друг от друга. Факт этот становится понятным при учете грамматического значения, свойственного конструкции с прилагательным, и грамматического значения, свойственного конструкции с наречием.

Как уже установлено в лингвистической литературе, грамматическое значение прилагательного, выступающего в функции предикативного определения при глаголе, состоит в том, что оно означает признак, одновременный по отношению к действию, выражаемому глаголом, и относящийся к предмету, выражаемому подлежащим. Наречие при глаголе указывает признак действия, выраженного глаголом.

Можно заключить, что в конструкции с наречием, обозначающей признак действия, заключено также и значение одновременности признака действию глагола и что, таким образом, в значении конструкции с наречием и значении конструкции с прилагательным имеется общая область: и та и другая конструкция дает признак, одновременный действию. Разница между значениями двух конструкций состоит в том, что выражаемый признак относится к разным объектам: прилагательное обозначает признак предмета, выраженного подлежащим, а наречие — признак действия, выраженного глаголом.

Наряду с этим, важно подчеркнуть, что понятие «признак действия», употребляемое для характеристики грамматического значения наречия при глаголе, следует понимать не как «признак самого действия», а шире — как «признак, сопровождающий действие». Этим сопровождающим действие признаком может быть как признак самого действия, так и признак субъекта действия. Проиллюстрировать это можно следующими примерами: Зара *усмизнато се обърна* назад (Дим.); Прислужницата, която редеше масата за вечеря, *потракваше навъсено* чиниите (Дим.). В приведенных примерах наречие *усмизнато* не означает признак действия «оборачивания» и наречие *навъсено* не характеризует действия «постукивания». Оба эти наречия дают признак субъекта действия.

Способность наречий означать признак субъекта действия и создает возможность употребления наречий для передачи реального значения, выражаемого прилагательным (предикативным определением). Имеющееся различие между грамматическим значением конструкции с наречием (признак субъекта действия) и грамматическим значением конструкции с прилагательным (признак предмета, выражаемого подлежащим) оказывается не существенным для реальной информации, передаваемой этими двумя конструкциями, в тех случаях, когда субъект действия и предмет, выражаемый подлежащим, в реальной действительности совпадают.

Таким образом, для основной модели предложения, когда подлежащим выражается субъект действия, грамматическое значение конструкции с прилагательным и конструкции с наречием не служит определяющим фактором при выборе между этими категориями слов.

Показательны для демонстрации существа отношений между приглагольным прилагательным и наречием предложения, в которых подлежащим является имя в среднем роде. Здесь вообще невозможно решить, имеем ли мы дело с наречием или с прилагательным.

П. Ст. Калканджиев, обративший внимание на такое затруднение, пытался ввести для разграничения обстоятельства образа действия и предикативного определения семантический критерий. Он писал: «Когда сказуемым определением является имя прилагательное в среднем роде единственного числа, оно легко может быть смешано с обстоятельственным словом образа действия (наречием на -о); в таких случаях нужно обращать внимание на следующее: наречие-обстоятельственное слово употребляется для пояснения (характеристики) того, как глагольное содержание проявляется и осуществляется, и не имеет ничего общего с подлежащим словом»⁴². В соответствии с этим в предложении «Детето сведе глава замислено» П. С. Калканджиев считает слово *замислено* предикативным определением, потому что оно, очевидно, не раскрывает характер проявления глагольного содержания. Однако функционирующая в языке система, как было указано выше, такова, что несоотнесенность с глагольным содержанием вовсе не является ограничением для употребления наречной формы. Мы уже приводили такие примеры, когда наречная форма семантически несовместима с глаголом и полностью соотносится с подлежащим, например, в предложении: *Зара усмихнато се обърна назад* (Дим.). Нет никаких оснований сомневаться, что *усмихнато* является наречной формой, ввиду того, что подлежащее выражено именем женского рода. Не менее очевидно и то, что эта наречная форма не поясняет глагольное содержание, т. е. качество реального действия «оборачивания», а дает какую-то характеристику субъекта действия. Исходя из этого, охарактеризованное П. С. Калканджиевым как предикативное определение слово *замислено* с не меньшим основанием можно считать наречной формой и соответственно обстоятельством образа действия. Таким образом, рассмотренный семантический критерий не может помочь при синтаксическом анализе.

⁴² П. Ст. К а л к а н д ж и е в. Българска граматика, стр. 343.

В свете всех приведенных выше фактов на вопрос о том, какими критериями определяется выбор прилагательного или наречия из параллельных пар *безпомощен — безпомощно, благодарен — благодарно* и т. д., может быть дан следующий ответ: в болгарском языке существует свободный выбор этих категорий слов.

Важно отметить также, что исследование обширного материала литературных текстов не обнаруживает предпочтительного употребления какой-нибудь одной из этих категорий. Может быть, можно говорить лишь о субъективной склонности отдельных авторов к тому или другому типу слов. Однако в целом степень употребительности прилагательных и наречий в болгарском языке одинакова.

Б. Высказывая на стр. 94 положение о том, что схема построения предложения одинакова при включении в него приглагольного прилагательного или наречия, мы имели в виду лишь основную схему, т. е. построение лишь той части предложения, по отношению к которой интересующее нас прилагательное или наречие является элементом подчиненным (подлежащее и сказуемое) или равноправным (второстепенные члены, находящиеся в первой степени зависимости от подлежащего и сказуемого). Другая часть построения предложения, по отношению к которой приглагольное прилагательное или наречие является ядром, пока не принималась во внимание. Иными словами, проведенный выше анализ касался функционирования одиночного, т. е. не имеющего при себе подчиненных элементов, прилагательного или наречия.

Обращаясь к рассмотрению синтаксических связей приглагольного прилагательного и наречия, следует констатировать, что с этой точки зрения две интересующие нас категории слов отличаются друг от друга.

Наречие может иметь при себе наречие меры: Юрдан я изгледа *съвсем навъсено* (Ваз.) Приглагольное прилагательное также может сопровождаться наречием меры: — Кой е? — попита тя *малко изплашена, малка зарадвана* (Е.-П.). Однако этим не исчерпываются возможности дальнейшего развертывания приглагольного прилагательного. Эта категория слов может иметь при себе наречие образа действия, например: На тумби по блоковете гълчаха *радостно възбудени* кооператорите (Даск.), и предложные обороты, например: Тя го погледна *уморе-*

на от деня, който беше прекарала с фон Гајер... (Дим.). Как уже указывалось, бoльшую часть слов, входящих в класс приглагольных прилагательных, составляют причастия. Это в значительной степени определяет синтаксические связи данного класса.

Разные возможности синтаксических связей, которыми наделены приглагольные прилагательные и наречия, имеют следствием то, что цели дальнейшего развертывания звена предложения, занимаемого приглагольным прилагательным или наречием, могут быть определяющим фактором при выборе между этими категориями слов.

Возможности выбора категории слова, описанные выше, были определены по отношению к главной модели болгарского предложения. Производные модели вносят свои ограничения в нормы употребления прилагательного и наречия.

Примером этого может служить выбор формы в безличном предложении. Отсутствие существительного-подлежащего, т. е. элемента, с которым грамматически соотносится приглагольное прилагательное, исключает возможность употребления в таком предложении прилагательного. Благодаря этому вопрос о выборе между приглагольным прилагательным и наречием оказывается решенным однозначно. В подобных предложениях употребляются только наречия. Например: Лозенград — страшната крепост, за която *загрижено* ни *се казваше*, че ще спре и ще измъчи нашата армия (Йовк.).

Аналогичная картина наблюдается и в производной модели страдательного оборота. Это можно видеть на примере предложения: ...*загрижено се поставяха* въпроси (Дим.).

Хотя в этом предложении имеется грамматическое подлежащее, употребление приглагольного прилагательного, вместо наречия, в нем исключено. Объясняется это тем, что даваемая приглагольным прилагательным характеристика, на основе грамматического значения конструкции предикативного определения, оказалась бы отнесенной к грамматическому подлежащему *въпроси*, в то время как на самом деле требуется охарактеризовать реальный субъект действия. Таким образом, несовпадение реального субъекта действия и грамматического подлежащего исключает возможность употребления в этом предложении прилагательного. В это же время наречие,

которое, как уже указывалось, может характеризовать субъект действия, благодаря этому свойству оказывается способным реализовать требуемую характеристику и в предложении со страдательным оборотом. Этим и объясняется тот факт, что в предложении со страдательным оборотом употребляется только наречие.

* * *

Проведенный анализ соотношения приглагольных прилагательных и наречий приводит к выводу, что в болгарском языке существует продуктивная словообразовательная связь между приглагольными прилагательными и наречиями. Почти к каждому приглагольному прилагательному в языке имеется параллельное наречие, образованное от той же основы путем прибавления суффикса *-о*. Из этой словообразовательной системы исключены лишь причастия прошедшего времени на *-л*, однако они составляют лишь незначительную часть того большого массива слов, которые относятся к классу приглагольных прилагательных.

Существованием этой словообразовательной связи порождается лексический параллелизм приглагольных прилагательных и наречий. Наличие лексического параллелизма ставит вопрос о закономерностях выбора между этими двумя категориями слов при построении предложения. Исследование норм употребления приглагольных прилагательных и наречий, имеющих общую лексическую основу, показало, что в том случае, когда эти слова являются одиночными, выбор между этими категориями слов происходит свободно.

Требования дальнейшего развертывания анализируемого звена структуры, а также специфика производных моделей предложения обуславливают в одних случаях употребление только приглагольных прилагательных, а в других — только наречий.

Дифференциация приглагольных прилагательных и наречий в зависимости от их возможностей дальнейшего развертывания показывает, что эти две категории слов, хотя и выступают параллельно, не до конца теряют свои индивидуальные свойства разных грамматических категорий. Однако этот факт ни в коей мере не может поста-

вить под сомнение основную тенденцию языка, допускающего на равных правах заполнение одного места структуры предложения как приглагольным прилагательным, так и наречием.

Рассмотрение взаимосвязи реально функционирующих в языке приглагольных прилагательных и наречий показывает, что близость этих категорий слов не ограничивается тем, что они занимают одно место в структуре предложения. Они предстают как элементы, тесно связанные не просто общностью синтаксических свойств, но и широко развитым лексическим параллелизмом, который, в свою очередь, обусловлен словообразовательной связью приглагольных прилагательных и наречий.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОДКЛАСС ПРИЧАСТИЙ

I

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы функционирования причастий в составе общего класса прилагательных

Рассматривая функционирование в болгарском языке класса прилагательных, мы до сих пор оставляли в стороне вопрос о том, что значительную часть слов этого класса составляют причастия. Наше внимание было сосредоточено на выявлении тех закономерностей, которые охватывают весь класс слов, т. е. как истинные прилагательные, так и причастия.

Вместе с тем причастия как отглагольные образования обладают рядом грамматических черт, отсутствующих у чистых прилагательных. Эти черты накладывают определенные особенности на функционирование причастий в составе класса прилагательных и ставят ряд дополнительных проблем, требующих самостоятельного рассмотрения.

Основной вопрос, который встает здесь перед исследователем, это вопрос о составе причастной части класса прилагательных. Вопрос этот до сих пор в литературе о болгарском языке открыт. Совершенно определенно формулируется только положение, что причастия на *-л* от имперфектной основы не употребляются как прилагательные, а входят в состав сложных глагольных форм. Наряду с этим, в грамматической литературе можно встретить указания, что существуют ограничения и для других причастий. Так, Л. Андрейчин пишет: «Если употребление причастий прошедшего времени действительного залога (аористных) на *-л* в роли обыкновенных определений (*побеляла коса, паднало дърво, цъфнала роза*) есть явление частичное, то для страдательных причастий

такое употребление является обычным. Каждое страдательное причастие может употребляться свободно в роли обыкновенного определения в предложении (например, *измазана къща, насечени дърва, пожъната нива* и т. д.)»¹.

Указания на ограничение в употреблении причастий на *-л* имеются также у Н. Костова², К. Попова³ и др. Тем не менее в грамматической литературе еще до конца не раскрыто существо такого ограничения и не определен точно круг причастий, употребляющихся в языке подобно прилагательным.

Функционирование причастий в составе класса прилагательных ставит ряд синтаксических вопросов, свойственных только причастиям и не возникающих для чистых прилагательных. Эти вопросы связаны с тем, что в позиции при глаголе *съм* конструкция предикативного определения с причастием соприкасается с другими грамматическими конструкциями, в состав которых также входят причастия. Разграничение этих конструкций обусловлено наличием внутри общего класса причастий болгарского языка двух подклассов, один из которых входит в состав класса прилагательных, а другой стоит вне его. Таким образом, конкретные вопросы синтаксиса причастий как прилагательных тесным образом связаны с основной проблемой — проблемой состава причастной части класса прилагательных.

Для разрешения этих вопросов мы проанализируем функционирование причастий во всех позициях, свойственных классу прилагательных. Чтобы приступить к такому анализу, необходимо сначала кратко охарактеризовать грамматические особенности причастий.

Грамматические категории класса причастий

Известно, что основными грамматическими чертами причастия как самостоятельной категории слов являются род и число, залог, время и вид. Согласование по роду

¹ Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. «Български език», 1956, № 2, стр. 117.

² Н. К о с т о в. Българска граматика. София, 1939, стр. 179.

³ К. П о п о в. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962, стр. 150.

и числу является формальным показателем, охватывающим весь класс прилагательных. В этом отношении причастия получили уже характеристику при рассмотрении всего класса прилагательных. Нам предстоит теперь проанализировать те черты, которыми причастия выделяются в особый подкласс в общем классе прилагательных. Таковыми являются залог, время и вид. Эти черты присущи причастию как категории слов, входящей в систему глагола.

Категории залога и времени в причастии связаны с существованием различных суффиксов причастий: *-л*, *-н* (*-т*), *-щ*, а категория вида — с тем, к каким видовым основам глагола присоединяются эти суффиксы.

Временное противопоставление причастий выражается в противопоставлении суффиксов *-л* и *-н* (*-т*) как носителей значения прошедшего времени суффиксу *-щ* как носителю значения настоящего времени. Известно, что причастий на *-щ* не существует в народных болгарских говорах. Они заимствованы из старославянского и русского языков, являются принадлежностью литературного языка и употребляются в нем весьма ограниченно. По существу большинство причастий в болгарском языке, а именно собственно болгарские причастия, оформляются только суффиксами прошедшего времени *-л* и *-н* (*-т*) и во временном отношении оказываются однотипными.

Известно, что в болгарском языке причастный суффикс *-л* выступает в соединении 1) с основой аориста, давая так называемое «минало действително свършено причастие», и 2) с основой имперфекта, давая так называемое «минало действително несвършено причастие». Первое из указанных причастий употребляется и в составе сложных глагольных времен и самостоятельно как прилагательное, а второе — только в составе сложных глагольных времен так называемого пересказывательного наклонения. Настоящая работа посвящена проблемам, связанным с функционированием класса прилагательных. В этот класс в болгарском языке входят лишь причастия, образованные от аористой основы, так как лишь они объединяются с чистыми прилагательными не только формальными характеристиками (согласованием по роду, числу), но и способностью занимать одинаковые с ними позиции в предложении. Поэтому как здесь, так и во всей дальнейшей работе нас будет интересовать толь-

ко причастие, образованное от аористой основы и соответственно только оно будет подразумеваться под термином «причастие на -л».

Хотя в болгарском языке возможны причастия, образованные от аористных основ несовершенного вида с помощью суффиксов -л и -н (-т), в подавляющем большинстве случаев эти суффиксы сочетаются с основами совершенного вида. Благодаря этому с точки зрения видовой характеристики причастия предстают также в значительной мере как однотипные.

Таким образом, основная масса болгарских причастий представляет собой образования от основ совершенного вида, оформляемые суффиксами прошедшего времени -л и -н (-т). Следовательно, основная масса причастий содержит только одно противопоставление — это противопоставление суффиксов -л и -н (-т) друг другу, относящееся к области залога.

Категория залога как область важнейших противопоставлений внутри класса причастий

1. Категория залога, являясь основной, постоянно присутствующей сферой противопоставления внутри класса причастий, играет, как это будет видно в ходе последующего анализа, важнейшую роль в разделении всего класса причастий на два подкласса. Поэтому для установления подкласса причастий, входящих как составная часть в класс прилагательных, необходимо сосредоточить внимание именно на вопросе о залоге.

Категория залога относится к числу недостаточно разработанных сторон болгарской грамматики. До недавнего времени в болгарской грамматической литературе залог специально не исследовался. Этому вопросу исследователи касались лишь в общих курсах грамматики, наряду с рассмотрением других грамматических категорий. При этом вопрос о залоге ставился как вопрос об одной из важнейших черт собственно глагола. Вопрос же о залоге в причастиях в этих грамматических трудах сводился лишь к констатации того, что в причастиях имеются два залоговых типа, отличающиеся суффиксами и значением.

В середине пятидесятых годов появилось несколько работ, в которых вопрос о залоге в болгарском языке

исследовался специально. В них затрагивались и вопросы, касающиеся залога в причастиях, но основное внимание также было уделено рассмотрению собственно глагола.

Состояние изученности залога болгарского причастия характеризуется не только тем, что имеющаяся грамматическая литература содержит мало сведений по этому вопросу. Главный недостаток заключается в том, что существующие описания не дают точной картины закономерностей этой области языка. Надо отметить, что в последние пятнадцать лет и в специальных работах, посвященных залогу, и в общих курсах грамматики, в том числе и учебных, были высказаны положения, которые в значительной степени уточнили существовавшие представления о залоге в причастии. Но при всех этих уточнениях целостная картина явления осталась нераскрытой.

Причина такого положения заключается в том, что существующие описания залога в болгарском языке следуют прочно установившимся в грамматической традиции схемам. Если применить к механизму залога более строгие методы описания, получившие в настоящее время признание в лингвистической науке, то принятые представления о залоговых закономерностях получают существенные поправки. Без этих поправок, имеющих принципиальное значение для исследуемой нами области, невозможно разрешить вопросы функционирования причастий как составной части класса прилагательных. Поэтому, приступая к решению стоящих перед нами задач, необходимо прежде всего сформулировать наше понимание некоторых залоговых закономерностей в области причастий.

2. Картина залоговых форм и значений в причастии может быть понята и раскрыта только при соотнесении ее с системой залоговых форм и значений в области собственно глагола, так как причастие является производной отглагольной формой и наследует залоговую категорию глагола. Поэтому естественно привлечь для рассмотрения вопроса о залоге в причастии материал глагола. Именно здесь очерчивается основной круг проблем, относящихся к данной области.

В настоящей работе мы не ставим задачу дать собственное описание залога в глаголе, так как это самостоятельная большая проблема языка. Поэтому мы воспользуемся уже имеющимися в болгарском языке.

ристике описаниями. Как и вообще в литературе о залоге, среди ученых-болгаристов существуют расхождения в теоретическом осмыслении анализируемых языковых фактов. Однако эти расхождения касаются аспектов, не затрагивающих существо интересующих нас вопросов, и углубляться в них в рамках наших задач не представляется необходимым. Рассматривая залоговые отношения в области личных глагольных форм, мы будем интересоваться в первую очередь фактической картиной этого явления. Поэтому более целесообразно сосредоточить внимание на одной наиболее полной работе по вопросу о залоге.

Чтобы представить, каково положение с залогом в глаголе, обратимся к работе Л. Андрейчина «Залог в болгарской глагольной системе». Здесь впервые вопрос залога в болгарском языке рассматривается специально. В работе подводится итог сделанного болгаристами в этой области, рассматривается совокупность важнейших проблем, связанных с залогом, дается оценка различных взглядов по теоретическим вопросам залога, формулируется и обосновывается понимание автором этих вопросов. Всячески подчеркивая необходимость проникновения при описании залогов в специфику конкретного языка, Л. Андрейчин дает картину залоговых значений и форм в болгарском языке.

Областью залога Л. Андрейчин считает «вопрос о выражении производителя действия и получателя действия в рамках глагола как отдельного слова и о системе значений и форм, которую создал [...] язык в этом отношении». Под залоговыми значениями Л. Андрейчин понимает «те грамматические значения глагола, которые относятся к положению производителя и получателя действия (если таковой имеется) в формально-смысловом строении глагола». «Точный анализ возможных в этом отношении положений,— пишет Л. Андрейчин далее,— приведет нас к фактической картине залогов в нашем языке».

Важную роль в дальнейших построениях автора играют понятия «глагольное лицо», «производитель действия», «получатель действия», которые дефинируются следующим образом:

Г л а г о л ь н о е л и ц о есть морфологическая категория, оно вложено в семантику отдельной глагольной формы как предмет или лицо, которое связывается „предикативно“ с действием и выражается грамматически обобщенно посредством окончания глагола в своих разновидностях как первое, второе и третье лицо, единственное и множественное число.

П р о и з в о д и т е л ь д е й с т в и я (субъект) и **п о л у ч а т е л ь д е й с т в и я** (объект), когда таковой имеется, есть основные логические категории (отражение реальных категорий), которые

играют одну или другую роль в семантическом строении глагола, как и в синтаксическом построении предложения, связываясь в одном случае главным образом с морфологической категорией „глагольное лицо“, а в другом случае — с синтаксическими категориями „подлежащее“ и „дополнение“».

Опираясь на эти исходные определения, Л. Андрейчин характеризует залогов болгарского языка следующим образом:

«Отношение глагольного лица к действию обыкновенно является деятельным (активным), то есть обыкновенно глагол означает, что само это лицо совершает действие, например, *Ученикът чете книга. Ученикът играе*. Такие глаголы, которые означают, что действие совершается глагольным лицом, являются глаголами *д е л ь н о г о* (термин Л. Андрейчина. — М. Р.) залога». Другими словами, при деятельном залоге в роли глагольного лица выступает производитель действия, например, *чета, играя*. Это основная залоговая категория.

«Другую залоговую категорию мы имеем, когда отношение глагольного лица к действию является пассивным, то есть когда действие идет на глагольное лицо от другого деятеля, не указанного в самой глагольной форме, напр.: *Книгата се чете (от ученика). Книгата бе прочетена (от ученика)*». Здесь глагольным лицом, выраженным в личной форме 3 л. ед. ч. глагола *се чете*, является *книгата* (что читается?), хотя действие не совершается самой книгой, а учеником. Что, несмотря на это, *книгата* является глагольным лицом, хорошо видно из соответствия между глаголом-сказуемым и существительным-подлежащим по числу (и лицу): *Книгата се чете от ученика — Книгите се четат от ученика*.

Глаголы (глагольные формы), которые означают, что глагольное лицо принимает на себя действие другого предмета, являются глаголами *с т р а д а т е л ь н о г о* залога. Другими словами, при страдательном залоге в роли глагольного лица выступает получатель действия (глагольное лицо совпадает с получателем действия), например, *чете се (книга), коси се (трева)*.

Форма страдательного залога, указывает Л. Андрейчин, получается от формы деятельного залога двумя способами: с помощью возвратно-местоименной частицы *се* или путем страдательного спряжения с помощью страдательного причастия, например, *четѣ се — четена е; чѣте се — бе четена* и пр.

Дав основную характеристику страдательного залога, Л. Андрейчин уточняет ее далее, отмечая, что между возвратными глагольными формами, полученными от различных глаголов, имеются и формы с безличным значением, при которых производитель (субъект) действия не содержится в значении глагольной формы и не

Указывается в предложении, например, *ходи се, играе се, почива се* (Забранено е да се *ходи* по тревата; Тук се *почива* най-приятно).

«До настоящего времени,— подчеркивает Л. Андрейчин,— безличные значения возвратных глаголов рассматривались вне категории залога, не был отмечен и оценен должным образом факт, что они являются регулярным явлением, и притом, *nota bene*, не только при непереходных, но и при переходных глаголах. Между такими выражениями, как „Тук тревата *се коси* често“, „Забранено е да *се коси* тревата“ и „Забранено е да *се ходи* по тревата“ имеется бесспорная близость и родство. В первых двух примерах мы имеем страдательный залог, но употребленный безлично, без необходимости указания производителя действия. Это также является регулярным явлением в нашем языке». Это безличное употребление страдательного залога находится в очевидном единстве, с одной стороны, с его употреблением в обыкновенных страдательных конструкциях, в которых производитель выражается синтаксическим путем посредством непрямого дополнения с предлогом *от* («Тревата *се коси от косач*») и, с другой стороны,— с безличным употреблением аналогичных возвратных форм, полученных от непереходных глаголов («По тревата *се ходи*»).

Л. Андрейчин считает, что в системе болгарского глагола нет оснований говорить о страдательном залоге как отдельной, самостоятельной категории, а следует говорить о *с т р а д а т е л ь н о б е з л и ч н о м* залоге, который может быть определен научно и как бессубъектный залог. При этом залоге переходные глаголы, после устранения производителя действия из их значения, дают страдательные глаголы (с возможностью и для чисто безличного употребления), так как существование получателя действия при них дает возможность представить действие как присущее в известном смысле получателю, т. е. дает возможность получателю выступить в роли глагольного лица: (*аз*) *чета книга* — *книгата се чете*. А непереходные глаголы после устранения производителя действия из их значения становятся безличными, потому что при них нет получателя, который заместил бы производителя в роли глагольного лица в семантике глагола: (*аз*) *ходя по тревата* — *по тревата се ходи*.

Выяснив сущность деятельного и страдательно-безличного залогов, Л. Андрейчин обращается к вопросу, существуют ли и другие залоговые категории в болгарском языке:

«Если мы сопоставим возвратные по форме и по значению глаголы (например, *мия се, питам се, оглеждам се* (в огледало) и др.) с деятельными и страдательно-безличными, нам будет нетрудно установить, что они имеют достаточно характерные смысловые и

Формальные особенности для того, чтобы мы их рассматривали как образующие отдельный залог: а) возвратные глаголы, в противоположность деятельным и страдательно-безличным, содержат в своем значении одновременно и производителя действия (как глагольное лицо) и получателя действия, которым является сам деятель, указанный как получатель посредством возвратно-местоименной частицы *се*; б) значение возвратных глаголов, в отличие от страдательно-безличных, не может быть передано соотносительными формами со страдательным причастием».

К возвратному залогу Л. Андрейчин относит и взаимные по значению возвратные глаголы, у которых производитель также является, хотя и в несколько ином смысле, получателем действия (например, *мием се, бием се, бия се (с някого)* и др.) и которые не отличаются по форме от чисто возвратных.

К возвратному залогу причисляются и так называемые возвратные глаголы с деятельным (непереходным) значением или средние глаголы, такие, как *врѣщам се, явявам се, ядосвам се, схващам се, оглеждам се (наоколо)* и пр. «Их первоначальная близость с чисто возвратными глаголами очевидна, но частица *се* здесь потеряла функцию обозначения пассивной стороны производителя действия, а только придает действию «субъектный», непереходный характер, ср., например, *спирам (някого) — спирам се, ядосвам (някого) — ядосвам се, оглеждам (нещо) — оглеждам се (наоколо)* и пр. Генетическая и формальная связь средних глаголов с возвратными дает основание рассматривать их как особую группу в рамках одного в о з в р а т н о - с р е д н е г о залога. Отпадение пассивного элемента в их значении могло бы быть взято как довод для их возможного обособления в четвертый — «средний» залог. Однако между чисто возвратными и чисто средними глаголами мы имеем и различные переходные степени, благодаря чему не всегда можно категорично решить, является ли какой-нибудь глагол возвратным или средним (напр., *крѣя се, блъсвам се*), а это говорит о том, что трудно разрывать их в различные залоговые группы.

Глаголы возвратно-среднего залога образованы от переходных глаголов деятельного залога. Известная часть из них не может употребляться как деятельные формы без частицы *се (страхувам се, развикам се, наиграя се* и пр.), но это не мешает рассматривать их как глаголы с определенным залоговым значением в рамках целостной глагольной системы»⁴.

⁴ Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. «Български език», 1956, № 2, стр. 107—115.

Мы оставляем в стороне остальные вопросы, которые рассматриваются в работе Л. Андрейчина. К некоторым из них мы еще обратимся по ходу исследования. Сейчас же для нас важны те части работы, в которых описан механизм залоговых форм и значений в глаголе болгарского языка.

Мы не будем углубляться во все проблемы залога в глаголе, ибо, как уже говорилось, это обширная и самостоятельная область грамматики, а выделим из них только некоторые существенные для наших целей моменты.

Основные залоговые черты у болгарского глагола в общем идут в рамках закономерностей, свойственных и другим славянским языкам. Формальным выражением залогового противопоставления является существование в языке двух типов глаголов: глаголов без элемента *се* и глаголов с элементом *се*. Этому противопоставлению в области формы соответствует противопоставление в грамматическом значении. Глаголы без элемента *се* имеют значение, квалифицируемое в лингвистической литературе как действительное. Глаголы с элементом *се* несут комплекс значений, которые группируются в два основных — страдательное и возвратно-среднее⁵.

3. Рассмотрим теперь вопрос о том, как залоговая характеристика глаголов отражается в причастиях.

Болгарские грамматики выделяют в причастиях прошедшего времени два залоговых типа: действительное причастие и страдательное причастие. Каждое из причастий имеет свою языковую форму: действительное — суффикс *-л*, страдательное — суффикс *-н* (*-т*). Различие этих форм связывается с различием в их значении.

О традиционном понимании залогового противопоставления в причастиях можно судить по следующим выдержкам из грамматик. П. Ст. Калканджиев пишет: «В болгарском языке причастие имеет формы: 1. дей-

⁵ Мы придерживаемся точки зрения тех ученых, которые считают, что все глаголы с *се* имеют общее для них грамматическое значение, которым они противостоят глаголам без *се* (см., например: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 121—122). Не имея возможности в рамках данной работы обосновать свое мнение, мы оставляем этот вопрос в стороне, надеясь высказаться по нему в будущем. В ходе дальнейшего описания мы будем оперировать указанными частными значениями глаголов с *се*, существующими в языке как дальнейшее разветвление общего значения. Именно эти частные значения в первую очередь важны для целей настоящей работы.

ствительного залога — они указывают нечто совершаемое или проявляемое подлежащим лицом, 2. страдательного залога — они указывают нечто совершаемое над подлежащим лицом»⁶.

«Основна българска граматика» Л. Андрейчина формулирует эту закономерность так: «При некоторых причастиях действие совершается прямо обозначенным предметом (или лицом)... Такие причастия являются действительными. При других же причастиях обозначенный предмет представляется как объект действия. Такие причастия являются страдательными»⁷.

В «Грамматика на българския книжовен език» Ст. Стоянова, одном из самых последних общих курсов, о соотношении залогов в причастии говорится: «С точки зрения залога причастия бывают действительные и страдательные: а) когда причастие обозначает действие, произведенное определяемым им объектом, оно стоит в действительном залоге или, в сокращенном названии, является действительным... б) когда причастие обозначает действие, которое идет извне и затрагивает определяемый причастием объект, или же состояние, результат действия, произведенного другим деятелем над определяемым объектом, оно стоит в страдательном залоге или, в сокращенном названии, является страдательным»⁸.

Подобное понимание залога в причастии является общепринятым для грамматической литературы о болгарском языке⁹.

Второй генеральной мыслью, проходящей через грамматическую литературу, является мысль, что страдательное причастие в болгарском языке образуется от пере-

⁶ П. Ст. Калканджиев. Българска граматика. Второ доп. изд. Пловдив — София, 1938, стр. 145.

⁷ Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944, стр. 313.

⁸ Ст. Стоянов. Грамматика на българския книжовен език. Фонетика и морфология. София, 1964, стр. 392.

⁹ Помимо уже указанных, см. соответствующие разделы в работах: Ст. Младенов и Ст. Василев. Грамматика на българския език. София, 1939; Н. Костов. Българска граматика. София, 1939; А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940; Л. Андрейчин, М. Иванов, К. Попов. Съвременен български език. Част II. Учебник за I и II курс на учителските институти. София, 1957 и др.

ходных глаголов¹⁰. Она тесно связана с тем пониманием залогового противопоставления причастий, которое было приведено выше, а также с пониманием залоговой системы болгарского языка в целом и соотношения залоговых показателей причастий и личных глагольных форм.

4. На протяжении долгого времени эти два основные положения относительно залога в причастии оставались неизблемыми. Они поддерживались тем, что подобное понимание залога в причастии свойственно обширной литературе по славянским языкам¹¹. Однако по мере развития болгаристики лингвисты все больше обращали внимание на то, что ряд фактов болгарского языка не укладывается в рамки принятых представлений о закономерностях в этой области.

Одним из первых с несоответствием существующих представлений и реальных данных языка столкнулся А. Т.-Балан, исследуя язык Хр. Ботева, хотя сам он в тот период еще не увидел существа этого несоответствия. В работе «Из грамматики у Ботева» А. Т.-Балан пишет:

«Известно с давних пор старое поэтическое выражение *спри-слънце!* Здесь действие глагола *спра* не выходит во вне от солнца, глагол является непереходным. Стих Ботева «слънцето спряно сърдито пече» (в третьей строфе) содержит причастие *спряно* от того же самого глагола *спра*, однако со значением не действительным, активным, а страдательным, пассивным; действие *спряно* не совершается самим солнцем, хотя бы и в нем самом (непереходное), а кем-то вне солнца и по отношению его самого (переходное). Какое из этих двух значений двигало мысль Ботева, и он вложил его в смысл своего стиха? «Остановилось» ли поэтически солнце само по себе или оно было кем-то другим, чем-то другим «остановлено» и «сърдито печет»?

Причастия *спрял* и *спрян* в сочетании со вспомогательными формами *съм*, *си*, *е* образуют одинаково прошедшее совершенное время

¹⁰ См., например, у Н. Костова о страдательном причастии прошедшего времени: «Эта неличная глагольная форма образуется только от переходных глаголов действительного залога» (указ. соч., стр. 138); у А. Т.-Балана: «страдательное (в терминологии А. Т.-Балана *трълно*—*М. Р.*) причастие получается от глаголов переходных» (указ. соч., стр. 205); у Ст. Стоянова: «Страдательное причастие прошедшего времени образуется в принципе от переходных глаголов» (указ. соч., стр. 393) и др.

¹¹ См., например, обобщающий труд: В. Н а в г а н е к. *Genera verbi v slovanských jazycích*, II. V Praze, 1928—1937,

изъявительного наклонения: *е спрял, е спрял* для 3 лица единственного числа; различие между ними состоит в том, что первая форма происходит от спряжения глагола *спра* в действительном залоге, а вторая — от спряжения в страдательном залоге. Сами по себе, без сочетания с формами вспомогательного глагола *съм*, причастия *спрял* и *спрял* употребляются в речи и со значением имен прилагательных; они употребляются в сочетании с именами существительными как качественные атрибуты (определения): *спряла* кола, *спряна* кола; *спряло* слънце, *спряно* слънце. Ботеву нужно было в речи поставить «солнцу» атрибут со значением глагола *спра*; и он поставил не действительный, активный *спряло*, а страдательный, пассивный *спряно*. Отвечает ли такая грамматика, такой синтаксис в данном случае мышлению, природе Ботева? Отвечает ли это поэтическому слогу (стилю) баллады «Хаджи Димитър»?

Описание у Ботева самопроизвольного (спонтанного) участия всей природы в судьбе его героя, павшего за свободу на Балкане, не позволяет принять, что солнце было «остановленное», а не «остановившееся». Да и известный нам взгляд на мир Ботева, его мировоззрение не допускает понимания, что какая-то сила вселенной остановила солнце, и что было и с этой стороны выражено сострадание или симпатия по отношению к дорогому герою. Очевидно, что мыслью Ботева в балладе было, что солнце, как бытие вселенной, само по себе остановило свой ход, а не по чьей-то воле извне. Солнце сердито. Оно сердится своим гневом и останавливается, чтобы быть зрителем дела славы и бессмертия. Эта действительность не е в ы р а ж е н а пассивным причастием *спряно*»¹².

Как видно из приведенной цитаты, А. Т.-Балан указывает на несоответствие употребленного страдательного причастия *спряно* тому смыслу, который хотел вложить Хр. Ботев в предложение *слънцето спряно сърдито пече*. В действительности указанный пример свидетельствует о другом несоответствии, а именно о несоответствии бытующего в грамматике мнения о значении страдательного причастия на *-н (-т)* как представляющего определяемый предмет в виде объекта действия и того значения, которое имеет эта форма на самом деле.

Статья А. Т.-Балана «Из грамматики у Ботева» является отправной точкой тех выводов, к которым А. Т.-Балан пришел в дальнейшем. В этой работе А. Т.-Балан рассматривал форму на *-н (-т)* причастия, употребленную там, где смысл высказывания

¹² А. Теодоров-Балан. Из граматиката у Ботева. «Български език», 1953, № 4, стр. 357—358 (Работа была перепечатана позже в книге «Език и стил на българските писатели», кн. 1. София, 1962).

требовал причастия с нестрадательным залоговым значением, еще как нечто необычное для болгарского языка. Не случайно его исследование о причастии *спряно* помещено в серии этюдов, в которых интерпретируются грамматические факты языка Хр. Ботева, выходящие за рамки принятых грамматических представлений. А. Т.-Балан давал такое объяснение причин появления формы на *-н (-т)*, вместо ожидаемой формы на *-л*:

«Активное причастие *спрял* было бы передано на русском языке посредством *остановился*, а в соответствии со смыслом у Ботева посредством *остановившийся*, *остановившись*, никак не посредством *остановленный*: „и солнце, остановившись, гневно жжет“. Болгарский глагол *спра* в непереходном значении равнозначен с глаголом *спра се*: „слънцето спряло се сърдито пече“. Во времена Каравелова и Ботева болгарский литературный язык еще не применял в речи действительное причастие прошедшего времени на *-л* (елово причастие) так, как его применяет сейчас. Тогда можно было скорее встретить выражение *спрявшата се кола*, чем *спрялата се*, как совсем обычно сейчас. Отражением того времени является и форма у Ботева *спряно*, вместо *спряло*. Эту форму Ботев поставил не на основе размышления над ее активностью или пассивностью, а в силу грамматического факта, что отглагольные атрибуты следуют за именными, произведенными посредством форманта *-ен*: *гневен* и *разгневен* (активное и пассивное). От глагола *студя* происходит причастие *студен*: *студена вода* (= *изстудена*); от имени *студ* происходит имя прилагательное *студен*: *студна вода*. В народной поэзии другим путем выравнивались *студена вода* и *студна вода*; но для современного литературного грамматического сознания уже нет этимологической разницы между причастием *студен* и именем прилагательным *студен*; и в *слънцето спряно* не осознается глагольное происхождение, а воспринимается имя прилагательное»¹³.

Как можно видеть, употребление формы *спряно* объясняется перекрещиванием двух закономерностей языка, а именно: противопоставления залоговых форм причастия и уподобления причастной формы в атрибутивной функции форме чистого прилагательного на *-ен*. А. Т.-Балан объясняет выбор причастной формы на *-н (-т)* тем, что Ботев отдал предпочтение последней закономерности, причем в этом сыграл роль факт невозможности употребления действительной формы причастия *спряло се*.

Хотя А. Т.-Балан не дает каких-либо объяснений, какая именно грамматическая черта причастия *спряло се* препятствовала его

¹³ А. Теодоров - Балан. Из граматиката у Ботева, стр. 358.

употреблению в рассматриваемом предложении, он совершенно правильно отмечает сам факт невозможности такого употребления. (Попутно заметим, что нельзя ограничивать невозможность употребления формы *спрямо се* эпохой Ботева и Каравелова и считать, что в наше время такое употребление является обычным.)

Исследование формы *спряно* было первым поиском закономерностей в области залоговых форм причастия. А. Т.-Балан еще придерживается здесь мнения, что употребление формы на *-н спряно* является вынужденным, что эта форма не выражает значения собственного действия определяемого предмета. Впоследствии А. Т.-Балан изменяет этот взгляд.

В работе Л. Андрейчина «Залогът в българската глаголна система» вопросы, касающиеся залоговых закономерностей в причастиях, получили дальнейшее раскрытие. В этой работе способность страдательного по форме причастия иметь «нестрадательное» значение отмечается уже как закономерное явление для болгарского языка. В ней говорится:

«В болгарском языке есть много страдательных причастий, образованных от возвратно-средних глаголов, например, *засмян* (от *засмея се*), *разсеян* (от *разсея се*), *задянат* (от *задяна се*), *издигнат* (от *издигна се*) и пр. В сочетании со вспомогательным глаголом *съм* (а также отдельно) такие страдательные причастия означают состояния, а не процессы, и играют роль сказуемых определений, например, *детето беше засмяно*, *бях много разсеян*, *задяната е с цедилка*, *скалата е издигната високо в небето*. Было бы совсем нелепо в таких случаях ставить типичный для страдательного залога вопрос „кем?“, что бы искать какого-то внешнего производителя действия»¹⁴.

Следует обратить внимание на то, что в приведенном высказывании закономерным для болгарского языка признается также образование страдательных по форме причастий от возвратно-средних глаголов¹⁵.

¹⁴ Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. «Български език», 1956, № 2, стр. 117.

¹⁵ В связи с рассматриваемыми вопросами следует отметить также работу В. В. Бородич «Об одной особенности болгарского глагола» (Сб. «Славянская филология», вып. 2. М., 1954), хотя эти вопросы и затрагиваются в ней лишь попутно. В. В. Бородич указывает на широкое распространение в болгарском языке причастий на *-н(-т)* с нестрадательным значением и отмечает возможность образования их от непереходных глаголов.

Традиционные представления о залоговой картине в причастиях корректируются далее в «Нова българска граматика за всякого» А. Т.-Балана. Если в комментариях по поводу особенностей грамматики Хр. Ботева у А. Т.-Балана употребление формы на *-н* в том месте, где смысл высказывания требует постановки причастия со значением действительного залога, предстает как единичный факт языка, требующий специальных пояснений, то в «Нова българска граматика за всякого» мы находим положения, которые свидетельствуют, что А. Т.-Балан увидел типичность этого явления и отразил его в своем систематическом описании болгарского языка.

Одним из таких положений является определение категории «страдательное причастие». А. Т.-Балан пишет: «Изъявительное причастие прошедшего времени бывает двух видов: действительное (деятельное, лат. *participium activum*) и „тръпно“¹⁶ (страдательное, лат. *participium passivum*). Действительное причастие есть форма, оканчивающаяся на *-л* (отсюда название «елово» причастие); оно употребляется в действительном залого, в котором действие направлено от деятеля во вне, напр. *брулил вятър листи*. Страдательное причастие есть форма, оканчивающаяся на *-н* или *-т*; оно употребляется в страдательном залого, в котором действие направлено от деятеля внутрь его, или идет извне на него, *брулени от вятър листи, изпити от суша. Брулен бях от лждска завист, бит от град леден. Уморен съм, без да ме е труд морил; убит съм от мъка*»¹⁷.

Как видно из приведенной цитаты, А. Т.-Балан не ограничивает значение причастия на *-н(-т)* тем, что оно показывает действие, направленное извне на определяемый предмет, а включает сюда также значение действия, исходящего от определяемого предмета и направленного внутрь его.

В другом месте своей работы А. Т.-Балан, группируя примеры причастий болгарского языка в соответствии с выделяемыми им подразделениями, пишет: «*незнаец,*

¹⁶ Мы сохраняем здесь трудно переводимый термин А. Т.-Балана «тръпно». В дальнейшем будет использоваться при переводе второй указанный А. Т.-Баланом термин — «страдательное».

¹⁷ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика за всякого, св. III. София, 1958, стр. 292.

можеща — действительное причастие настоящего времени; *останал, останала* — действительное причастие прошедшего времени; *принуден, принудена, измъчен, забравена* — страдательное причастие прошедшего времени; (*нямайки, не умеейки* — деепричастия). Возвратные глаголы дают только страдательное причастие без местоимения *се*; *бутам се, бутал се, бутан; смахнал се, смахнат*¹⁸.

Последнее предложение содержит в себе очень важную мысль. Традиционно болгарская грамматическая литература писала об образовании страдательных причастий только от переходных глаголов. Причастные же формы от возвратных глаголов указывались лишь иногда и как исключения, без строгого определения границ этого явления. Высказывание А. Т.-Балана впервые ставит вопрос о данных образованиях как о норме болгарского языка. Значение вывода А. Т.-Балана состоит в том, что правильно представить картину залога в болгарском причастии можно только при учете этой языковой нормы.

Вместе с тем А. Т.-Балан ограничился лишь отвлеченной формулировкой закономерности образования причастий от возвратных глаголов, подключив ее к традиционному описанию причастных форм. Вывод А. Т.-Балана об образовании от возвратных глаголов причастий на *-н (-т)*, хотя и отражает картину этого явления в болгарском языке, однако отражает ее не до конца. Дело не только в том, что от возвратных глаголов в болгарском языке закономерно образуется причастная форма на *-н (т)*, а в том, как мы постараемся показать ниже, что причастные формы на *-н (-т)* образуются только от возвратных по форме глаголов.

В целом все новое, что дает А. Т.-Балан в своей книге, оказывается в значительной степени не связанным с общим большим вопросом о залоге в причастии; сформулированные им выводы носят характер частных закономерностей. Кроме того, они сформулированы крайне сжато, сопровождаются самым минимальным количеством иллюстраций, не выделенных среди других примеров. Все это и главным образом сила традиции в трактовке залога в причастии обусловило тот факт, что приведенные выше высказывания А. Т.-Балана, содержащие в себе

¹⁸ А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Указ. соч., стр. 359.

наблюдения, принципиально важные для понимания картины залога в болгарских причастиях, не получили должного отклика у последующих исследователей.

Работа Л. Андрейчина «Залогът в българската глаголна система» положила начало обмену мнениями по данному вопросу на страницах болгарских лингвистических журналов.

Со статьями о залоговой системе болгарского языка выступили Бл. Блажев и Ст. Стоянов. Значительная часть их статей посвящена проблемам залога в причастии. Появилась статья М. Вьгленова, специально рассматривающая болгарские причастия. Работы эти мало продвинули вперед понимание области залога в болгарском причастии.

В статье Бл. Блажева «К вопросу о залоге в болгарской глагольной системе» мы находим утверждение, что суффиксы *-н* и *-т* являются формальным показателем страдательного залога в причастии и что «основное значение и синтаксическая особенность» страдательного залога выглядят следующим образом: «Реальный получатель действия выполняет функцию грамматического производителя действия (в частности подлежащего), а реальный производитель действия — функцию косвенного дополнения с предлогом *от*»¹⁹. Легко увидеть, что эта своеобразная формулировка повторяет традиционную мысль, что обозначаемый причастием с суффиксом *-н* (*-т*) предмет является объектом действия.

Помимо действительного и страдательного залогов, Бл. Блажев выделяет в причастии еще и возвратный залог, к которому относит «все возвратные действительные причастия, которые, как и соответствующие личные возвратные формы, могут иметь многочисленные значения, включая и страдательное»²⁰. Бл. Блажев не учитывает результатов предшествующих грамматических исследований, в частности вывода А. Т.-Балана о том, что «возвратные глаголы дают страдательные причастия без местоимения *се*».

Если Бл. Блажев стремился подойти к залогоу со стороны существующих грамматических форм, то Ст. Стоянов в статье «Залог на българския глагол» делает это, исходя из грамматического значения. Принимая «за основу грамматического значения «залог»... отношение между субъектом и действием (состоянием)», Ст. Стоянов считает, что «в глагольной системе болгарского языка может

¹⁹ Бл. Блажев. По въпроса за залога в българската глаголна система. «Български език и литература», 1959, № 5, стр. 16—17.

²⁰ Там же, стр. 14.

быть только два залога: действительный и страдательный»²¹. Интересующие нас причастия на *-н(-т)* Ст. Стоянов помещает в рубрику «страдательный залог». Иными словами, суффикс *-н(-т)* предстает у него опять исключительно как носитель страдательного значения.

Мысль о том, что причастия на *-н(-т)* в болгарском языке противостоят причастиям на *-л* тем, что имеют страдательное значение, повторяется также в статье М. Вългенова «Причастия»²², в рецензии Т. М. Кънева на статью Бл. Блажева²³.

5. Наблюдения, подобные приведенным высказываниям А. Т.-Балана и Л. Андрейчина, сталкивают нас с коренной проблемой области залога в болгарском причастии. Они свидетельствуют о существовании противоречия между языковым материалом и принятым в грамматической литературе представлением о страдательных причастиях.

Признание правомерности для болгарского языка страдательных по форме причастий с «нестрадательным» значением подрывает положение о том, что причастие на *-н(-т)* имеет страдательное значение, а признание правомерности образования причастий на *-н(-т)* от возвратно-средних глаголов подрывает взгляд, согласно которому данные причастия образуются от переходных глаголов.

Болгаристы стремились устранить противоречие, возникшее в результате фиксации «нестрадательного» значения причастия на *-н(-т)* и возможности образования этой формы от возвратно-средних глаголов, отмечая, что, наряду с известной основной закономерностью в языке, есть случаи, не укладывающиеся в эту закономерность и представляющие исключения из нее. В качестве примера такой позиции можно указать на грамматику Ст. Стоянова, в которой уже цитировавшаяся формулировка основной закономерности залога в причастии дополняется следующим замечанием: «От некоторых непереходных глаголов также образуются страдательные причастия прошедшего времени»²⁴.

²¹ Ст. Стоянов. Залог на българския глагол. «Език и литература», 1962, № 4, стр. 49.

²² М. Вългенов. Причастия. «Български език и литература», 1959, № 6.

²³ Т. М. Кънев. Върху статията «Залог в българската глаголна система». «Български език и литература», 1960, № 3.

²⁴ Ст. Стоянов. Граматика на българския книжовен език. Фонетика и морфология. София, 1964, стр. 393.

Однако такие замечания не могут компенсировать недостатки принятой характеристики залога в причастии. Недостатки этой характеристики заключаются не в том, что она не учитывает каких-то частных явлений в области залога, а в том, что она не отражает основных закономерностей залога в причастиях.

Как убеждает нас изучение материала, в болгарском языке существуют иные, отличные от традиционно представленных в грамматиках закономерности залоговой области в причастии. Они охватывают обе указанные разновидности причастия на $-н(-т)$. Действие их не ограничивается только областью причастия на $-н(-т)$, а распространяется также и на так называемое действительное причастие на $-л$.

Говоря о несоответствии принятых представлений о залоге в причастии реальной картине этого явления, мы вели речь пока только о причастиях на $-н(-т)$, не касаясь причастий на $-л$. Это объясняется лишь тем, что мы ограничивали себя пока только фактами, уже зафиксированными в лингвистической литературе. Однако в области причастий на $-л$, как будет показано ниже, также имеются факты, свидетельствующие о наличии иных закономерностей.

ПРИЧАСТИЕ В ПОЗИЦИИ ПРИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ

Соотнесенность причастий и личных форм глагола

1. Показав в самых общих чертах недостатки существующих описаний залога в причастии, сформулируем закономерности залоговой области в причастии в том виде, как мы их понимаем.

Для наблюдения над функционированием причастий в болгарском языке исследуем тексты «Песента на колелета» Й. Йовкова, «Летен ден» Елина-Пелина и «Татул» Г. Караславова. Путь подачи наиболее ярких примеров из большого числа произведений кажется нам менее приемлемым, так как при таком пути не исключена возможность тенденциозного выбора примеров. Более подходящим представляется в данном случае привлечение материала, хотя и ограниченного числа произведений, но даваемого полностью. Это дает возможность избежать каких-либо акцентов, правильно представить не только наблюдаемые типы, но и их соотношения. Такой подход особенно необходим ввиду того, что для доказательства закономерности в области залога причастий важно показать не только наличие каких-то форм, но и отсутствие других.

Выписав все случаи употребления причастий при существительном, т. е. в функции простого определения, мы сведем их в таблицу с указанием глаголов, от которых они образованы. Вопрос о том, от какого глагола образовано причастие, решается на основании следующего критерия. Общеизвестно в грамматике, что причастие является одной из форм глагола, так называемой неличной формой, которая так же, как личная форма, связывается в предложении с существительным, однако имеет иную синтаксическую позицию: причастие стоит при существительном как определение, а личная форма сочетается с существительным-подлежащим как сказуемое. Благодаря

этому в языке функционируют параллельные конструкции с личной и неличной формой одного и того же глагола. Например: Тошка се дигна с *натежала* глава (Карасл.) — Най-после главата му *натежа* и той заспа (Йовк.). Исходным глаголом причастия-определения мы считаем ту личную форму, которая стоит при существительном-подлежащем в такой параллельной глагольной конструкции.

Примеры в таблице сгруппированы для удобства в алфавитном порядке. Для более наглядной демонстрации закономерностей употребления причастий на *-н(-т)* и причастий на *-л*, которые будут сформулированы нами ниже, в графе «основная форма причастия» форма на *-л* дается без отступа, а форма на *-н(-т)* — с отступом. В графе «исходный глагол» отражаются залоговые характеристики глагола в том виде, в каком они были сформулированы в разделе о залоге глагола: без отступа даются формы без *се*, с отступом — формы с *се* (см. Таблицу-словарь).

2. Если сопоставить глаголы, приводимые в данной таблице в качестве исходных форм к причастиям на *-н(-т)*, с теми глаголами, которые приводятся как исходные формы этих причастий в болгарской грамматической литературе, можно увидеть систематическое расхождение. Здесь хорошей иллюстрацией может служить сравнение нашей таблицы с данными академического трехтомного «Словаря современного болгарского литературного языка»²⁵. Мы соотносим причастия на *-н(-т)* с глаголом с *се*, в то время как «Словарь» соотносит их с соответствующими глаголами без *се*. Например, при причастии *нажежен* «Словарь» указывает как исходный глагол *нажежа* (у нас — *нажежа се*), при причастии *загрижен* — глагол *загрижа* (у нас — *загрижа се*), при причастии *забъркан* — глагол *забъркам* (у нас — *забъркам се*) и т. д. Это расхождение в указании исходных глагольных форм к причастиям на *-н(-т)* отражает разницу между традиционным представлением о страдательных причастиях как образованных от переходных глаголов, которое широко распространено в лингвистической литературе о славянских языках, и тем пониманием закономерностей этой области, к которому ведет применение более строгих методов современной лингвистики.

²⁵ Речник на съвременния български книжовен език, т. I—III. Българска Академия на науките. София, 1955—1959.

Таблица-словарь глагольно-причастных соответствий

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
блесналите витрини	блеснал	блесна
бликналата кръв	бликнал	бликна
бухналата отпред грива;	бухнал	бухна
бухнала над челата коса		
вдигнати към небето, слад ко полусклопени очи	вдигнат	вдигна се
изпито, но вдъхновено лице	вдъхновен	вдъхновя се
гордо вирната глава	вирнат	вирна се
саморасъл, покрит с лишеи и вкопан в земята камък	вкопан	вкопая се
неподвижен и вкоченен труп	вкоченен	вкочая се
влюбени младежи	влюбен	влюбя се
влезлия в олтари свещеник	влязъл	вляза
впрегнати юнци	впрегнат	впрегна се
втренчения си поглед	втренчен	втренча се
вторачения поглед	вторачен	вторача се
вцепенено безразличие	вцепенен	вцепея се
трескаво възбуден ловец	възбуден	възбудя се
възпалени клепащи; възпа лени очи	възпален	възпаля се
въоръжените патрули	въоръжен	въоръжа се
довчера галените надежди	гален	галя се
грохнала жена	грохнал	грохна
своята вчера доведена хуба- ва невеста; доведена сестра	доведен	доведа се
недовършеният скелет на тепавицата	довършен	довърша се
догорелите вече главни; до- горелия огън	догорял	догоря
недодуманите думи	додуман	додумам се
недоправената си цигара	доправен	доправя се
гнилия и жабунясал улей на воденицата	жабунясал	жабунясам
заблудени птици	заблуден	заблудя се
забравен роман; забравени разговори	забравен	забравя се
висока и забъркана глъчка; този забъркан и крив свят;	забъркан	забъркам се
загасналата лула	загаснал	загасна

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
загорелите му бузички	загорял	загоря
загриженото селце, загрижените им сърца; загрижен вид	загрижен	загрижа се
загубената мъжка закрила дрезгав задавен глас; задавеният глас на камбаната	загубен задавен	загубя се задавя се
задимения ъгъл; задимените прозорци	задимен	задимя се
задушени ридания	задушен	задуша се
задържаното веселие	задържан	задържа се
зажаднели гарвани	зажаднял	зажаднѐя
четири здраво заковани греди	закован	закова се
закръглено тело	закръглен	закръгля се
дебелите закръпени чорапи; нескопосно закръпени гумени цървули	закръпен	закръпя се
залостената врата	залостен	залостя се
сух, замръзнал сняг; замръзналите си цървули	замръзнал	замръзна
закъснялата нива; къснѐла кола	закъснял	закъснѐя
незалепени и озъбени скели също тъй замислено и студено синьо небе; замисленият арестант; замислените очи	залепен замислен	залепя се замисля се
тоя занесен и отвърнат от всичко наоколо поглед	занесен	занеса се
запаления въздух; неговата запалена кръв; запаленото въображение; запалената земя; запаления запад	запален	запаля се
запечатаното буре	запечатан	запечатам се
неговото едро, закръглено и вече започнало да тлъстее тяло	започнал [да тлъстѐя]	започна [да тлъстѐя]
запрелият часовник	запрял	запра
запретнати и изцапани с масло ръце	запретнат	запретна се
приведената запустяла къща	запустял	запустѐя

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
запъхтения ловец недозарития гроб вечно засмяният отец Пио- мий; засмения цвят	запъхтян зарит засмян	запъхтя се зария се засмея се
заспалата глава застоялата му вода тънките засукани мустаци засъхнало гърло; засъхнали устни	заспал застоял засукан засъхнал	заспя застоя засуча се засъхна
затаен дъх затворените безлюдни къщи; затворени врата; затворен прозорец	затаен затворен	затая се затворя се
затрънен плет някое по-сухо и по-зату- лено место	затрънен затулен	затръня се затуля се
затъкната на пояса хурка някое затъпкано влакно захвърлена лопата; захвър- лено котенце	затъкнат затъпкан захвърлен	затъкна се затъпча се захвърля се
зачервенелите си ноздри мокро, зачервено от студе- ната вода лице; малки за- червени очи; зачервената му и здрава шия; зачервените й очи	зачервенял зачервен	зачервенея зачервя се
зеленясалите керемиди; зе- ленясалите камъни	зеленясал	зеленясам
избелял стар редингот; тоя избелял от дъждове и пек скелет; избеляла риза	избелял	избелея
избистрения въздух изблещени кръвясали очи	избистрен изблещен	избистря се изблещя се
избухналото сияние добрия, но побелял и из- вехтял вече свещеник; из- вехтялата прапна завеса; извехтяла тужурка	избухнал извехтял	избухна извехтея
дългите му извити като два сърпа мустаци	извит	извия се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
това изгаснало и безжизне- но лице	изгаснал	изгасна
изгледано дете	изгледан	изгледам се
изгорелите поля и посеви; изгоряло поле	изгорял	изгоря
изгорената част	изгорен	изгоря се
изгрялото слънце	изгрял	изгря
изгубените сили	изгубен	изгубя се
издигнатата му опашка	издигнат	издигна се
изконтения секретар	изконтен	изконтя се
един неизказан срам	изказан	изкажа се
изкривения дървен кръст; изкривена глава; тънка из- кривена струйка; стари из- кривени орала;	изкривен	изкривя се
излинелите си потури; стар, излянял козенец чувал	излянял	излинея
изложената навън стока	изложен	изложва се
измаменият любовник	измамен	измамя се
измачкана шарена куртка	измачкан	измачкам се
измитите от дъждовете канари	измит	измия се
изморените коне	изморен	изморя се
измършавял човек	измършавял	измършавя
измъчен народ; измъчените сърца; нейния измъчен жален поглед; измъчени коне	измъчен	измъча се
износени дрехи	износен	износя се
големият недовършен и изо- ставен скелет на Лазаровата ветрена мелница	изоставен	изоставя се
изписани вежди	изписан	изпиша се
изпито, но вдъхновено лице	изпит	изпия се
дълбок, неизплакан плач	изплакан	изплача се
своята смутена и изплашена фигура; изплашена биво- лица	изплашен	изплаша се
излезени езичета; излезе- ни езици	излезен	излезя се
широка, просто изплетена кошница	изплетен	изплета се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
морни, изпогорели жтвари изподраскани нозе	изпогорял изподраскан	изпогоря изподраскам се
изпокъсан канап; стари и изпокъсани дрехи	изпокъсан	изпокъсам се
изпомачкано бомбе	изпомачкан	изпомачкам се
изпотрошени шишета	изпотрошен	изпотроша се
изпотените лица; изпотени- те си плещи	изпотен	излота се
изпръхналите устни	изпръхнал	изпръхна
високото му, изпъкнало и ръбато чело	изпъкнал	изпъкна
изпълнено от гордост сърце	изпълнен	изпълня се
изработеният от него план	изработен	изработя се
изровения прелез	изровен	изровя се
изстинали вече сърца	изстинал	изстина
изсъхналите мочури; мънич- кото му изсъхнало лице; изсъхналата трева; изсъх- налите глави	изсъхнал	изсъхна
някоя изтощена, предадена отвътре крепост	изтощен	изтощя се
смаените и изтръпнали зри- тели	изтръпнал	изтръпна
изтървано теленце; изтър- ван заек	изтърван	изтърва се
изтъркания портфейл; изтъркан офицерски брич	изтъркан	изтъркам се
изуменият свещеник	изумен	изумя се
изцапани ръце	изцапан	изцапам се
изчистеното и приготвено от по-рано шише	изчистен	изчистя се
изясненото небе	изяснен	изясня се
една калена и волна душа	кален	каля се
капналите от умора кове	капнал	капна
кипналата му кръв	кипнал	кипна
килната омацана фуражка	килнат	килна се
буйно класилите ниви	класил	клася
кръвясалите му очи	кръвясал	кръвясам
повата си, току-що купена ловджийска пушка	купен	купя се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
лъсната мед; лъснати на слънцето ножове	лъснат	лъсна се
мушнати в джебовете си ръце	мушнат	мушна се
набраната слюнка; набрания памук.	набран	набера се
набъбнали жили	набъбнал	набъбна
наведена глава; наведени и почернели класове	наведен	наведа се
навъсени погледи; навъсени-те вежди; навъсено лице	навъсен	навъся се
нагорещено желязо	нагорещен	нагорещя се
надвесени вежди	надвесен	надвеса се
някакви адски нажежени тръби; нажежената природа; нажеженото поле; нажежения от слънцето път; нажежена глина	нажежен	нажежа се
назъбена черна стена	назъбен	назъбя се
накипялата ярост	накипял	накипя
накривената шапка; накривени фуражки; накривени и нацупени лица	накривен	накривя се
наклонената му глава	наклонен	наклоня се
токущо накосена миризлив ^а трева	накосен	накося се
тия лошо накъдрени коси	накъдрен	накъдря се
това строго и намръщено началство; намръщения раздавач; намръщеният Ангел	намръщен	намръщя се
напращените книги	напращен	напраща се
напращелите зърна	напращял	напращя
напредналата му възраст	напреднал	напредна
напудрените си глави; тия напудрени физиономии	напудрен	напудря се
напукана земя; босите и напукани крака	напукан	напукам се
напъдени говеда	напъден	напъдя се
ситно и ясно наредените букви; наредените дрехи	нареден	наредя се
насечено кучешко джавкане	насечен	насека се
наскърбената си дъщеря	наскърбен	наскърбя се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
пастръхнала перушина; па- стръхналата си грива	настръхнал	настръхна
настъпен гущер	настъпен	настъпя се
внезапно настъпилия есенен студ	настъпил	настъпя
тия насълзени очи	насълзен	насълзя се
насядалите жени	насядал	насядам
натежалите му клепачи; натежала глава; натежалите клони	натежал	натежа
натоварено магаре	натоварен	натоваря се
нацепени дърва	нацепен	нацепя се
накривени и нацупени лица	нацупен	нацупя се
обезглавен и разкъсан труп	обезглавен	обезглавя се
обезумели от радост очи	обезумял	обезумея
обраните влакна	обран	обера се
един висок, красив, добре облечен мъж	облечен	облека се
ободрените селски души	ободрен	ободря се
обраснали в бурен до пояса основи	обраснал	обрасна
обтегнати и пребледнели лица; обтегната жичка	обтегнат	обтегна се
обърканата си жена; обър- кано шествие; объркана глъчка	объркан	объркам се
овдовяли булки	овдoвял	овдовея
оголените дървета	оголен	оголя се
млад, оздравял кон	оздравял	оздравея
озлочестеното селце	озлочестен	озлочестя се
незалепени и озъбени скели	озъбен	озъбя се
окършени храсталаци	окършен	окърща се
ниски олупени къщурки	олупен	олупя се
омагьосани и прокълнати гори	омагьосан	омагьосам се
килната омацана фуражка	омацан	омацам се
опитомени животни	опитомен	опитомя се
опушения дъсчен таван	опушен	опуша се
наскоро орязана захарна метла	орязан	орежа се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
оръфана сламена шапка;	оръфан	оръфам се
оръфания ямурлук		
осветените прозорци	осветен	осветя се
осиротели майки	осиротял	осиротея
остъргана кокарда	остърган	остържа се
отворени уста; отворен про-	отворен	отворя се
зорец; отворените врата;		
отворената вратня		
тоя занесен и отвърнат от	отвърнат	отвърна се
всичко наоколо поглед		
отдалечена маса	отдалечен	отдалеча се
един отживял, ненужен	отживял	отживея
помен		
откачена дреха	откачен	откача се
откраднатата ивица	откраднат	открадна се
откритите му зъби	открит	открия се
откъснати лалета; откъсна-	откъснат	откъсна се
ти от света и живота хора		
някакви отмерени удари	отмерен	отмеря се
отметната черга	отметнат	отметна се
отпаднал глас	отпаднал	отпадна
една отпрана дъска	отпран	отпера се
отпуснати листа; отпусната	отпуснат	отпусна се
глава; полуотпуснатите		
клепачи; дългите отпуснати		
мустаци		
отслабналото му и повехна-	отслабнал	отслабна
ло лице		
отчаяни гласове и писъци;	отчаян	отчая се
отчаяните сърца; отчаян		
и пиян народ		
един отчупен залък	отчупен	отчупя се
охранените и самодоволни	охранен	охраня се
лица		
толкова очакваното събитие	очакван	очаквам се
очистените стърнища	очистен	очистя се
падналия здрач; падналите	паднал	падна
ръкави		
пламналото му въображе-	пламнал	пламна
ние; пламнали очи		
плетеното си от сърма	плетен	плетя се
цигаре		

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
побеляла глава; побелели старци; побелелите си изсъхнали устни; гъстите си побелели вежди	побелял	побелея
високо повдигната шапка; повдигнатия прах	повдигнат	повдигна се
отслабналото му и повехнало лице	повехнал	повехна
повлечени по земята крачолци	повлечен	повлека се
някой подгонен от магии дух; подгонено гъше	подгонен	подгоня се
подигнатата яка на шинела си	подигнат	подигна се
подкопаното дърво подплашеното магаре; подплашени коне; подплашени овци	подкопан подплашен	подкопая се подплаша се
подпряна на длан ръка; подпряна на хълбок лява ръка	подпрян	подира се
старо подрязано джубе бяла прибрана и подстригана брада; гъстите му подстригани мустачки	подрязан подстриган	подрежа се подстрижа се
подсукани мустаци	подсукан	подсуча се
мъртви пожълтели листа; пожълтелите поляни; долините пожълтели листа	пожълтял	пожълтея
поизтъркани градски дрехи покосените ливади	поизтъркан покосен	поизтъркам се покося се
покритите с прах томове	покрит	покрива се
помръзналите си ръце	помръзнал	помръзна
помътнелия горизонт	помътнял	помътнея
едва-едва понасяно страдание	понасян	понасям се
изсъхналите и попукани устни; тия попукани ръце; попуканата земя	попукан	попукам се
някой поразена от куршум душа	поразен	поразя се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
оше по-порастнало отчаяние поробената душа	пораснал поробен	порасна поробя се
посивяли дъски; посивяла- та коса; посивелите бодли- ви семена; един посивял, бедно облечен мъж	посивял	посивея
безкръвните му и посинели усгни; посинелите и полуот- ворени уста	посинял	посинея
постлания с валчести камъ- ни двор	постлан	постеля се
тия голи и посърнали по- ляни; посърнало поле; посърналото му лице	посърнал	посърна
потулените места на гради ната	потулен	потуля се
потъмнелите овошки; потъмнелите поляни	потъмнял	потъмнея
потъналата във влага земя; потъналото си в кал колело	потънал	потъна
почервеняла и съблазни- телно прегоряла кора	почервенял	почервенея
почерняло скитнишко лице; почернели угари; почерня- лото му от слънцето лице; наведени и почернели кла- сове; почернялата греда; почернели кепенци; старото почерняло буренце	почернял	почернея
починалата Аглика обтегна̀ти и пребледнели лица	починал пребледнял	почина пребледнея
черната ѝ пребойдисана фу- станела	пребойдисан	пребойдисам се
за които нямало непребро- дена усоя	преброден	пребродя се
превързания си пръст прегорелите класове; висо- ката прегоряла трева; пре- горял тютюнев лист; прего- рялата утъпкана пръст; прегорялата лозова шума	превързан прегорял	превържа се прегоря

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
прегракнал глас прегърбената му фигура някоя изтощена, предадена отвътре крепост	прегракнал прегърбен предаден	прегракна прегърбя се предам се
прижуреното му лице развълнуваните и прекъсва- ни разговори	прежурен прекъсван	прежурия се прекъсвам се
премръзнало небе преполовения самун малко пресипнал, но още силен бас	премръзнал преполовен пресипнал	премръзна преполовя се пресипна
прехапани езици бяла прибрана и подстри- гана брада	прехапан прибран	прехапя се прибера се
приведените фигури; при- ведената запусъла къща; дълбоковедена глава	приведен	приведа се
едър, красив, пригладен мъж	пригладен	пригладя се
изчистеното и приготвено от по-рано шише	приготвен	приготвя се
прикрепения като ластови- чо гнездо на стената амвон	прикрепен	прикрепя се
прикрита и зла сметкад- жийка	прикрит	прикрива се
примижали очи припламналите класове; припламналото поле	примижал припламнал	примижа припламна
нейния припрян и безцелен вървеж	припрян	припра се
присвитите им устни токущо приспано дете	присвит приспан	присвия се приспя се
прихлупената черна кърпа гладко причесана и напо- мадена коса	прихлупен причесан	прихлупя се причеша се
провлечена и страстна та- тарска песен	провлечен	провлека се
омагьосани и прокълнати гори	прокълнат	прокълна се
прошарената си глава; про- шарена коса	прошарен	прошаря се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
пръснатите пейзажи на се- ла; пръснатите наблизу и далече околни села и ко- либи	пръснат	пръсна се
пукнатата черковна камба- на; мъничкото, пукнато песнопойно сърчице; пук- нати глави	пукнат	пукна се
развалени яйца; развалени те пътища	развален	разваля се
развеселилият се дядо Да вид	развеселил се	развеселя се
развени гриви; развян на вятъра джепкен	развян	развия се
развлечените тиквени вла- стуни	развлечен	развлека се
развълнувания в целото си същество старец; развълну- ваните и прекъсвани раз- говори	развълнуван	развълнувам се
разградените и боклучиви дворища	разграден	разградя се
разгънатата лента раздразнено състояние печалното, пусто и разкис- нато от дъждове поле	разгънат раздразнен разкиснат	разгъна се раздразня се разкисна се
разклатените колелета разкопчана куртка; разкоп- чаните си гърди; разкопча- на на гърдите риза	разклатен разкопчан	разклатя се разкопчая се
прашните разкривени пътища	разкривен	разкривя се
разкрити уста обезглавен и разкъсан труп; разкъсан редингот	разкрит разкъсан	разкривя се разкъсам се
разляното вино разлюляно като златно море поле	разлян разлюлян	разлея се разлюлея се
размахана кърпа размекнатата пръст разменените погледи	размахан размекнат разменен	размахам се размекна се разменя се

Причастие при существителном	Основная форма причастия	Исходный глагол
размотаните и разхвърляни парцали	размотан	размотая се
морни, разнебитени от трудове селяци	разнебитен	разнебитя се
разораното стърнище	разоран	разора се
разпаленият разговор	разпален	разпаля се
разпокъсаните облачета	разпокъсан	разпокъсам се
разпръснатата царевица	разпръснат	разпръсна се*
разпуснатата си смелост	разпуснат	разпусна се
разрязан лимон	разрязан	разрежа се
разсипаният градеж	разсипан	разсипя се
разслабеният скелет	разслабен	разслабя се
разсърдена гъска; разсърдена квачка	разсърден	разсърдя се
неразтворена книга	разтворен	разтворя се
разтопено сребро; разтопен метал	разтопен	разтопя се
разтревожените и изпотени коне	разтревожен	разтревожа се
разтреперан глас	разтреперан	разтреперя се
стихийно разхвърлени пропаста и бездни; разхвърляната пръст	разхвърлян	разхвърля се
разхлопаните скърцащи коли	разхлопан	разхлопам се
някоя разцепена цев	разцепен	разцепя се
разцъфтелите се дъги	разцъфтял се	разцъфтя се
разчесана коса	разчесан	разчеша се
разярен арабски кон	разярен	разяря се
тежко раненото животно	ранен	раня се
тия ръждясали вече ножници; ръждясалият ѝ дълъг клин	ръждясал	ръждясам
сбръчкано лице	сбръчкан	сбръчкам се
сбърчените им чела; сбърчените ѝ скули; сбърчени, недоразвити ябълки	сбърчен	сбърча се
светнали на слънцето ножове; светнало лице	светнал	светна
сдържан яд	сдържан	сдържа се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
вдигнати към небето, сладко полусклопени очи; гъсти черни склопени ресници	склопен	склопя се
сключените стени	сключен	сключа се
някаква скрита амбиция	скрит	скрия се
нарочно скроена клевета	скроен	скроя се
скръстени ръце	скръстен	скръстя се
скъсаните му първули; вехто скъсано чердже; скъсана черга; една скъсана салтамарка; две скъсани ризи; скъсания канал	скъсан	скъсам се
слисания Нено	слисан	слисам се
смахнатия поет	смахнат	смахна се
смачканата калимявка;	смачкан	смачкам се
смачкания покрив; смачканата му фуражка; смачкан вестник		
смаените и изтръпнали зрители	смаян	смая се
смленият татул	смлян	смеля се
своята смутена и изплашена фигура; смутената вяра	смутен	смутя се
несметените динени кори	сметен	смета се
немъчена, лесно спечелена стока	спечелен	спечеля се
сплъстената му косица;	сплъстен	сплъстя се
сплъстените памучни клъбца		
сподавен женски плач	сподавен	сподавя се
хубава, спретната мома	спретнат	спретна се
спуснати ролетки	спуснат	спусна се
полусрутени къщи; полу срутения зид	срутен	срутя се
стиснати челюсти	стиснат	стисна се
никога несторени грехове	сторен	сторя се
стрития татул	стрит	стрия се
строшени кутелки	строшен	строша се
струпаните наблизко селяни; струпаните до него	струпан	струпам се
дарове; струпаните книжа бяло ступано руно	ступан	ступам се

Причастие при существительном	Основная форма причастия	Исходный глагол
стъкмен селянин счукания татул счупената кост събудените псета съдраното решето една съсухрена женица тия убити от скръб и безна- дежност човешки същества	стъкмен счукан счупен събуден съдран съсухрен убит	стъкмя се счукам се счупя се събудя се съдера се съсухря се убия се
увиснала глава пълни уви- снали бузи; увисналите си мустаци	увиснал	увисна
угасналия вече поглед; уга- сналите му очи	угаснал	угасна
двете угрижени жени ударено куче	угрижен ударен	угрижа се ударя се
узредите ниви; узрели гроз- дове; узряла круша	узрял	узрея
умопобъркан човек	умопобъркан	умопобъркам се
уморените добичета; умо- рени коне; уморени, отпу- снати криле; уморените кахърни очи	уморен	уморя се
уплашеният вик нова, хубаво уредена ви- трина	уплашен уреден	уплаша се уредя се
усмихнато и сладко лице; усмихнатите багри	усмихнат	усмихна се
устремен в земята поглед гладкия утъпкан харман	устремен утъпкан	устремя се утъпча се
хвърлените камъни	хвърлен	хвърля се
хлътналите ѝ хълбоци; трескавите хлътнали очи; хлътналите му гърди; хлътналите ѝ страни	хлътнал	хлътна
цъфналите салкъми; цъфна- ли цветя	цъфнал	цъфна

Как можно было видеть, в болгарской грамматической литературе существует две линии в трактовке так называемых страдательных причастий. Одна из них характеризуется последовательным проведением взгляда, что форма на *-н(-т)* есть носитель страдательного значения и что причастия этой формы образуются от переходных глаголов. Другая линия, сторонниками которой являются такие крупные знатоки болгарского языка, как А. Т.-Балан и Л. Андрейчин, характеризуется стремлением учесть специфические факты болгарского языка. Представители второй группы придерживаются взгляда, что форма на *-н(-т)* может не иметь страдательного значения и может образовываться от возвратно-средних глаголов. Внося такие существенные коррективы в интерпретацию причастных форм на *-н(-т)*, эти ученые в то же время согласны с представителями первой группы грамматистов в том, что форма на *-н(-т)* со страдательным значением образуется от переходных глаголов.

Формулируя вывод о том, что все причастные формы на *-н(-т)* являются образованиями от глаголов с *се*, мы не делаем исключения и для тех причастий, которые являются носителями страдательного значения, т. е. считаем, что эти причастия также образованы от глагольной формы с *се*, а не от переходных глаголов.

Этот вывод основывается на учете следующих фактов. Известна большая близость грамматических черт причастия и личной формы глагола. Общими для обоих классов слов являются грамматические категории вида, времени и залога. Общими для них являются также возможности дальнейшего развертывания в предложении, т. е. синтаксические связи с подчиненными им словами. Наряду с этим, каждый из этих классов слов имеет свои формальные характеристики и свою позицию. Причастие стоит при существительном как атрибут, а личная форма глагола занимает позицию при существительном-подлежащем как сказуемое.

Связь причастия с определяемым существительным является основной синтаксической связью этого класса слов, включающей их в структуру предложения. Для личной формы глагола такой основной синтаксической связью является связь с существительным-подлежащим. Реализация основной синтаксической связи является условием включения слов данного класса в предложение.

Между синтаксической конструкцией существительного с причастием и синтаксической конструкцией существительного с личной глагольной формой имеется прямое соответствие, основывающееся на том, что один и тот же глагол может быть связан с существительным как в виде личной формы, так и в виде причастия. Это значит, что конструкции причастия с существительным, представленные в нашей таблице, имеют в языке соответствия в виде конструкций существительного с личной формой глагола. Например:

<i>прегоряла трева</i>		соответствует	<i>трева</i>	<i>прегоря</i>
<i>насядалите жени</i>	»		<i>жени</i>	<i>насядаха</i>
<i>закъсняла кола</i>	»		<i>кола</i>	<i>закъсня</i>
<i>възпалени очи</i>	»		<i>очи</i>	<i>се възпалиха</i>
<i>съсухрена женица</i>	»		<i>женица</i>	<i>се съсухри</i>
<i>изплашена биволица</i>	»		<i>биволица</i>	<i>се изплаши</i>
<i>пребоядисана фустанела</i>	»		<i>фустанела</i>	<i>се пребоядиса</i>
<i>разклатените колелета</i>	»		<i>колелета</i>	<i>се разклатиха</i>

В этих соответствиях наблюдается закономерность, заключающаяся в том, что определяемое существительное в конструкции с причастием является существительным-подлежащим в конструкции с личной формой глагола. Определяемое существительное всегда является подлежащим в конструкции с личной глагольной формой, независимо от того, стоит ли она в действительном или страдательном залоге.

При этом залоговая характеристика причастия находит абсолютное соответствие в залоговой характеристике личной формы глагола. Личным глагольным формам с нулевой залоговой характеристикой регулярно соответствуют причастия на *-л*; личные глагольные формы с залоговым показателем *се*, в том числе и имеющие страдательное значение, соответствуют причастным формам на *-н (-т)* ²⁶.

²⁶ Употребляя термины структуральной лингвистики, можно сказать, что между конструкцией личной формы с существительным-подлежащим и конструкцией причастия с существительным имеется трансформационная связь: конструкция с личной формой является

Трактовка глагольно-причастных соответствий при традиционном понимании образования причастных форм выглядит следующим образом:

прегоряла трева соответствует *трева прегоря*
закъсняла кола » *кола закъсня,*

т. е. при причастиях на *-л* определяемое существительное соответствует существительному-подлежащему в конструкции с личными глагольными формами. В случае же причастий на *-н (-т)* со страдательным значением, которые считаются производными от переходных глаголов, утверждается другое соответствие:

разклатените колелета соответствует ... *разклати*
колелета,

т. е. определяемое существительное представляется в параллельной конструкции с личной глагольной формой как грамматический объект.

При такой трактовке получается, что в одних случаях (при причастиях на *-л*) основная синтаксическая связь причастия с существительным соответствует основной синтаксической связи личной глагольной формы с существительным-подлежащим, а в других случаях [при причастии на *-н (-т)*] она соответствует связи развертывания личной глагольной формы.

Это особенно наглядно видно, когда и у причастия и у личной глагольной формы заполнены связи развертывания. Например, *косената от косач трева* при традиционной трактовке должно бы выглядеть в варианте с личной глагольной формой так: *косачът коси трева*, т. е. все синтаксические связи глагола здесь перевернуты: основная связь оказывается связью развертывания, а связь развертывания — основной.

Это противоречие в выводах традиционной грамматики ставит нас перед дилеммой: либо мы признаем, что причастия на *-н (-т)* образованы от переходных глаголов, и

ядерной, а причастная конструкция — трансформой ее. Сама процедура перехода от ядерного предложения к трансформе может быть названа причастно-атрибутивной трансформацией глагольной конструкции. Ср. с разными типами трансформаций, приведенными в кн.: N. Chomsky. Syntactic Structures. 's'-Gravenhage, 1957.

тогда должно быть отброшено как необоснованное принятое в грамматиках положение о том, что причастная форма и личная форма есть формы одного глагола и что причастие повторяет синтаксические связи глагола; либо мы признаем, что причастие и личная форма есть формы одного глагола и что синтаксические связи причастия соответствуют синтаксическим связям личной глагольной формы, и тогда должен быть отброшен вывод о том, что страдательные причастия на *-н (-т)* образуются от переходных глаголов.

Материал языка заставляет нас склониться к принятию второй альтернативы. В соответствии с этим параллелью к причастной конструкции «*косената* от косач *трева*» мы считаем конструкцию с личной формой «*тревата се коси* от косач» и причастную форму *косена* считаем произведенной от глагола *коси се*. При такой трактовке мы видим полное соответствие и основных синтаксических связей этих форм и их связей развертывания.

Итак, если мы считаем, что один и тот же глагол может быть связан с существительным и как личная форма и как причастие и что существительному-подлежащему в конструкции с личной формой соответствует определяемое существительное в причастной конструкции, мы должны признать, что страдательное причастие на *-н (-т)* соответствует глаголу *с се*.

«Переворачивание» синтаксических связей при традиционной трактовке соотношения причастия на *-н (-т)* с переходным глаголом является следствием нарушения единства залоговых характеристик соотносимых форм. В связи причастия на *-н (-т)* с переходным глаголом, рассматривавшейся традиционно как прямой, на самом деле проявляется действие двух закономерностей. Механизм соотношения личной формы и причастия, с одной стороны, и действительного и страдательного залогов, с другой стороны, предстает в следующем виде:

косената от косач *трева* — *тревата се коси* от косач
тревата се коси от косач — косачът *коси* *трева*.

Таким образом, между причастием на *-н (-т)* и переходным глаголом действительно может быть установлена связь, однако связь эта не прямая, а опосредствованная. Первое звено ее — это закономерность перехода глагола

одного залога в глагол другого залога. Второе звено связи — закономерность соотношения причастия и личной формы как форм одного глагола. Следовательно, по отношению к переходному глаголу можно говорить, что причастие на *-н (-т)* со страдательным значением является его второй производной формой: первая производная форма — глагол страдательного залога (глагол с *се*), вторая производная форма — причастие на *-н (-т)* ²⁷.

Формальные залоговые характеристики причастий

Опираясь на материалы, отраженные в приведенной таблице, проследим прежде всего, как формальные характеристики причастий соотносятся с формальными залоговыми характеристиками исходных глаголов.

Прежде всего обращает на себя внимание полная регулярность употребления причастных форм в зависимости от глагольных форм. Суффикс *-л* употребляется в причастиях, образованных от глаголов, имеющих нулевую залоговую характеристику, т. е. не имеющих элемента *се*. Суффикс *-н (-т)* употребляется в причастиях, образованных от глаголов, залоговая характеристика которых выражена элементом *се*. Суффикс *-н (-т)* полностью принимает функцию залоговой характеристики, а элемент *се* опускается.

Это систематическое распределение формальных причастных характеристик в зависимости от формальных характеристик глагола подчеркивается еще и следующим фактом: в графе «основная форма причастия» практически нет причастных форм на *-л* с элементом *се*.

Следует обратить внимание на то, что в болгарском языке существует другой ряд причастных образований от глаголов с *се*. Мы имеем в виду формы, образованные от этих глаголов с помощью суффикса *-л* при сохранении элемента *се*. Например: *объркам се — объркал се; приведа се — привел се; приготвя се — приготвил се; протегна*

²⁷ Расхождение грамматистов в вопросе о том, считать ли переходный глагол и соответствующий ему глагол с *се* со страдательным значением двумя разными глаголами или же двумя формами одного глагола, не имеет в данном случае принципиальной важности. Независимо от принимаемой трактовки механизм отношений глаголов без *се* и с *се* с причастием на *-н(-т)* остается неизменным.

се — *протегнал се*; *разцепя се* — *разцепил се*; *ударя се* — *ударил се*; *хвърля се* — *хвърлил се* и т. п. Образования такого рода являются типичными для болгарского языка. Об их месте в языке можно судить по предложениям с причастиями на *-л с се*, параллельными причастиям на *-н (-т)* из приведенной выше таблицы:

Кръстевица беше *се съсхрипа*... (Карасл.); Копринената косица на болното *се е сплъстила* (П. Тодор.); После в килията отец Иларион дълго го подпитва ... *кога се е подстригал*... (Загорч.); Аз ходих да диря телето, че вчера някъде *се е загубило* (Влайк.); Бъбреци, ревматизъм, задух — какво ли не беше му *се струпало* (Карасл.); Макар земята да *се бе най-после размекнала*, над равнината вееха влажни пронизващи ветрове (Веж.); Нашите бащи и деди преди половин век ... *са се повдигнали* на бунт... (Велк.); По стените *бяха се повлекли* вече паяжини (Е.-П.); ...па ни даде господ момченце хубаво... *Засмяла ни се* е сега къщата (Е.-П.); Той *бе се подпрял* на плета и пушеше (Е.-П.); Нощта още не *беше се вдигнала* от планинските усои (Е.-П.); Минуваме край една широка пряспа, която *се е разтопила* по краищата (Ваз.); Иглика ... събра цветята, които *бяха се пръснали* по тревата ... (Е.-П.); Борбата иска здрави хора. Какво *си се разкиснал* такъв? (Марч.); ... резбите по него *се бяха разкривили и попукали* (Тал.); —... Ние *сме се отпуснали* като баби и ще изгубим, казвам ти... (Карасл.); Небето *се беше избистрило* като горски вир... (Чуд.); И сто лева бакшиш му даваше... — Брех, много *се разпуснал!* (Карасл.).

Как можно видеть, причастия на *-л с се*, широко употребляющиеся в болгарском языке, выступают в предложении в позиции, отличной от рассматриваемой нами. Эти причастия являются составной частью сложных глагольных времен.

В позиции перед существительным, которая отражена в приведенной выше таблице, встретилось всего лишь два случая употребления причастия на *-л с се*: — Як излезе каша — *смееше се безгрижно развеселилият се дядо Давид*... (Йовк.); Всички с любопытство *се натрупаха* около бурето, което още *сълзеше между разцъфтелите се дъги* (Е.-П.). Иными словами, причастия такого рода в данной позиции фактически отсутствуют.

В отличие от глаголов *с се* в глаголах с нулевой залоговой характеристикой и причастие в позиции перед су-

ществительным и причастие, входящее в сложную глагольную форму, образуются с помощью одного и того же суффикса -л. Для примера приведем предложения со сложными глагольными формами, образованными от глаголов без *се*, которые представлены в данной выше таблице:

Нивята *са узрели*, пшеницата *се рони* (Ваз.); Полето *беше прегоряло* вече, на много места *се чернееха* разорани стърнища (Карасл.); Види *се*, *въстание е избухнало* сега на други места (Ваз.); Пари, пари в сандъче *си имал* старецът и един ден *потънали* някъде... (Григ.); Гърците *са настръхнали* и могат да ни изколят всеки момент (Дим.); Той е отпуснал глава *върху* гърдите на Стоил, *едната ръка е увиснала* безпомощно (Йовк.); Както *сме измършавели*, не холера, ами и чума може да ни нагази (Л. Стоян.); Ти затова *си цъфнал* толкоз, защото все *нямаш* време да се нахраниш човешки! (Карасл.); Край златен сноц *бе паднала* възнак, като с куршум ударена, Пенка (Е.-П.); Изпод кожата *са набъбнали* жили, като пиявици (Йовк.); Остави ме, че не знаеш, какво ми *е пламнала* главата (Йовк.); ... там, дето аз *съм пораснал* и първо мляко *засукал* (Бот.); ... а над лявото око *бе засъхнало* петно черна кръв (Смирн.); И стрина Венковица, както *бе накупяло*, *взе* та *наприказва* на дъщеря *си* всичко... (Влайк.); — Сръбни още ... *Пресипнал си* от много приказки (Марч.).

Соотношение залоговой характеристики глаголов с залоговыми характеристиками причастий, употребляющихся в позиции при существительном, и причастий, входящих в сложные глагольные формы, показано в табл. 1.

Таблица 1

Причастия	От глагола без <i>се</i>	От глагола с <i>се</i>
При существительном	-л	-н (-т)
В сложных глагольных формах	-л	-л с <i>се</i>

Из сказанного следует, что принятые представления об употреблении аористных причастий на -л должны быть уточнены. Положение грамматик о том, что аористные причастия на -л употребляются и в сложных глагольных

формах и в позиции при существительном, полностью справедливо лишь для глаголов без *се*. Для аористных же причастий от глаголов с *се* типично употребление только в сложных глагольных формах. В позиции при существительном употребляется другая форма — причастие на *-н (-т)*²⁸.

Отсутствие причастий на *-л* с *се* в позиции перед существительным является вторым важным фактором, подтверждающим сформулированную выше закономерность систематического распределения формальных причастных характеристик в зависимости от формальных характеристик глагола.

Непереходность как критерий принадлежности причастий к классу прилагательных

Залоговая характеристика глагола в определенной мере содержит в себе указание на возможность развертывания данного глагола в предложении, отражает его потенциальные синтаксические связи. Наличие в глаголе элемента *се* безусловно показывает, что данный глагол не может иметь прямого дополнения. Нулевая залоговая характеристика показывает, что при глаголе появление прямого дополнения возможно. Однако, как уже отмечалось, в действительности не все глаголы с нулевой залоговой характеристикой способны иметь такое дополнение, так как в эту залоговую группу входят не только переходные, но и непереходные глаголы.

Эта синтаксическая информация залоговых характеристик глагола переходит и в причастия. Суффикс *-н (-т)*, соответствующий залоговой характеристике *се*, исчерпы-

²⁸ Здесь можно было бы провести некоторую аналогию между функционированием аористных причастий на *-л* с *се* и так называемым имперфектным причастием на *-л*. Известно, что это имперфектное причастие употребляется исключительно в составе сложных глагольных форм пересказывательного наклонения и никогда не употребляется в позиции при существительном. Это свойство имперфектного причастия заставляло некоторых исследователей болгарского языка ставить вопрос о том, что оно лишь по форме сближается с причастиями, а по употреблению является формой глагольного времени. Так, Н. Костов всячески подчеркивает важность этой особенности имперфектного причастия и необходимость учитывать ее в грамматических описаниях (см.: Н. К о с т о в. Българска граматика. София, 1939, стр. 137).

вающе показывает, что при данном причастии не может появиться прямого дополнения. Соответствующее глаголу с нулевой залоговой характеристикой причастие на *-л* может иметь прямое дополнение в той же мере, в какой его может иметь исходный глагол. Так, причастие на *-л* *излинял*, образованное от непереходного глагола без *се* *излинея* не выступает с прямым дополнением. Причастие же на *-л* *започнал*, образованное от переходного глагола без *се* *започна* (*нещо*), употребляется в языке с прямым дополнением: ср. «... той влезе в браздите и *започна да сее*» (Йовк.) и «неговото едро, закръглено и вече *започнало да тлъстее* тяло» (Карасл.).

Практически, однако, причастие на *-л* с прямым дополнением в позиции при существительном встречается чрезвычайно редко. Причастия на *-л* в этой позиции представлены фактически лишь образованиями от непереходных глаголов. Именно отсутствием в этой позиции причастий на *-л* от большого числа переходных глаголов обусловлено то, что в приведенной таблице относительно мало причастий на *-л* и что основной массив составляют причастия на *-н* (*-т*).

Отсутствие в позиции при существительном причастий с прямым дополнением, т. е. образованных от переходных глаголов, и употребление здесь причастий на *-л* практически только от непереходных глаголов заслуживает внимания. Если сопоставить этот факт с наблюдениями над характером глаголов, от которых образуются причастия на *-н* (*-т*), широко представленные в позиции при существительном, то возникают основания для важного вывода. Все эти глаголы, как указывалось, имеют в своем составе элемент *се*. Это значит, что они относятся к непереходным глаголам в широком смысле этого термина. Таким образом, можно констатировать, что в позиции при существительном употребляются причастия лишь от непереходных глаголов, т. е. что признак непереходности исходного глагола является критерием, определяющим круг причастий, которые относятся к классу прилагательных.

В свете всего сказанного получает уточнение содержащееся в болгарских грамматиках положение об ограниченности употребления причастий на *-л* с функцией определения при существительном. В позиции при существительном употребляются причастия на *-л* только от непереходных глаголов в узком смысле этого термина, т. е.

только от непереходных глаголов без элемента *се*. Остальные причастия на *-л* при существительном практически не употребляются.

Залоговые значения причастий

Рассматривая вопрос о соотношении глагольных и причастных залоговых характеристик, мы не можем обойти аспект, который всегда привлекал внимание грамматистов при описании залога в глаголе. Таким аспектом является установление залоговых значений глаголов с *се*.

Утверждение, что причастная форма на *-н (-т)* означает лишь то, что причастие образовано от глагола с *се*, а причастная форма на *-л* — лишь то, что причастие образовано от глагола, не имеющего элемента *се*, несколько не обедняет картины залоговых значений в причастии. В нем формулируется лишь существо закономерности, функционирующей в языке. Эта закономерность обеспечивает выражение всех тех значений, которые присущи глаголу.

В цитировавшейся выше статье Л. Андрейчина о залоге в болгарском языке у глаголов, имеющих элемент *се*, выделялись залоговые значения: возвратное, взаимное, страдательное, *reflexiva tantum*, безличное, среднее. Материал таблицы позволяет видеть, что в болгарском языке причастие на *-н (-т)* образуется от глаголов с различными значениями элемента *се*. Мы находим здесь причастия от глаголов среднего залога: *вкочаня се, загрижа се, запъхтя се, изпотя се, изумя се, наскърбя се, отчая се* и т. д.;

от глаголов возвратного залога: *изконтя се, облека се, пригладя се, прикривя се, стъкмя се, изтърва се, намръщя се* и т. д.;

от глаголов *reflexiva tantum*: *възналя се, засмея се, озъбя се, разхлопам се, смазна се, спретна се, усмихна се*;

от глаголов взаимных: *влюбя се, разменя се*.

Уже указывалось, что традиционно значение причастий на *-н (-т)* определялось как страдательное, т. е. как показывающее, что непосредственно обозначенный им предмет представляется в виде объекта действия. Причастия от названных разновидностей глаголов с *се*, хотя и имеют форму на *-н (-т)*, не несут в себе значения страдательности. Анализируя материал таблицы, можно видеть,

что более половины приведенных в ней причастий не подходит под рубрику «страдательные по значению»²⁹.

Рассмотрим некоторые конкретные случаи функционирования таких причастий, данных вместе с контекстом в первой графе таблицы. Так, в конструкции *една съсухрена женица* трудно предположить, что причастие *съсухрена* передает значение страдательности, т. е. что существительное *женица* представляется в виде объекта, над которым произведено действие «высушивания». Значение этого причастия таково, что оно показывает в виде качества процесс, происходивший в самом определяемом предмете. Очевидно, что это причастие сохраняет залоговое значение исходного глагола *съсухря се*, которое определяется в болгарской грамматике как средний залог.

Аналогичную картину залогового значения причастий можно наблюдать и в следующих примерах: *загрижените им сърца, запъхтения ловец, неподвижен и вкоченен труп, изпотените си плещи, изуменият свещеник, наскърбената си дъщеря, отчаян и пиян народ, попуканата земля, прегърбената му фигура, развалени яйца, разтреперан глас,*

²⁹ В связи с постановкой вопроса о широте распространения в болгарском языке причастных форм на *-н (-т)* от возвратно-средних глаголов следует остановиться на высказываниях по этому вопросу, содержащихся в работе Ю. С. Маслова «Очерк болгарской грамматики» (М., 1956). Ю. С. Маслов пишет, что причастия с суффиксами *-н* и *-т* в болгарском языке образуются «почти исключительно от переходных глаголов» (стр. 216). «В громадном большинстве случаев причастие имеет страдательное залоговое значение, т. е. обозначает состояние предмета, лица, подвергшегося воздействию или подвергающегося воздействию (например, *воден от състрадание*, *движимый состраданием*). Изредка, однако, как уже было упомянуто выше, встречаются страдательные по форме причастия, образованные от возвратных глаголов и имеющие действительное залоговое значение, т. е. обозначающие состояние лица (предмета) как возникшее в результате действия самого этого лица (или предмета)» (стр. 262).

Проведенный выше анализ материала болгарского языка, а также приводившиеся наблюдения Л. Андрейчина и других показывают, что высказывания Ю. С. Маслова об исключительности и редкости причастных форм на *-н (-т)* с нестрадательным значением не соответствуют фактическому положению в языке. Ю. С. Маслов исходит в своей работе из мысли, что в болгарском языке «в отношении залога дело обстоит в основном так же, как и в русском языке» (стр. 167). Однако болгарский язык представляет в этой области весьма своеобразную картину (см., например: Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. «Български език», 1956, № 2), и ее нельзя объяснить путем аналогий.

двете угрижени жени. Во всех приведенных случаях причастие на *-н (-т)* сохраняет залоговое значение исходного глагола, т. е. несет значение среднего залога.

Обратившись к причастиям, образованным от глаголов с *се* с возвратным залоговым значением, можно видеть, что они также не имеют значения страдательности, а сохраняют залоговое значение исходных глаголов, т. е. значение возвратности. Например: *изконтения секретар; добре облечен мъж; едър, красив, пригладен мъж; прикрита и зла сметкаджийка; стъкмен селянин; изтървано теленце; намръщения раздавач.*

Точно так же причастия, образованные от взаимных глаголов, соответствуют значению взаимности: *влюбени младежи, разменени погледи.*

Имеются глаголы, которые употребляются в языке только в форме с *се* и в которых элемент *се* не несет, таким образом, особой залоговой информации (так называемые *reflexiva tantum*). Причастия на *-н (-т)*, образованные от этих глаголов, подобны им по своему залоговому значению: *възпалени клепащи, засменя цвят, озбени скели, разхлопаните коли, смахнатия поет, спретната мома, усмихнато и сладко лице.*

Значительная часть причастий на *-н (-т)* образована от глаголов с *се*, относящихся к страдательному залогу. Этим причастиям присуще значение страдательности, и при необходимости они могут иметь при себе указание на производителя действия, включаемое в конструкцию в виде косвенного дополнения: *измитите от дъждовете канари, изработеният от него план, някоя поразена от куршум душа, своята вчера доведена хубава невяста, загубената мъжка закрила, изгледано дете, изложената навън стока, токущо накосена миризлива трева, натоварено магаре, обраните влакна, наскоро орязана захарна метла, един отчупен залък.*

Из всего сказанного видно, что причастия на *-н (-т)* в принципе повторяют залоговые значения исходных глаголов³⁰. Суффикс *-н (-т)* не имеет какого-то одного, своего

³⁰ Причастие представляет глагольное действие как качество, возникающее в результате этого действия. Достигнутый результат нередко подчеркивается в нем сильнее, чем сторона, кто был производителем действия. Таким образом, залоговые значения в причастии по сравнению с глаголами могут быть в известной мере стертыми.

собственного залогового значения, а повторяет ту залоговую информацию, которая содержится в элементе *се* глагола ³¹.

* * *

В ходе предшествующего рассмотрения вопросов о составе причастной части класса прилагательных и связанной с ними проблемы залога в причастии была обоснована точка зрения, которая принципиально расходится с традиционной трактовкой соотношения причастных и глагольных форм. Согласно этой точке зрения причастные формы на *-н (-т)* со страдательным значением являются образованиями не от переходных глаголов, а от глаголов с *се*. Исходя из такого понимания закономерности языка, был сделан вывод, что форма на *-н (-т)* причастия в принципе является показателем образования ее от глагола с элементом *се*. Было установлено, что форма на *-н (-т)* способна передавать все залоговые значения, присущие глагольной форме с *се*.

³¹ Полезно рассмотреть здесь высказывание В. В. Бородич, которое содержится в ее статье «Об одной особенности болгарского глагола». Критический анализ его позволяет дать дополнительные объяснения, касающиеся вопроса о залоговых значениях причастий.

В. В. Бородич пишет: «Страдательные причастия прошедшего времени являются весьма продуктивными. Образуются и от непереходных глаголов (чаще всего от возвратных), они уже не имеют оттенка страдательности и используются в аналогичной с действительными причастиями прошедшего времени функции. При этом в некоторых случаях их значение совпадает. Сравните, например: Един ден отивам на воденицата, а настреща ми иде *запъхтял* моят воденичар (М. Георгиев. Избрани разкази). Перевод: «Однажды иду я на мельницу, а навстречу мне идет *запыхавшийся* мой мельник». «След малко пристигна *запъхтян* и Цветко Сарач» (Г. Белев, Иглата се счупи). Перевод: «Немного погодя пришел *запыхавшийся* и Цветко Сарач» [...] «Конете се връщаха към село, *размахали* отчаяно глави, бързаха да намерят под някоя сянка убежище от жегата и мухите» (Йовков, Жетварят). *Размахали* — «размахивая, махая». «Хиляди крила *размахани* повяват хлад» (Яворов, Подир сенките на облаци). Перевод: «Тысячи *махающих* крыльев навевают прохладу». *Размахани* — «махающие, размахивающие» (Сб. «Славянская филология», вып. 2. М., 1954, стр. 89—90).

В приведенном высказывании проскальзывает мысль, что причастия на *-н(-т)* и на *-л* в некоторой мере равнозначны в болгарском языке и что, таким образом, имеется возможность свободного выбора между формами на *-н(-т)* и на *-л*. Однако установление нестрадательного значения причастия на *-н(-т)* не означает авто-

Устраняются ли при предложенном описании залоговой картины в причастиях те трудности, которые возникли при описании залога с традиционных позиций?

Грамматистами отмечалось, что в болгарском языке есть много страдательных по форме причастий, образованных от возвратно-средних глаголов, и что эти причастия не имеют страдательного значения. Поэтому они вводили соответствующие оговорки в основные положения, согласно которым причастия на *-н* (*-т*) несут страдательное значение и образуются от переходных глаголов.

При том понимании картины залога в причастии, которое было сформулировано выше, факт образования причастий на *-н* (*-т*) от возвратно-средних глаголов оказывается отраженным в основной дефиниции. Вывод о регулярности образования этой причастной формы от возвратных по форме глаголов показывает, что отмечаемая грамматистами закономерность представляет частный случай

матически, что оно имеет действительное значение. Нестрадательные значения причастия на *-н* (*-т*) — это те значения, которые присущи глагольным формам с *се*, помимо страдательного значения. Приводимые В. В. Бородич примеры не являются двумя образованиями от одного и того же глагола, имеющими одинаковое значение. В этих примерах отражается характерное для болгарского языка явление, когда мы наблюдаем существование параллельных пар глаголов с *се* и без *се*. Причастия *запъхтя* и *запъхтян* образованы от разных глаголов такой пары: *запъхтя* — *запъхтя се*. Близость значения этих причастий есть следствие того факта, что указанная пара принадлежит к кругу глаголов, которые в непереходном значении употребляются как в форме с *се*, так и в форме без *се*.

Что касается второй пары причастий *размахали* — *размазани*, то сближать их значения вообще неправомерно. Они образованы от пары глаголов *размахам* — *размазам се*, один из которых является переходным, а другой — непереходным. Непереходный глагол с *се* имеет в данном случае возвратно-среднее значение. Соответственно образованные от глаголов указанной пары причастия имеют: одно — значение действительного залога, что особенно подчеркивается присутствием при нем прямого дополнения *глави*, а другое — присущее исходному глаголу *размахам се* значение возвратно-среднего залога.

Иными словами, каждая причастная форма имеет свое специфическое значение, связанное со значением исходного глагола. Там, где глаголы с *се* и без *се* сближаются в своем значении, причастия на *-н* (*-т*) и на *-л* соответственно также сближаются. Там, где наблюдается расхождение значений глаголов в паре, расходятся и значения образованных от них причастий. Но независимо от этого возможного сближения или расхождения значений сохраняется грамматическая противопоставленность причастных форм как образований, восходящих к разным исходным глагольным формам.

закономерности, сформулированной нами, так как возвратно-средние глаголы являются одной из подгрупп в группе возвратных по форме глаголов.

Высказывания о существовании в болгарском языке страдательных по форме причастий, не имеющих страдательного значения, должны быть сопоставлены с предложенным пониманием картины залога в причастии в первую очередь. Именно этот факт, отмечавшийся целым рядом ученых, подрывает традиционное понимание залогового противопоставления в причастии. Сопоставление показывает, что факт нестрадательного значения страдательных по форме причастий также находит свое место в предложенном описании. Действительно, если причастный суффикс *-н (-т)* есть лишь показатель возвратной формы исходного глагола и если причастные формы на *-н (-т)* повторяют различные залоговые значения, присущие возвратным по форме глаголам, то любое нестрадательное значение причастной формы на *-н (-т)* является закономерным.

Так же как лишь одна часть глагольных форм с *се* имеет страдательное значение, точно так же страдательное значение присуще лишь одной части причастных форм на *-н (-т)*, а именно тем, которые образованы от возвратных по форме глаголов со страдательным значением. В том, что страдательное значение, являющееся одним из значений причастной формы *-н (-т)*, принималось за единственное значение этой формы, состоял существенный недостаток традиционного описания залога в причастии ³².

³² В данной работе мы пересматриваем положения лингвистической литературы по болгарскому языку и исследуем материал только болгарского языка. Тем не менее предлагаемая здесь трактовка залоговой области в причастии в определенной мере применима и к другим славянским языкам.

III

ПРИЧАСТИЕ В ПОЗИЦИИ ПРИ ГЛАГОЛАХ ПОДКЛАССА СЪМ

Уточнение круга причастий, выступающих при существительном как простое определение, в принципе уточняет и состав причастий, употребляющихся как предикативное определение при связочных глаголах различных типов, так как позиция при связочных глаголах является второй характерной позицией для класса прилагательных, и можно предполагать, что причастия здесь соответствуют причастиям, функционирующим при существительном. Однако это теоретическое предположение должно быть проверено на фактическом языковом материале, тем более что в грамматической литературе высказывалось мнение о наличии ограничений в употреблении причастий на -л в этой позиции. Так, Н. Костов пишет: «Действительное причастие обыкновенно связывается только с *съм*, а страдательное выступает как сказуемое определение и с другими непереходными глаголами — *стоя смаян, вървя разтревожен, лежа смазан, седя отпуснат, спя открит* и др.»³³

Обращаясь к рассмотрению причастий, употребляемых в конструкции предикативного определения, необходимо отделить случаи употребления причастий с глаголом *съм* от употребления их с остальными связочными глаголами, так как в случаях с *съм* картина оказывается усложненной тем, что рассматриваемое нами явление предикативного определения соприкасается с другим грамматическим явлением — сложными глагольными формами.

В сочетании с полузнаменательными глаголами выступают только те причастные формы, которые были отмечены в сочетании с существительным. Это главным образом образования с суффиксами -л и -н (-т), повторяющие залоговые характеристики исходных глаголов.

³³ Н. К о с т о в. Българска граматика. София, 1939, стр. 179.

Употребление причастий на *-л* с полужнаменательными глаголами иллюстрируют следующие примеры: ... лицето му *изглеждаше* някак предивременно *застаряло*, с малко потъмнели очи (Веж.); Лицето му *изглеждаше* *посивяло* и злобно... (Веж.); Само Чудото всред всеобщото подновяване на живота *изглеждаше* унил и *отпаднал* (Веж.); На лампата лицето ѝ *изглеждаше* *увехнало* и *застаряло* (Йовк.); Равнината *ставаше* все по-хълмиста и все по-обраста с малки редки горички (Веж.); Неприятната несигурност у него съвсем изчезна, *усецаше* се вече здраво *седнал*... (Веж.); Той *се чувствуваше* *възмъжал*, решителен и силен (Карасл.); Сам той нямаше в торбата си троха хлеб и от недояждане *се чувствуваше* мекушав и *отслабнал* (Л. Стоян.).

В приведенных примерах представлены причастия на *-л* лишь от глаголов без *се*, являющихся непереходными: *застарял, посивял, отпадна, увехнал, обраста, седнал, възмъжял, отслабнал*. В этом отношении причастия на *-л* в употреблении с полужнаменательными глаголами повторяют норму их употребления в позиции перед существительным. Закономерность употребления причастий на *-л* как предикативных определений совпадает с закономерностью их употребления в функции простого определения и в том, что при полужнаменательных глаголах также не встречаются причастные формы на *-л* с элементом *се*.

Картина причастий на *-н (-т)* в сочетании с полужнаменательными глаголами тоже подобна тому, что наблюдалось в позиции перед существительным. В изученном материале представлены причастия на *-н (-т)*, образованные от глаголов с *се* с различными залоговыми значениями, свойственными этим глаголам. Большой массив составляют причастные образования, значение которых можно скорее квалифицировать как возвратно-среднее, чем как страдательное: ...сега той *изглеждаше* *смутен* и *засрамен*... (Веж.); Но доброволецът и без това не *изглеждаше* *уплашен* (Веж.); Васил не *изглеждаше* нито *зарадван*, нито *учуден* (Йовк.); ...пък и хората *нечеркувани* *ще останат* (Е.-П.); Не му каза нищо, но *остана* някак *позамислен* (Йовк.); И те *останаха* *поразени*, че той играеше много добре... (Карасл.); ... той *остана* някак си *изненадан*, *неподготвен* и поради това се смути... (Карасл.); Метекса и Дели Софта... *се показваха* *учудени* и дори *ядосани* (Л. Стоян.); ... Галунка *стана* много *замислена*... (Йовк.);

Лицето на войника изведнъж *стана загрижено* и като че ли малко *засрамено* (Веж.); Лицето му *стана* още *по-навъсено* (Веж.); ... но тоя ритъм сега му *се струваше съвсем объркан* и *неравномерен* (Веж.); Той *се чувствуваше* някак *смаян, поразен* пред фигурата и свободното държане на Синапа (Л. Стоян.); ...неговото открито и дружелюбно лице го накара да *се почувствува изведнъж разведрен* и *спокоен* (Веж.); Кой *знае* защо — *чувствуваше се объркан и разтревожен* (Веж.).

В ряде случаев причастия на *-н (-т)* достаточно обоснованно можно считать страдательными по значению. Однако такие случаи никак не являются преобладающими. Причастия со страдательным значением представляют собой лишь одну группу общей массы причастий на *-н (-т)* и употребляются наравне с другими причастиями такой формы. Понимание причастий на *-н (-т)* как страдательных по значению возможно, например, в следующих предложениях: *Като се видя омотан* и *здрово привързан* към дирека, той се разсърди... (Йовк.); *Втора рота... изведнъж се оказа откъсната и изолирана* в немския тил (Веж.); *Вратата... остана два три пръста непритворена...* (Е.-П.); ... *любовта му с това хубаво селско момиче ще остане скрита* от хорските очи... (Карасл.); При все това той не може да търпи..., *смята се засегнат* в своята си чест... (Йовк.); ... *всичко... ѝ се стори* глупаво, просто и отдавна *познато* (Карасл.).

В сочетаниях причастий с полузнаменательными глаголами наблюдается относительное преобладание причастий на *-н (-т)* по сравнению с причастиями на *-л*. Из этого, однако, нельзя делать вывода о том, что форма на *-л* по своим грамматическим свойствам менее соответствует указанной позиции. В принципе возможность употребления обеих форм одинакова. Но здесь мы снова сталкиваемся с явлением, которое проходит через все позиции в структуре предложения, характерные для прилагательного. В сочетании с полузнаменательными глаголами представлены только причастия на *-л*, образованные от переходных глаголов. Употребление же причастий на *-л* от переходных глаголов, составляющих значительную часть глаголов языка, ущемлено. Благодаря этому и создается количественное преобладание причастий на *-н(-т)*. Поэтому приводившееся высказывание Н. Костова не должно пониматься в буквальном смысле как утвер-

ждение о невозможности употребления причастий на -л с полузнаменательными глаголами. Оно справедливо лишь как констатация количественного преобладания причастий на -н (-т).

Все сказанное приводит к выводу, что круг причастий, употребляющихся при полузнаменательных глаголах, не имеет каких-либо грамматических черт, выходящих за пределы характеристик, которые были даны при описании причастий, выступающих в позиции при существительном.

IV

ПРИЧАСТИЕ В ПОЗИЦИИ ПРИ ОСОБОМ ПОДКЛАССЕ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

В другой разновидности предикативного определения — конструкции так называемого «второго винительного» так же широко используются причастия. Среди этих причастий представлены образования на -л от непереходных глаголов. Например: Виждаше я седнала пред стана, как тъче прикята си... (Л. Стоян.); Отдалеч ги видяха събрани на купчини и легнали — всред зелената трева се белееха като едри гъби (Йовк.); Кръстевица следеше Станка и сърцето ѝ се късаше от мъка като я гледаше такава отпаднала... (Карасл.); Друг път чичо Митуш заварваше двете кобилки застанали една срещу друга... (Йовк.); ... отидоха да видят какво е станало и го намериха умряло (Йовк.); Старицата все махаше с ръка, но веднаж я намериха болнава, грохнала и безпомощна... (Карасл.); Намери Аго притихнал, не подигна очи, не го погледна (Йовк.); Той... си представяше децата гладни, заскимтели за хляб, изсъхнали като сухи корени... (Л. Стоян.).

В конструкции предикативного определения при прямом дополнении встречаются причастия на -л, образованные от переходных глаголов, хотя и значительно реже, чем причастия на -л от непереходных глаголов: Но на другия ден подпоручик Нейков съвсем се смая като видя командира яхнал пъргавото грациозно животно (Веж.); Вървя из една затънтена уличка и на едно място на тротоара, гледам моя Мечо застанал на стойка и вдигнал глава нагоре, стои не мърда (Е.-П.).

По сравнению с другими позициями класса прилагательных в рассматриваемой позиции причастия на -л от переходных глаголов имеют ббльшие возможности употребления. Это связано с тем, что предикативное определение при прямом дополнении находится на границе между простым предложением и сложноподчиненным с придаточным дополнительным. Поэтому такое предикативное определение обладает в известной мере свободой синтак-

сического распространения, свойственной сказуемому придаточного предложения³⁴.

Причастий на *-л* с *се* в функции предикативного определения при прямом дополнении в исследованном материале не встретилось.

Основную массу причастий, используемых в рассматриваемой позиции, составляют образования на *-н* (*-т*) от глаголов с элементом *се*. В значительной части это причастия с возвратно-средним значением. Например: Нали той ще я види такава разчорлена, облечена с най-лошата фустанела... (Карасл.); Досега те не бяха виждали Манол така разгневен (Март.); Когато свърши, тя го видя изправен до прозореца и загледан в мрака на гората (Дим.); ... Жено, при мене — да те видя веднаж наредена с другите — този път Маринка ще сипва и ще шета (Карасл.); Навикнали друг път да ги посрещат развеселени и шумни, те разбираха, че с тях се бе случило нещо... (Март.); Той току-що бе направил вечерната си молитва и чувствуваше душата си приобщена към небето... (Л. Стоян.); Като го видя такъв намръщен, изведнаж се разсърди (Гул.); Както винаги в подобни мигове, той чувствуваше сърцето си смразено в ледено спокойствие... (Веж.).

В этой группе представлены различные разновидности возвратно-среднего значения. В ряде случаев это причастия с собственно-возвратным значением: Мъжете се преродиха — срещат ги стегнати, избръснати, наперчени (Е.-П.); ... все му се струваше, че топлият южен вятър и първите галещи лъчи на слънцето ще го заварят неподготвен (Гул.). Встречаются причастия с взаимным значением: Колко горестно бе мечтала за този миг — да ги види примирени до себе си (Дим.); причастия от глаголов *reflexiva tantum*: ... Ами защо си се умислил? Или ни свика на гости, за да те гледаме умислен? (Друм.).

Среди причастий, выступающих в рассматриваемой функции, много таких, которые имеют страдательное зна-

³⁴ Общность между придаточным дополнительным предложением и предикативным определением прямого дополнения подчеркивается еще и благодаря тому, что придаточное дополнительное предложение в болгарском языке нередко не имеет собственного подлежащего и присоединяется к главному предложению подобно тому, как это имеет место в случае предикативного определения при прямом дополнении. См.: К. П о п о в. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962, стр. 292—294.

чение. Например: Заслепен от умраза, той беше готов да види страната си изложена под бомбите (Март.); ...страхът на разбойниците, когато видят свърталището на своя главатар разрушено, ще ги накара да се замислят (Л. Стоян.); Държа войниците затворени две седмици, после ги прекара нощно време и ги пусна близо до Соуджак... (Л. Стоян.); Колко време ще го държат зазидан тук? (Карасл.); ...Интересно бе, че тая роза всякога намираха оставена на пейката зад манастирската ограда... (Е.-П.); — ... Там намерихме Симо убит, а агентите бяха избягали (Стрелк.); Влиза Венера с голяма дамска чанта, като оставя вратата отворена (Вас.); — Каквото ти каза — да си смятаме ръцете развързани... (Веж.); ...береше големи китки и ги туряше натопени в глинена чаша на своята малка масичка в килията си (Е.-П.).

Как показваает приведенный материал, круг причастий, употребляемых в качестве предикативного определения при прямом дополнении, ограничивается в принципе теми же грамматическими критериями, что и круг причастий, выступающих при существительном. Соприкосновение конструкции предикативного определения при прямом дополнении с придаточным дополнительным предложением дает свои особенности в употреблении причастий на -л. Однако эти особенности не затемняют факта, что и в этой позиции употребление причастий следует основным нормам функционирования причастий в составе класса прилагательных.

V

ПРИЧАСТИЕ В СОСТАВЕ КЛАССА ПРИГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Анализ причастной части класса приглагольных прилагательных представляет интерес с двух точек зрения. С одной стороны, он дает дальнейший материал для рассматриваемого вопроса о залоге в причастиях и составе причастной части класса прилагательных. С другой стороны, этот анализ необходим для окончательной характеристики грамматических черт имеющегося в болгарском языке особого подкласса приглагольных прилагательных. Как было показано, приглагольные прилагательные, отделяясь от общей массы прилагательных языка специфической позицией, по своим формальным чертам аналогичны остальным прилагательным (см. раздел «Класс приглагольных прилагательных», часть первая). В проводимом ниже анализе получит освещение вопрос, повторяют ли приглагольные прилагательные черты общего класса прилагательных и в своей причастной части. Этот вопрос является существенным для характеристики подкласса приглагольных прилагательных ввиду того, что именно причастия составляют подавляющее большинство слов этого подкласса.

Как можно видеть по списку, представленному на стр. 59—63, причастия подкласса приглагольных прилагательных в своей подавляющей массе являются образованиями от глагольных основ совершенного вида с суффиксами прошедшего времени *-л* и *-т* (*-т*).

Причастий с суффиксом *-л* в приведенном списке немного. Некоторые из них уже были представлены в таблице причастий, употребляющихся при существительном. Данные причастия являются образованиями от следующих глаголов без *се*:

изтръгнал — *изтръгна*
настръгнал — *настръгна*

обезумял — *обезумя*
пламнал — *пламна*
побеснял — *побеснял*

потъмнял — потъмнея
почервенял — почервенея
пробледнял — пробледнея

презеленял — презеленея
примижал — примижа

Как можно видеть, исходные глаголы указанных причастий однотипны: они являются глаголами без *се* с переходным характером. К этим глаголам нет в языке параллельных глаголов с *се*. Соответственно указанные причастия на *-л* не имеют в языке параллельных причастий на *-н (-т)*.

Кроме того, в списке слов подкласса приглагольных прилагательных представлен один случай причастия на *-л* от переходного глагола: *навел (глава) — наведя (глава)*. К этому причастию в языке имеется параллельное причастие на *-н*: *наведен*, образованное от глагола *наведя се*. Эта пара параллельных причастий на *-л* и *-н* является следствием того, что их исходные глаголы образуют смежную пару, отличаясь друг от друга отсутствием и наличием элемента *се*. Причастие *навел (глава)* имеет и еще одно отличие от остальных причастий на *-л*: будучи образовано от переходного глагола, оно сохраняет синтаксическую связь такого глагола и выступает с прямым дополнением *глава*.

В исследованном материале не встретилось ни одного случая употребления причастия на *-л* с элементом *се* в позиции подкласса приглагольных прилагательных.

Причастия на *-н(-т)* преобладают в списке приглагольных прилагательных. Часть из них уже можно было видеть в приводившейся таблице причастий, употребляемых при существительном. Все они являются образованиями от глаголов с *се*:

втречен — втречя се
възбуден — възбудя се
възхитен — възхитя се
загрижен — загрижа се
задъхан — задъхам се
замаян — замая се
замислен — замисля се
запъхтян — запъхтя се
зарадван — зарадвам се
засмян — засмя се
засрамен — засрамя се

захилен — захиля се
захласнат — захласна се
зачервен — зачервя се
зачуден — зачудя се
изненадан — изненадам се
изплашен — изплаша се
изумен — изумя се
наведен — наведя се
навъсен — навъся се
наежен — наежа се
нажален — нажала се

намръщен — намръщя се
намусен — намуся се
наскърбен — наскърбя се
насълзен — насълзя се
натъжен — натъжа се
начумерен — начумеря се
обиден — обидя се
обнадежден — обнадеж-
дя се
ободрен — ободря се
объркан — объркам се
огорчен — огорча се
озадачен — озадача се
озлобен — озлобя се
отчаян — отчая се
погнушен — погнуся се
поизплашен — поизпла-
ша се
покъртен — покъртя се
поласкан — поласка се
поражен — поразя се
поразсърден — поразсър-
дя се
потресен — потреса се
приведен — приведа се
развълнуван — развъл-
нувам се
раздразнен — раздраз-
ня се

разлютен — разлютя се
разсърден — разсърдя се
разтревожен — разт-
ревожа се
разтреперан — разтре-
пера се
свит — свия се
слисан — слисам се
смазан — смажа се
смаян — смая се
смутен — смутя се
стреснат — стресна се
съживен — съживя се
съкрушен — съкруша се
съсредоточен — съсре-
доточа се
угрижен — угрижа се
ужасен — ужася се
умислен — умисля се
уморен — уморя се
уплашен — уплаша се
услушан — ослушам се
усмихнат — усмихна се
унесен — унеса се
успокоен — успокоя се
ухилен — ухилия се
учуден — учудя се
ядосан — ядосам се

Состав причастий на *-н (-т)*, входящих в подкласс приглагольных прилагательных, особенно наглядно показывает шаткость определения этой причастной формы как имеющей страдательное значение. Слова подкласса приглагольных прилагательных в своей лексике характеризуют состояние человека и в большинстве случаев не совмещаются с представлением о том, что это состояние вызвано каким-то внешним деятелем. Анализ залогового значения исходных глаголов к причастиям на *-н (-т)* подкласса приглагольных прилагательных показывает, что значительная часть из них должна быть отнесена к так называемому возвратно-среднему залогу. Показательно, что целый ряд исходных глаголов, например, *засмея се, загля*

се, захласна се, намуся се, умисля се, усмихна се, ухилия се, вообще не употребляется в языке без элемента *се*, т. е. это глаголы *reflexiva tantum*.

Преобладание причастий на *-н (-т)* по сравнению с причастиями на *-л* связано с тем, что причастия на *-л*, как можно видеть, представлены практически только образованиями от непереходных глаголов, в то время как употребление причастий на *-л* от переходных глаголов ущемлено.

Из сказанного видно, что причастия подкласса приглагольных прилагательных в принципе повторяют картину залоговых отношений, наблюдаемую в причастиях, употребляемых при существительном: существо противопоставления залоговых форм причастий состоит в том, что они отражают противопоставление залоговых показателей исходных глаголов. Вместе с тем в подклассе приглагольных прилагательных по сравнению с общим классом прилагательных наблюдается некоторая специализация залоговых значений причастий на *-н (-т)* (нехарактерность страдательного и преобладание возвратно-среднего значения), которая связана с лексической спецификой подкласса приглагольных прилагательных.

В подклассе приглагольных прилагательных, помимо причастий от глагольных основ совершенного вида с суффиксами прошедшего времени *-л* и *-н (-т)*, представлены и единичные причастия с суффиксом настоящего времени *-щ*, образованные от основ несовершенного вида. Суффикс *-щ*, как уже указывалось, не является исконно болгарским и даже в литературном языке употребляется ограниченно. Употребление этих причастий в подклассе приглагольных прилагательных соответствует общей норме болгарского литературного языка. Встретившиеся здесь причастия *недоумяващ, торжествуващ* носят книжный характер. Это подчеркивается еще и тем, что глаголы, с которыми употреблен суффикс *-щ*, сами являются сугубо книжными.

Подводя общий итог рассмотрению причастной части подкласса приглагольных прилагательных, следует констатировать, что эти причастия по своим грамматическим чертам не имеют принципиальных отличий от причастной части общего класса прилагательных.

VI

ПРИЧАСТИЕ ПРИ ГЛАГОЛЕ *сѣм*

Два типа сочетаний глагола *сѣм* с причастием

Причастные сочетания с глаголом *сѣм* занимают в языке очень большое место. Объем их значительно больше, чем количество сочетаний с другими глаголами. Набор причастных форм, встречающихся в сочетании с глаголом *сѣм*, шире, чем набор таких форм в позиции при существительном. Наряду с выступающими в функции простого определения существительного причастиями от аористной основы на *-л* и *-н(-т)*, мы находим здесь причастную форму на *-л* с элементом *се*, а также такие причастия на *-л*, которые не характерны для позиции при существительном. Помимо этого, в сочетании с *сѣм* употребляется и причастие на *-л* и *-л* с *се* от имперфектной основы.

Сочетания глагола *сѣм* с причастиями в принципе представляют два разных грамматических явления. Одна часть таких сочетаний входит в рассматриваемое нами явление предикативного определения, другая же часть представляет собой сложные глагольные формы. Поэтому, чтобы определить круг причастий, входящих в конструкцию предикативного определения с глаголом *сѣм*, необходимо из всего арсенала сочетаний глагола *сѣм* с причастиями исключить конструкции сложных глагольных форм.

Известно, что сложные глагольные формы образуются путем соединения глагола *сѣм* с причастиями на *-л*. Для образования их используется и аористная и имперфектная основа глагола. Однако причастные формы на *-л* от имперфектной основы, образующие формы пересказывательного наклонения, достаточно четко обособляются от других сочетаний *сѣм* с причастиями. Поэтому внимание должно быть сосредоточено на тех сложных глагольных формах, в образовании которых участвует причастие от аористной основы, так как именно со сложными глагольными формами такого рода соприкасаются интересующие нас сочетания глагола *сѣм* с причастиями,

Система образования причастий на *-л* от аористой основы, участвующих в сложных глагольных формах, охватывает все глаголы языка. Конкретные формы этих причастий отражают залоговое противопоставление, причем, в отличие от причастий, выступающих как определение при существительном, отражают это противопоставление в том же виде, что и простые формы глагола. Как было показано, глаголы болгарского языка по своей залоговой форме делятся на глаголы с элементом *се* и глаголы с нулевой залоговой характеристикой. В соответствии с этим причастия на *-л*, входящие в сложные глагольные формы, имеют либо залоговый показатель *се*, либо нулевую залоговую характеристику. Причастия, соответствующие простым глагольным формам без *се*, имеют только суффикс *-л*, а причастия, соответствующие простым формам с элементом *се*, наряду с суффиксом *-л*, сохраняют залоговый показатель *се*: *седна* — *седнал* и *изгубя се* — *изгубил се*. Сложная форма глаголов без *се* имеет вид *съм* + *седнал*, а сложная форма глаголов с элементом *се* — *съм* + *изгубил се*.

Внутри группы глаголов без *се* проходит разделение в зависимости от категории переходности и непереходности глагола. Образование причастий, участвующих в сложных глагольных формах, охватывая все глаголы языка, в одинаковой мере распространяется как на переходные, так и на непереходные глаголы. Вследствие этого среди причастий с нулевой залоговой характеристикой, входящих в сложные формы глагола, наблюдается два типа: причастие на *-л* от непереходного глагола и причастие на *-л* от переходного глагола с прямым дополнением, например *седнал* и *оскубал (цветя)*. Таким образом, сложная форма глаголов без *се* также имеет две разновидности: *съм* + *седнал* и *съм* + *оскубал (цветя)*.

Критерии разграничения конструкции предикативного определения и сложной глагольной формы

1. Благодаря тому, что причастия, образованные от одного и того же глагола, используются для образования сложных глагольных форм путем сочетания с глаголом *съм* и выступают, как и чистые прилагательные, в конструкции предикативного определения с глаголом *съм*, мы сталкиваемся в языке с наличием параллельных пар

глагольных и причастных конструкций. Такие пары образуют предложения:

- I { а) Болна ли си лежала, та си толкова *повехнала*? (Петк.);
б) Горе, по върховете на дървото, листата му *бяха повехнали*, стърчени и сухи (Йовк.);
- II { а) Кажй ми, мале, що плачеш? Да не са татка *хванали*, хванали или убили? (Бот.);
б) Ръцете *бяха* груби, напукани и *хванали* слин (Йовк.);
- III { а) — ...Ти уж беше въздържател, пък днес какво *си се отпуснал* (Е.-П.);
б) Сега той беше по-свободен, *по-отпуснат* (Карасл).

В приведенных примерах предложения «а» содержат конструкцию сложной глагольной формы, построенную в соответствии с указанными выше нормами образования их в болгарском языке. Предложения «б» содержат конструкцию предикативного определения с причастием, что достаточно четко видно уже по употреблению причастия параллельно с чистым прилагательным как однородных членов. Первая пара предложений представляет параллельные конструкции от непереходных глаголов без *се*, вторая — от переходных глаголов без *се*, третья — от глаголов с элементом *се*.

Рассматривая картину сочетаний глагола *съм* с причастными образованиями, остановимся сначала на конструкциях от непереходных глаголов без *се*. Как видно из сопоставления предложений первой пары, конструкция сложной глагольной формы (*си повехнала*) и конструкция предикативного определения с глаголом *съм* (*бяха повехнали*) совпадают по своему внешнему облику. Это связано с тем, что у непереходных глаголов без *се* причастие, выступающее как часть сложной глагольной формы, и причастие, входящее в класс прилагательных и употребляющееся как предикативное определение, имеют одинаковое оформление. Можно привести еще ряд параллельных пар предложений, демонстрирующих близость сложной глагольной формы и конструкции предикативного определения с причастием на *-л* от непереходного глагола, например:

СЛОЖНАЯ
ГЛАГОЛЬНАЯ
ФОРМА

Очите ѝ горяха, а бузите ѝ леко бяха пламнали (Йовк.);

Той беше навикнал спокойно да посреща всеки удар на съдбата (Йовк.);

Той беше зажаднял за вода и вече предвкушаваше колко сладка ще му се стори първата глътка... (Гул.);

Горещината навън бе отслабнала и из полето на вълни се донасяха тъжни жътварски песни (Е.-П.); Големият мегдан... беше почернял от свят (Величк.);

До самия град тя не срещна ни една жива душа, кърът беше запустял (Ваз.);

КОНСТРУКЦИЯ
ПРЕДИКАТИВНОГО
ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Грива падаше и въз челото му, над очите, погледът му беше див, пламнал (Йовк.); И двете кобилки бяха още неопитомени..., навикнали на свобода, диви (Йовк.); Земята беше напукана, зажадняла за влага (Карасл.);

Тя беше състарена, сбръчкана, отслабнала и почерняла (Карасл.);

... сетне я превърнали на бакалница, която сега беше затворена и запустяла... (Карасл.).

Ввиду формального совпадения конструкции сложной глагольной формы и конструкции предикативного определения с причастием на -л от непереходного глагола, возможны случаи, где принадлежность конкретного сочетания «съм + причастие на -л» к той или иной конструкции установить трудно. Примером здесь может служить следующий текст: «Борис беше станал по-снажен, по-сериозен и по-внушителен. И бузите му бяха позагрубели, и очите му гледаха по-твърдо, и гласът му беше по-плътен» (Карасл.). Сочетание *бяха позагрубели* можно понимать и как сложную форму плюсквамперфекта, идущую в одном ряду с формой плюсквамперфекта *беше станал*, и как конструкцию предикативного определения, идущую в ряду других подобных конструкций (*станал по-снажен, беше по-плътен*).

Следует заметить, однако, что разграничение этих конструкций практически часто является мало актуальным, так как сложные временные формы несут в себе значение

результативности, что сближает их по значению с конструкцией предикативного определения, дающей качественную характеристику.

Несмотря на формальное совпадение двух типов конструкции «*съм* + причастие на *-л* от непереходного глагола», факт грамматического различия этих конструкций достаточно четко выражен в языке благодаря наличию грамматических и смысловых показателей контекста. Можно привести большое число примеров, когда принадлежность сочетания *съм* с причастием на *-л* от непереходного глагола к сложным формам достаточно определена. Так, в предложении «За няколко дена тя бе пораснала и цъфнала» (Е.-П.) сочетание *бе пораснала и цъфнала* предстает как сложная временная форма благодаря наличию обстоятельственной характеристики *за няколко дена*, которая поддерживает глагольное значение сочетания. В предложении «Кучетата бяха пресипнали да лаят по тях» (Вол.) сочетание *бяха пресипнали* имеет грамматическую связь, характерную для глагола: оно соединяется с «даизречением». Семантическое объединение с глаголом *лаят* делает глагольную сторону у сочетания *бяха пресипнали* еще более осязаемой. Глагольный характер сочетания «*съм* + причастие на *-л*» в предложении «Бяла пребрадка небрежно бе паднала над чело, та засени хубавото ѝ лице» (Е.-П.) выявляется благодаря тому, что это сочетание находится в тесной смысловой связи с идущим рядом глаголом. Эта связь состоит в том, что сочетание *бе паднала* и глагол *засени* характеризуют две стороны одного и того же реального действия. Кроме того, глагольный характер сочетания *бе паднала* поддерживается также имеющимся при нем обстоятельством образа действия. Сочетание *бе пораснал* в предложении «Павел... се чувствуваше чужд в къщата, дето бе се родил и пораснал» (Е.-П.) воспринимается как характеристика действия и, таким образом, как сложная форма глагола, так как вспомогательный глагол относится не только к причастию *пораснал*, но и к причастному образованию с элементом *се* (*се родил*), которое употребляется исключительно в составе сложных форм глагола.

Ввиду того, что сочетание «*съм* + причастие на *-л*» есть принцип построения сложных временных форм любого глагола языка и ввиду большой употребительности этих форм, при оценке омонимичного сочетания «*съм* + причастие на *-л* от непереходного глагола» более обычным

оказывается понимание его как сложной глагольной формы. Такое понимание менее нуждается в поддержке контекста, чем понимание этого сочетания как предикативного определения.

Тем не менее нередки случаи, когда сочетание *съм* с причастием на *-л* от непереходного глагола однозначно предстает как предикативное определение. Наиболее четким показателем такого значения является грамматический контекст, когда причастие стоит в ряду с другими прилагательными как однородный член: В градината още нямаше зеленина, но земята беше изпръхнала и топла (Йовк.); Тя беше все тъй хубава, поизтъняла, с избистрено лице... (Йовк.); Шията му беше дълга, опалена и позагрубяла като на костенурка (Карасл.); Гласът ѝ беше слаб, отпаднал (Карасл.); ...почти всички бяха неподстригани и брадясали (Веж.); На другия ден Станка беше уморена, отпаднала и замаяна (Карасл.); Лицата на всички бяха обветрени и загорели (Йовк.).

Таким образом, хотя причастие на *-л* является типичным для сложных глагольных форм, чрезвычайно широко распространенных в языке, факт функционирования причастия на *-л* от непереходных глаголов как предикативного определения при глаголе *съм* не вызывает сомнения.

2. Вторая пара предложений в приведенных образцах представляет параллельные конструкции сложной формы и предикативного определения от переходного глагола без *се*. Как и у всех глаголов без *се*, у переходного глагола *хвана* (*слин, татка*) форма причастия, используемого для образования сложного времени, и форма причастия, входящего в класс прилагательных и выступающего как предикативное определение, совпадают. Соответственно формально совпадают и конструкция сложного времени с конструкцией предикативного определения с глаголом *съм*. Различия их выявляются только при учете показателей других элементов предложения.

Конкретно в приведенной паре примеров сочетание *съм* с причастием *хванал* выявляется в предложении «а» как сложное время благодаря общему контексту и отсутствию каких-либо показателей, характерных для предикативного определения. В предложении «б» это сочетание однозначно раскрывается как конструкция предикативного определения, так как причастие *хванал* стоит в ряду однородных членов наравне с чистым прилагательным.

Однако по отношению к переходным глаголам без *се* у переходных глаголов есть существенное отличие. Причастная форма на *-л* от переходных глаголов систематически и без каких-либо ограничений используется только для образования сложных форм, например: Огнянова го нямаше.— Бурята го *е отнесла* (Ваз.); Ти си чиста душа. Никога не *си дигнала* ръка срещу човек (Карасл.); Снопите лежат неприбрани, войната *е объркала* всички сметки (Л. Стоян.); Я дай сега да видя как Чона ти *е превързала* раната (Л. Стоян.); За това има приказки, затова *са ги хората измислили* (Е.-П.); Вярно е, че той *беше запазил* имота, добитъка, всичко... (Йовк.); Наистина, едни хайти *бяха уплашили* Галунка... (Йовк.).

В противоположность этому использование причастия на *-л* от переходных глаголов как предикативного определения является фактом весьма редким. Приводимое выше в образцах конструкции предложение «Ръцете *бяха* груби, напукани и *хванали* слин» (Йовк.)— это единственный пример такого употребления, встретившийся нам.

Таким образом, для переходных глаголов возможность омонимии сочетания *съм* с причастием на *-л* практически не существует. Это сочетание в подавляющем большинстве случаев является сложной глагольной формой.

3. В противоположность двум первым случаям конструкция сложной формы и конструкция предикативного определения от глаголов с *се* противопоставляются в языке совершенно четко. Это наглядно видно на третьей паре предложений в приведенных образцах.

Среди причастий от глаголов с элементом *се*, функционирующих в сочетании с *съм*, употребляется не только причастная форма на *-н (-т)*, но и причастная форма, образованная путем прибавления к глагольной основе суффикса *-л* с сохранением элемента *се*. Эта причастная форма на *-л* с *се* не выступает, как можно было видеть, ни в одной другой позиции, характерной для прилагательного. Она систематически используется в языке только в сочетании с глаголом *съм*, образуя сложную глагольную форму. Таким путем образуются сложные формы глаголов с *се* с различными градациями их залогового значения: Лицето му *се беше зачервило* и очите му горяха *със зъл пламък* (Загорч.); Ротага *се бе заковала* на място... (Веж.); От силния пек, когато стигна, устните *й се бяха напукали* (Кор.); — Ти, даскале, как не *си се наредил* нейде на по-безопасно

(Л. Стоян.); *Бях се измъчил, отчаял се бях*. Баща ти навсякъде се заканваше да ме уволни... (Йовк.); Конете на една кола *бяха се подплашили* и бясно препускаха (Йовк.); *Тишина се бе спуснала* над града — странна, непривична тишина (Слав.).

Конструкция предикативного определения с глаголом *съм*, в которой используется причастие от глагола с *се*, контрастирует со сложной формой глагола с *се*, так как причастие, выступающее в роли предикативного определения, имеет форму, свойственную причастиям, выступающим в других позициях прилагательного — оно оформляется суффиксом *-н (-т)* при опущении элемента *се*. Например: Лицето на Станка *беше зачервено*, като че беше я пекло най-силното лятно слънце (Карасл.); Както после сам видя, такива картони с различни лозунги *бяха заковани* на дърветата... (Карасл.); Жените на всички тези мъже ... не ядеха ронлив царевичен хляб, кората на който *беше напукана* като петите на старите селянки... (Карасл.); В командния блиндаж, върху низка полирана масичка, домъкната тук кой знае от къде, *бе наредено* неначеното ядене... (Веж.); Станка виждаше колко *разтревожена и отчаяна* е майка ѝ... (Карасл.); Напред се чуваше тътен на копитата — хергелята *беше подплашена*... (Йовк.); А тя гледаше пред себе си, очите ѝ *бяха спуснати* надолу (Йовк.).

Таким образом, существующие в языке два рода частных образований от глаголов с элементом *се*, отмеченные разницей в залоговых показателях, дифференцируются в своем функционировании. Как предикативное определение с глаголом *съм* употребляется только причастие на *-н (-т)*, в то время как причастное образование на *-л* с *се* в такой конструкции не употребляется, а выступает лишь в сложных глагольных формах. Эта закономерность наблюдается при всех глаголах с элементом *се*, независимо от разновидностей их залогового значения.

Грамматические черты причастий в конструкции предикативного определения

Несмотря на сложность картины, возникающую благодаря соприкосновению конструкции предикативного определения со сложными глагольными формами, функцио-

нирование причастий в конструкции предикативного определения проследивается достаточно четко. Грамматические черты причастий в этой конструкции в значительной степени были уже выявлены при рассмотрении вопроса об отграничении ее от сложных глагольных форм. Как можно было видеть, в конструкции предикативного определения с глаголом *съм* выступает тот же круг причастий, что и в позиции при существительном. Наиболее общей чертой этих причастий является то, что все они образованы от непереходных глаголов, исключения крайне редки. От глаголов без *се* употребляется причастие на *-л*, а от глаголов с элементом *се* — причастие на *-н (-т)*.

У причастий на *-н(-т)*, употребляющихся в конструкции предикативного определения с глаголом *съм*, можно видеть те же разновидности залогового значения, свойственные глаголам с *се*, которые наблюдаются у причастий этой формы и в других позициях класса прилагательных. Большой массив составляют причастия на *-н(-т)* с возвратно-средним залоговым значением: И двете *бяха* по на тридесет и пет години, *запазени, охранени...* (Е.-П.); ... дето сигурно и жените *са по-наконтени* и по-хубави дори от нашите гражданки... (Карасл.); Като го видиш ... как *е вдълбочено* в себе си, как *се държи* все о пътя, като същински пътник, ще речеш... (Йовк.); ... прочете му все *бяха насълзени* (Йовк.); Лицето му *бе разстроено* (Веж.); Сухото лице не *бе вече смръщено* (Веж.); Главата му *беше замаяна* леко... (Карасл.); Смъртна умраза ги изпълва, ушите им *са свити...* (Йовк.); Прекара, както правят селяните, кога *са уморени*, пръст по челото си... (Йовк.); Широкото му изпръхнало лице *беше така разведрено*, както никога досега не беше го виждал (Веж.).

К случаям возвратно-среднего значения можно отнести причастия и в следующих предложениях, в которых некоторые элементы структуры могут быть приняты за основание толкования их как имеющих страдательное значение: прочете му *бяха разширени и помътени* от болката... (Веж.); Струва ми се даже, че той *бе озарен* от някаква странна, хубава усмивка (Е.-П.); ...страните ѝ още *бяха зачервени* от сълзите (Карасл.); Лицето му *бе зачервено* от недоволство (Веж.); Кръстю ... хъкаше отвреме-навреме за да не се разбере колко *е унил и разбит* от тази история... (Карасл.); Слав *беше поласкан* от радушното посрещане (Карасл.).

В приведенных предложениях при причастиях имеются косвенные дополнения с предлогом *от*. С помощью этого предлога в конструкциях с причастием страдательного значения вводится дополнение, обозначающее реальный производитель действия. По аналогии в этих конструкциях, косвенные дополнения с предлогом *от* в приведенных примерах тоже могут быть восприняты как указатель на реального производителя действия. Однако имеющиеся в приведенных предложениях дополнения с предлогом *от* скорее можно интерпретировать как обстоятельства причины.

Отсутствие резких границ между различными значениями причастий на *-н(-т)*, которое уже отмечалось при рассмотрении этих причастий в позиции при существительном, приводит к тому, что в целом ряде случаев залоговое значение причастий раскрывается лишь в условиях контекста. Так, в приводимых ниже предложениях причастия на *-н(-т)*, сами по себе допускающие трактовку их и как страдательных по значению, выявляются как возвратно-средние благодаря условиям контекста: *Къдравите му коси бяха разбъркани* (Йовк.); *Това гукане в всеки последващ миг се засилва, повишава се, изпълнено е с молба, с нежност, с любов* (Йовк.); *Селото беше потопено в мрак и тишина* (Карасл.); *Само Кръстевица, макар че сърцето ѝ беше преломено, се мъчеше да крепи разговора* (Карасл.); — *В селото гласовете бяха разпределени както и в околията — отговори Киро* (Карасл.); *Устните му бяха стиснати и долната челюст, обрасла в мека жълтеникава брада, издаваше непоколебима решителност* (Л. Стоян.).

Внутри причастий на *-н(-т)* с возвратно-средним значением, выступающих в конструкции предикативного определения с глаголом *съм*, наблюдаются все те разновидности залогового значения, которые отмечались у причастий этой группы в позиции при существительном. Здесь представлены причастия с собственно-возвратным значением, например: *Василена не беше пременена както отзана, но все беше останало нещо ново по нея* (Йовк.); *Беше облечен в дрипи, виждаха се голите му бедра* (Л. Стоян.); *Беше запасан с лъскав черен пояс, в който беше затъкнал войнишки нож* (Карасл.); *Беше потопен сякаш в свой вътрешен живот...* (Йовк.); *На него само му направи впечатление, че тя е наконтена, нагласена, нацапана с пудра и червило* (Карасл.); — ...*Че кой не е набелен и*

начервен в днешния век (Е.-П.); Изобщо макар да *бе привързан* към хората, обичаше да остава нощем сам (Веж.).

В конструкции с *съм* имеются причастия, залоговое значение которых может быть определено как взаимное: А Захария *беше скаран* с него и се боеше да го срещне (Йовк.).

Очень много причастий от глаголов со средним залоговым значением: Сплеснатата му коса *бе леко посребрена* (Е.-П.); Очите му *бяха замъглени* и изглеждаха синкави (Йовк.);... не *вълкът* беше се хванал в капана, а Анадолецът. И *беше мъртъв, вкочанен* (Йовк.); Марина *беше нацупена*, тя се дускаше като че я бяха ограбили (Карасл.); Очите им *са замътени*, като на пияни (Йовк.); Мургавото ѝ хубаво лице ... *беше изкривено* в безсилни гърчове (Л. Стоян.); Дойде и Синап. *Беше замислен* (Л. Стоян.).

Среди примеров такой конструкции можно видеть ряд причастных образований от глаголов *reflexiva tantum*: Захари *беше доволен, усмихнат*, господарски важен (Йовк.); И никакви следи нямаше от плач по лицето ѝ — *усмихната беше*, щастлива (Йовк.); Как така може да *е влюбен* като през цялата сутрин зяпаше по момичетата... (Веж.).

Среди предикативных определений с глаголом *съм* большое место занимают причастия на *-н(-т)* со страдательным значением. Однако эти причастия, несмотря на свою распространенность, не определяют облика всей группы причастий на *-н(-т)* в конструкции предикативного определения с глаголом *съм*. По приведенным нами примерам можно представить, насколько широко распространено употребление в этой конструкции причастий на *-н(-т)* с другими, нестрадательными залоговыми значениями.

Особенность сочетаний «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения»

1. Страдательное значение причастий на *-н(-т)*, как и в позиции при существительном, является и в сочетаниях с *съм* лишь одним из значений этой формы наравне с другими значениями. О характере употребления в сочетании с глаголом *съм* причастий на *-н(-т)*, имеющих страдательное значение, можно составить представление

по таким примерам: Изкачи се по стълбите, вратата пред него *беше отворена* и той влезе в хаея (Йовк.); Чаушинът-албанец се опита да възрази, но *бе смъкнат* на земята и *вързан* (Л. Стоян.); Войникът го погледна недружелюбно, измърмори неясно, че колата *е претоварена*, после внезапно изчезна... (Веж.); Дори това, което зависеше от тях, *не бе сторено* (Веж.); Бунтът *бе наказан*, да се знае и помни за бъдни времена (Л. Стоян.).

Наблюдая характер употребления причастий на *-н(-т)* со страдательным значением на приведенном здесь материале, нетрудно заметить, что конструкции глагола *съм* с этими причастиями в своей тенденции группируются в два типа. Один тип выражает наличие качества как следствия действия, а другой тип подчеркивает само действие.

К первому типу в приведенном материале относится, например, предложение «Изкачи се по стълбите, вратата пред него *беше отворена* и той влезе в хаея» (Йовк.). В этом предложении конструкция *беше отворена* констатирует некое качество, присущее существительному *вратата* в момент протекания описываемых событий. Этот тип широко представлен в языке: Галунка се върна в къщи и понадигна капака на сандъка, за да види дали *е заключен* (Йовк.); Като стигнаха там, видяха, че шутият вол, Комура, както *беше впрегнат*, *беше легнал* (Йовк.); Мраморните стълби пред вратите *са изтрити* от стъпките на богомолци (Е.-П.);... едното му ухо и едната му буза *бяха покрити* с лед, който той не махаше (Йовк.); «Защо светът *е* така криво и лошо *нареден?*» (Карасл.); От кръвта му снегът *беше зачервен* (Йовк.); Шинелите *бяха тънки и износени*, кепетата *изпомачкани* ... (Веж.); На два разкрача от Тъкачев *беше застанал* един нисък ергенин със салтамарка, която цялата *беше уплетена* с гайтан (Карасл.).

Существует ряд грамматических показателей, сигнализирующих, что сочетание *съм* с причастием на *-н(-т)* страдательного значения фиксирует именно качество, присущее предмету, а не действие. Наиболее общим показателем является контекст. Например, в предложении «От малките къшурки излизаха мъже, жени, младежи, тичаха през широките тревясаля дворища, повечето от които *бяха обградени* с плетища и драки, и излизаха на улицата за да видят какво става» (Карасл.) сочетание *бяха обграде-*

ни может быть понято только как характеристика качества, присущего существительному *дворища*. Такое понимание поддерживается тем, что содержащее это сочетание определяющее придаточное предложение выпадает из развития действия главного предложения, не связано с ним. Оно дает характеристику, независимую от этого развития действия.

Точно так же контекст указывает на тип сочетания *съм* с причастиями в предложении «По стените на къщите се виждаха пресни следи от пробите на куршуми и малокалибрени снаряди — тук-там някоя стена *бе съборена*, някоя врата *изкъртена*, някое дърво *обелено...*» (Веж.). Причастия *съборен*, *изкъртен*, *обелен* выражают качество определяемых предметов. Этот характер причастий в сочетании с *съм* подчеркивается предшествующим обобщающим все эти качества словом *следи*, указывающим на овеществленность даваемых в причастиях характеристик.

Аналогично рассмотренным случаям контекст показывает, что сочетание *съм* с причастием на *-н(-т)* страдательного значения дает характеристику качества и в следующем предложении: От трите страни котата *бе опасана* с два реда дълбоки окопи, остри ескарпове правеха недостъпна челната страна, а солидно изградените бункери бяха надежно закритие дори срещу артилерията (Веж.). В этом примере соединены сочинительной связью три предложения. Второе и третье из них содержат конструкции предикативного определения. Синтаксический тип построения этих двух предложений поддерживает понимание сочетания *бе опасана* как конструкции предикативного определения, дающей характеристику качества существительного *котата*.

Не только в более широком контексте, но и внутри самого предложения, содержащего сочетание *съм* с причастием на *-н(-т)* страдательного значения, нередко имеются показатели, свидетельствующие о типе этого сочетания. Такие показатели могут содержаться, например, в обстоятельственной характеристике. Так, в предложении «Още от казармата те *са приучени и възпитани* да понасят «търпеливо негодите и лишенията на войнишкия живот» (Веж.) временная характеристика *още от казармата* указывает на длительность существования признака, данного в причастии, что подкрепляет значение качества у причастия в сочетании с *съм*.

Типичным контекстом для сочетания *съм* с причастием на *-н(-т)*, характеризующим качество, является сложное предложение, в котором простое предложение, содержащее указанное сочетание, выражает причину, условие осуществления действий второго простого предложения: исходное условие в таких предложениях предполагается как нечто данное, и это поддерживает качественную сторону причастия в таком сочетании. Например: *Селото беше затъмнено и той дълго скита из селските улици...* (Веж.); *Прозорчето беше отворено, а въздух като че не им достигаше...* (Карасл.); *Тази вражда беше спотаена, понякога дори неподозирана, но тя все по-дълбоко разяждаше душите и на малки, и на големи от двете съседни къщи* (Карасл.); *Каскетът му беше килнат назад, тъй че разкъдрената му коса се развяваше над челото...* (Йовк.); *Само в дъното имаше дълбок дъсчен нар, на който, по всяка вероятност, вечер спяха пътници, когато двете стаи на хана бяха заети* (Карасл.); *Вратата на ротната канцелария бе отключена, но вътре нямаше никой* (Веж.).

Тип конструкции четко определяется в тех случаях, когда причастие на *-н(-т)* страдательного значения является одним из однородных членов при глаголе *съм*, среди которых имеется и чистое прилагательное: *Стаята беше топла и задимена, миришеше леко на изгорели дърва* (Веж.); *Инак беше доста хубавеляк, лицето му беше кръгло, избръснато...* (Йовк.); *Тревата беше чиста, топла, огряна от слънцето* (Йовк.); —... *Те са толкова надутти, толкова измислени и безчувствени!* (Е.-П.); *Клоните на дърветата бяха отрупани със сняг, увиснали и чудновати като в някаква приказка* (Карасл.); — *Тютюнът не е купен, аз съм си го рязал, но е хубав* (Карасл.); *Оръдието наистина беше здраво, но килнато силно настрана от експлозията и той загуби скъпоценно време, за да го намести* (Веж.); *Но ето че пред тях, на другата страна, се изпречи висок, стръмен склон. И не само беше стръмен, а неровен, изкопан от големи ями...* (Йовк.); *Другият... беше широкоплещест, приведен...* (Йовк.).

Подобные предложения наиболее наглядно демонстрируют существование «качественного» типа конструкции «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения».

2. Второй тип конструкции «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения» представлен в предложении «*Чаушинът-албанец се опита да възрази, но бе смък-*

нат на земята и вързан» (Л. Стоян.). В противоположность первому типу сочетание *бе смъкнат и вързан* не дает качественную характеристику, а выражает действие. Такой тип конструкции встречается в литературном языке весьма часто.

Значение действия у сочетания глагола *съм* с причастием на *-н(-т)* выявляется в значительной мере его контекстом. Существенным моментом здесь оказывается включение действия, выраженного конструкцией с причастием, в последовательность действий, выраженных глаголами: Ротата вдясно атакува стремително, но *бе върната* (Веж.); Когато ракията беше *разпределена* в чашките, Иван Тодоров се приведе малко напред като от някоя трибуна (Карасл.); Едва когато в боя се намесиха немските резерви, напредването на българския полк *бе спряно* от непреодолим огън (Веж.).

В типе значения сочетания *съм* с причастием на *-н(-т)* играет роль также и грамматический контекст. Так, в предложении «В тоя миг на командното място пристигна заповед: атаката да продължи на всяка цена, котата *да бъде обходена*» (Веж.) имеется описательная повелительная форма с *да*, где сочетание *да бъде обходена* выступает в одном ряду с глагольной формой *да продължи* подобно однородным членам. Благодаря этому в сочетании *да бъде обходена* подчеркивается сторона действия.

Другой случай влияния грамматического контекста представляет предложение «Слънцето подскочи високо и всичко беше се свършило: пръснатите овце *бяха събрани*, Давидко изпохапан, изпоранен, цял в кърви, *беше занесен* в болницата, а вълчицата, просната на цялата си дължина, лежеше мъртва на тревата» (Йовк.). В этом сложном предложении простое предложение *всичко беше се свършило* является обобщающим для последующей цепи простых предложений, т. е. каждое из этих последующих предложений лишь конкретизирует уже сказанное. В указанном обобщающем предложении в роли сказуемого выступает глагол и соответственно в конкретизирующих предложениях сочетание *съм* с причастием на *-н(-т)* воспринимается как несущее значение действия, а не качества.

Значение действия в конструкции «*съм + причастие на -н(-т)*» нередко подчеркивается в результате того, что эта конструкция попадает в ряд глагольных форм, среди которых она выступает как их парадигматическая разно-

видность: «Тук в склада все пак има достатъчно дрехи, за да се раздадат на най-окъсаните, но и те не са раздадени» (Веж.).

Конструкции «съм + причастие на -н(-т)», несущие значение действия, отличаются от конструкций со значением качества тем, что при них более распространено употребление обстоятельственных характеристик. Это связано с тем, что в конструкциях со значением качества причастия подобны чистым прилагательным, а их глагольная сторона в значительной мере ущемлена. Присутствующие в предложениях с конструкцией «съм + причастие на -н(-т)» обстоятельственные характеристики нередко служат контекстуальной поддержкой значения действия у этой конструкции. Типичным в этом отношении является обстоятельство времени в тех случаях, когда оно соотносит указываемый в конструкции признак с каким-нибудь конкретным, ограниченным моментом, что исключает понимание этого признака как качества, для которого характерно отсутствие ограничения во времени. Например: Фирмата още на другия ден бе направена от един учител... (Е.-П.); Ротата бе строена едва след половин час (Веж.); Най-после всички волове бяха вързани (Йовк.); Тайнственият смисъл на целия негов живот бе разрешен в тая минута на срещата... (Е.-П.); ... селото, което бе освободено преди няколко часа (Веж.).

Значение действия могут поддерживать также и обстоятельства места, обстоятельства образа действия: Пробивът бе извършен на фронта на съседната дивизия... (Веж.); Ударът бе проведен със светкавична бързина (Веж.); Тъй бе разкъсано жълтото куче (Йовк.).

Косвенное дополнение с предлогом *от*, вводящее указание на реального производителя действия, в определенной мере также поддерживает у сочетания *съм* с причастием на *-н(-т)* значение действия. Например: Тъкачев... излезе точно там, дето Куминов беше посрещнат от старшията (Карасл.); След това песента беше подхваната от всички (Карасл.).

Однако такое дополнение не является абсолютным показателем значения действия у конструкции. Подобное дополнение может иметь характер указания на причину и с таким значением встречается также и в случаях, когда конструкция содержит качественную характеристику, например: ...едната му вежда беше разсечена от стара рана (Йовк.).

Говоря о качественной характеристике, содержащейся в конструкции «*съм* + причастие на *-н(-т)*», мы концентрировали внимание на тех случаях, в которых причастие в наибольшей степени подобно чистому прилагательному. Существует большое число случаев сочетания *съм* с причастием на *-н(-т)* страдательного значения, в которых сторона качества у причастия не достигает такой степени приближения к чистому прилагательному. Такие конструкции обозначают скорее не качество, а состояние, возникшее в результате действия, причем действие это может быть подчеркнутым в большей или меньшей степени. Например: ... конят го гледа, но пак стои, единият му преден крак виси в въздуха, на коляното кожата *е обелена* от удар (Йовк.); В това време на вратата на задимената кръчмарница се показа Атанас Пинтов, кръстът на когото *беше окичен* с диви патици (Карасл.); —...А ти — наблягаше Киро на зет си, — виж как *са наредени* поголемите обуцарници, как работят... (Карасл.); ...но той все още *бе жив* — *не бе дори одраскан*... (Веж.); Макар да *бе достатъчно тънък*, *коланът бе стегнат* повече отколкото талията позволяваше и това му придаваше някакъв неестествен, наперен изглед (Веж.); Сега тъмната рунтава гугла на стария Прангов *беше килната*, той *беше си «дръпнал»* в някоя кръчма, както се изразяваше жена му (Карасл.).

Конструкция «*съм* + причастие на *-н(-т)*» со значением качества и аналогичная конструкция со значением действия, существование которых совершенно определенно проявляется в языке, являются своего рода полярными точками. Между этими крайними значениями, характеризующими типы, существует много промежуточных случаев, которые стоят на рубеже между одним и другим значением и лишь в своей тенденции тяготеют к тому или другому типу.

* * *

Характеристика грамматических черт причастий при глаголе *съм* должна быть, таким образом, дополнена следующим выводом. В функции предикативного определения при глаголе *съм* употребляются все те причастные формы на *-н(-т)*, которые можно было видеть в позиции при существительном: образования от глаголов с собственно воз-

вратным, взаимным, средним залоговым значением, от глаголов *reflexiva tantum* и глаголов со страдательным значением. Все эти сочетания подобны сочетаниям прилагательного с глаголом *съм*.

Вместе с тем в сочетаниях причастия на *-н(-т)* страдательного значения с глаголом *съм*, наряду с конструкцией, в которой причастие уподобляется прилагательному, наблюдается еще один тип конструкции, имеющий значение действия и благодаря этому в определенной мере приобретающий характер сложной глагольной формы. Такая способность причастий на *-н(-т)* страдательного значения образовывать в сочетании с *съм* конструкции двоякого рода ставит эти причастия в несколько обособленное положение по отношению к причастиям на *-н(-т)* с другими залоговыми значениями, для которых образование в сочетании с *съм* конструкции со значением действия не характерно. Таким образом, сочетание с *съм* — это единственная позиция, в которой причастие на *-н(-т)* со страдательным значением выходит за пределы грамматических черт, общих для всех причастий на *-н(-т)*.

VII

МЕСТО СОЧЕТАНИЯ «СЪМ + ПРИЧАСТИЕ НА -Н(-Т) СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ», ВЫРАЖАЮЩЕГО ДЕЙСТВИЕ, В СИСТЕМЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Отношения между сочетанием «съм + причастие на -н(-т)», выражающим действие, и парадигмой глагола с *се* страдательного значения

Функционирование в болгарском языке сочетаний «съм + причастие на -н(-т) страдательного значения», обозначающих действие, ставит вопрос о том, в каком отношении эти сочетания находятся к личным формам исходного глагола, так как функция обозначения действия присуща в языке именно таким формам. Для выполнения этой задачи необходимо дать картину форм, имеющих ся у глаголов с *се* страдательного значения.

Временная парадигма глагола с *се* страдательного значения

1. Как известно, глаголы болгарского языка имеют развитую парадигму форм, связанных с категориями времени и наклонения. В изъявительном наклонении временная парадигма глагола имеет следующие формы:

настоящее время	<i>чета</i>
прошедшее соверш.	<i>четох</i>
прошедшее несоверш.	<i>четях</i>
прошедшее неопред.	<i>съм чел</i>
прошедшее предварит.	<i>бях чел</i>
будущее время	<i>ще чета</i>
будущее в прошед.	<i>щях да чета</i>

будущее предварит.

ще съм чел

будущее предварит. в прошед.

циях да съм чел

Подобная парадигма теоретически должна быть и у глагола с *се* страдательного значения. Л. Андрейчин в своей работе «Залог в болгарской глагольной системе» действительно приводит такую парадигму:

настоящее время	Стенвестникът <i>се четé</i> от всички.
прошедшее соверш.	Стенвестникът <i>се чéте</i> от всички.
прошедшее несоверш.	Стенвестникът <i>се четеше</i> от всички.
прошедшее предварит.	Стенвестникът <i>беше се чел</i> от всички.
прошедшее неопред.	Стенвестникът <i>се е чел</i> от всички.
будущее время	Стенвестникът <i>ще се чете</i> от всички.
будущее в прошед.	Стенвестникът <i>щеше да се чете</i> от всички.
будущее предварит.	Стенвестникът <i>ще се е чел</i> от всички ³⁵ .

Посмотрим, однако, какие формы глагола с *се* страдательного значения реально функционируют в языке. Привлеченный для исследования материал показывает, что глаголы с *се* страдательного значения систематически употребляются в языке в следующих формах:

настоящее время: И тия говорят за фасул! Коего в всяка къща *се казва* по сто пъти на ден... (Л. Стоян.); Над спуснати червени и национални знамена *се чете* лозунгът... («Раб. дело»); ... *стягат се* коне и мулета, *леят се* куршуми, *коват се* и точат ножове. И всички бързат при Синапа... (Л. Стоян.); Понеже редът в страната ми е компрометиран, държавните закони не се зачитат и *се пренебрегват*... (Л. Стоян.); ...явявам, че отсега — нататък тези проклети разбойници, като рушители на

³⁵ Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. «Български език», 1956, № 2, стр. 116. См. также: Л. А н д р е й ч и н. Глаголните времена в българското страдателно спряжение. «Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан». София, 1955, стр. 73.

държавата и мирната рая, *се предават* безусловно на из-
требване и затриване от лицето на земята (Л. Стоян.);
Тук идеха клиенти, за да видят как *се изпълняват* поръч-
ките им... (Карасл.);

прошедшее совершенное: Възникналите въпроси се ока-
заха много упорити в своята неясност и затова *се избра*
комисия (Е.-П.); Ти ставаш главен. *Получи се* писмо
(Л. Стоян.); За празника това беше истински удар; той
продължи, докато *се дойде* яденето и *се допиха* чашите
(Л. Стоян.); След като *се даде* това успокоително пре-
дупреждение на домочадията, престъпи се до работа
(Ваз.); Вместо брашно мнозина мелеха жълд, но и той
се обра, после тръгнаха да съберат шикалки и борови шу-
шулки (Л. Стоян.); Още преди Петровден *се раздаде* и
последното зърно и хората залитаха като сенки... (Л. Сто-
ян.); — И така — продължаваше телялинът, — понеже...
всички тия разбойници, заедно с началниците си, се поко-
риха, ... *написа се* настоящата височайша бюрултия от
страна на румелийския диван и ви се изпраща... (Л. Сто-
ян.);

прошедшее несовершенное: Окръжният съд заседава-
ше в пълен състав. *Гледаше се* делото на Митре Мариин...
(Е.-П.); В някои стихотворения *се възпяваше* селяшката
неволя (Л. Стоян.); Няма, няма, няма... Тази песен *се*
пееше откакто тя се помнеше като човек... (Л. Стоян.);
Всяка събота вечер от осем часа в квартирата на околий-
ския началник Киселов *се играеше* покер (Веж.); Изли-
зането на полковете на изходните позиции *се провеждаше*
още по-лошо (Веж.); Понякога вълчицата обикаляше
близо до чифлика, промъкваше се между стадата, — това
отпосле *се узнаваше*... (Йовк.); Качамакът стана богатско
ядене, хлеб не *се намираше* и за жълтица (Л. Стоян.);
... хамбарите разтваряха пълни пазви, житото се разлива-
ше като злато, *товареше се* на коне и мулета... (Л. Стоян.);

будущее время: В полицията заявяват, че *ще се опре-*
дели парична награда за главата му (Л. Стоян.); ...тя на-
реждаше кое ще остане, кое *ще се занесе* в града, кое *ще*
се продаде (Йовк.); — Утре никакъв добитък *няма да се*
изкарва навън. Всички волове и крави, всички коне и овце-
те *ще се закарат* на пазаря в града (Йовк.); Хората идваха
от всички страни. Знаеха, че тук *ще се реши* голямата грижа
за хляба (Л. Стоян.); — До нова година всичко ще мине и
ще се забрави (Карасл.);

будущее в прошедшем: Всичко това щеше да се избегне, ако бяха си вървели право по пътя и бяха минали чрез Сърнено (Йовк.).

Как видно из приведенного материала, в языковой практике из временных форм глаголов с *се* страдательного значения используются главным образом формы настоящего времени, прошедшего совершенного, прошедшего несовершенного, будущего и будущего в прошедшем. Формы прошедшего неопределенного и прошедшего предварительного практически не употребляются, хотя использование их, возможно, не исключено. Случаем употребления формы прошедшего неопределенного можно было бы, например, считать предложение «Никога досега на хората на труда не *се е оказвало* такова внимание и грижа» («Раб. дело»). Точная квалификация формы *се е оказвало*, однако, затруднена тем, что глагол имеет окончание среднего рода и может быть понят не только как страдательный, согласуемый с существительным среднего рода *внимание*, но и как безличный. Тот факт, что в анализируемом предложении имеется два существительных (*внимание и грижа*), благодаря чему допустимо понимание формы *се е оказвало* как соотнесенной с обоими существительными, является аргументом в пользу трактовки этой формы как безличного глагола.

Такой характер употребления временных форм глаголов с *се* страдательного значения выявляет определенный грамматический принцип: в языке наблюдается функционирование простых временных форм этих глаголов, в то время как сложные временные формы, образуемые с помощью глагола *съм* и причастной формы на *-л* с *се*, не используются.

2. Л. Андрейчин, приводя парадигму глагола с *се* страдательного значения, дает и указания на характер употребления отдельных временных форм. Л. Андрейчин отмечает некоторую ущемленность употребления прошедших времен таких глаголов в противоположность свободному употреблению их в формах настоящего времени³⁶. Обстоятельное изучение этого вопроса Л. Андрейчин считает одной из задач болгаристики.

³⁶ Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система, стр. 120.

Уже первый вывод о практическом отсутствии сложных прошедших времен уточняет картину употребления временных форм у глаголов с *се* страдательного значения. Для более исчерпывающего понимания функционирования системы временных форм у этих глаголов необходимо детальнее проанализировать возможности употребления наличных форм.

Возможности употребления отдельных временных форм глаголов с *се* страдательного значения обусловлены сферой функционирования таких глаголов, которая, в свою очередь, связана со спецификой залогового значения, свойственного этой группе глаголов с *се*.

В наиболее общем виде грамматическое значение так называемых страдательных глаголов с *се* определяется как отстранение реального производителя действия от самого действия. В предложениях с такими глаголами на первый план выдвигается само действие, а вопрос о лице, с которым это действие связано, оставляется в стороне. По своему грамматическому значению и по принципиальной модели своего образования такие предложения объединяются с безличными. Существо модели образования таких предложений состоит в том, что в предложении с глаголом действительного залога производится замена глагола без *се* на глагол с *се* и опускается существительное-подлежащее, обозначающее реального производителя действия. Например:

- а) Той продава хляба двойно.
Хлябът се продава двойно.
- б) Той говореше за класова борба.
Говореше се за класова борба.

При этой принципиальной общности модели в образовании страдательных предложений имеется особенность, состоящая в том, что глагол с *се* согласуется с существительным, обозначающим объект действия (в исходном предложении это существительное является прямым дополнением, а в страдательном — подлежащим). Эта особенность, однако, является вариационной. Она не может затемнить формальной близости обоих рассмотренных случаев и общности их грамматического значения. Не случайно Л. Андрейчин объединяет глаголы обоих типов предложений в единый страдательно-безличный залог, который он именуется также «бессубъектным» залогом.

Обычно считается, что соотношение между предложением с глаголом действительного залога и предложением с глаголом с *се* страдательного значения состоит в том, что в первом предложении подлежащим обозначается субъект действия, а прямым дополнением — объект его, в то время как во втором предложении в роли подлежащего выступает объект действия, а субъект действия указывается в виде косвенного дополнения с предлогом *от*. Однако на самом деле такое дополнение употребляется исключительно редко. При исследовании материала можно встретить лишь единичные случаи такого употребления, например «Кръстю се догаждаше, че тази раздяла *се прави* с план от родителите на Тъкачев» (Карасл.). Этот факт подчеркивает, что основной смысл употребления конструкции с глаголом с *се* страдательного залога состоит в подчеркивании самого действия безотносительно к его реальному производителю.

В соответствии с таким грамматическим значением рассматриваемые нами глаголы с *се* имеют достаточно определенную область функционирования.

Одним из характерных случаев *употребления таких глаголов с *се* является их употребление для обозначения действия обычного, всегда наблюдаемого и, таким образом, не связанного с каким-то конкретным производителем действия. Например: — ...Да я науча, как *се бере* чуждо лозе (Е.-П.); — Не ща, не ща, няма да го отсека, таквоз дърво *отсича* ли *се*? (Йовк.); — ...Злато земя, и под вода е, такова место сега с пари *се не купува* (Карасл.); — Ставай, разбойнико, да те науча аз как *се бере* чужда царевица (Карасл.); — Ами толкова пари *носят* ли *се*, а! (Карасл.); ...забравили са как *се носи* военната служба (Веж.); В редица случаи *се вдига* повече шум, вместо да *се води* упорита организационна работа... («Раб. дело»); ...своите братушки, за които *се пеят* песни и *се разказват* приказки (Карасл.); Та тя и без това имаше едно особено предчувствие, че такова голямо щастие не *се постига* лесно (Карасл.).

Глаголы с *се* употребляются и для обозначения частного, единичного действия в тех случаях, когда производитель, с которым это действие связано, не привлекает внимание говорящего или неизвестен ему: — ...Всяка стъпка на отделна личност *се наблюдава* (Л. Стоян.); — Ами за Станка какво *се приказва*, мари невясто? (Карасл.);

Най-много пари от държавния бюджет *се харчат* за военните доставки (Карасл.); Тя с недоумение научи, че нейният син *се диреше*, задето бе избягал от войната (Л. Стоян); Онова, което само *се шепнеше* и кое му вярваха, кое не, най-после стана (Йовк.).

Типичной сферой бытования глаголов с *се* страдательного значения является употребление их в различных конструкциях с так называемым «да-изречением». В этих случаях действие не связано с его конкретным осуществлением в реальной действительности, а является лишь возможным, желаемым, лишь называется.

Широко распространены глаголы с *се* страдательного значения в конструкциях с модальными глаголами *трябва*, *може*, например:

с глаголом *трябва*: ...воловете щяха да дойдат и *трябваше да се настанят* (Йовк.); Много добитък съшо тъй беше изпохапан и *трябваше да се заколи* (Йовк.); *Трябваше злото да се чисти* от корен... (Л. Стоян.); Всички бяха съучастници на разбойника и затова *трябваше «да се залечат* от списъка на живите същества, *да се умъртвят* и страниците на царските регистри да се освободят от техните гнусни и предателски имена» (Л. Стоян.); *Трябва всичко от нишката да се подреди, да се изтъче*, че и *да се ушие* (Карасл.); Все пак от приличие *трябваше да се каже* нещо (Карасл.); И затова *трябва двреме да се вземат* мерки (Карасл.); И затова тази младежка страст *трябваше да се пресече* и тези глупави проекти *да се разтурят* (Карасл.);

с глаголом *може*: Хергелджиите наистина носеха дълги по три-четири метра камшици, но с тях много нещо не можеше *да се направи* (Йовк.); Или пък, което даваха, не можеше *да се пипне*: товар жито — за товар злато (Л. Стоян.); Мехмед Синап... знае къде отива житото и къде *може да се намери* (Л. Стоян.); «... поради което не ще могат *да се изпълняват* дори и най-главните функции на властта» (Л. Стоян.); По-лесно можеше *да се преплува* морето, отколкото да се изброди, без пътища и пътеки, незнатното царство на Синапа (Л. Стоян.); Голяма беше земята на султана, не можеше *да се изходи* с месеци... (Л. Стоян.); ... човек от когото могат *да се вземат* съвети (Карасл.); Само че и трудът на земеделеца *може да се направи* по-лек, по-чист и по-приятен (Карасл.); — Могат *да се изпращат* протестни телеграми и писма... (Карасл.).

Глаголы с *се* страдательного значения употребляются в конструкциях с безлично-предикативными словами: ... видяха, че е Комура. Страшно беше *да се погледне*: голям, надут, пораснал като гемия, търбухът му ще стигне земята (Йовк.); ... последната отбранителна позиция на Мехмед Синап. Мъчно беше *тя да се превземе*... (Л. Стоян.); Това обикновено се вижда след женитбата, когато вече е късно *да се поправи* (Карасл.).— *Да се купи* повечко стока не е лошо (Карасл.); *А да се връзва* по-голям капитал в такива материали сега не е добре (Карасл.).

Глаголы с *се* страдательного значения выступают также в повелительных конструкциях:— *Да се повика* свидетеля Иван Стоянов Иванов (Е.-П.);—...*Да се отворят* хамбарите, да вземат каквото ще вземат (Л. Стоян.);— *Да бъде*. *Да му се отсече* главата (Л. Стоян.).

Сюда же можно отнести и следующие случаи побудительных конструкций: Заповядвам *да се прекрати* стрелбата. *Да се извика* незабавно една батарея! (Веж.); ... и предложи *да се започне* веднага обстрела на горичката... (Веж.); ... отдето идеха... всички заповеди от пашовските канцеларии *да се пратят* пари за хазната, да се съберат войници за войската (Л. Стоян.); Мехмед Синап заповяда житото *да се пренесе* в общинския хамбар (Л. Стоян.); Та нали сам беше писал на Кара Ибрахим *да му се изпратят* двеста товара жито... (Л. Стоян.); От общината забраниха *да се продава* жито (Карасл.).

Можно указать на употребление глагола с *се* страдательного значения в конструкциях со значением цели: *За да се дигне* камъка, трябваша най-малко четирима души... (Йовк.); ... трябваше *да се бърза*, *за да се вземе* балканът... (Л. Стоян.); ... трябваше още много *да се работи*, *за да се добият* хигиенични навици (Карасл.); Той виждаше, че такава мобилизация се прави за война, а не *за да се плашат* гарги (Карасл.).

В языке имеется и целый ряд других конструкций, содержащих «да-изречение», в которых употребляется глагол с *се* страдательного значения.

Все перечисленные случаи функционирования глаголов с *се* страдательного значения необходимо учитывать при решении вопроса об употреблении временных форм этих глаголов. С различием случаев функционирования глаголов с *се* страдательного значения связано различие в возможностях употребления временных форм.

В предложениях, где описываются какие-то единичные, частные события действительности, используются все временные формы глагола с *се* страдательного значения, за исключением сложных прошедших времен. Именно такой тип употребления глагола с *се* страдательного значения был нами представлен в примерах, данных на стр. 197—199. Надо отметить, что относительная частота употребления отдельных временных форм глагола с *се* страдательного значения принципиально не отличается от положения в этой области у других глаголов языка.

Вместе с тем в других областях функционирования глаголов с *се* страдательного значения некоторые из форм, наличных во временной парадигме этих глаголов, оказываются ущемленными.

Специфично употребление временных форм глагола с *се* страдательного значения в предложениях, обозначающих действия обычные, всегда наблюдаемые. Особенность значения таких предложений обуславливает использование в них форм настоящего времени. Это так называемое абсолютное настоящее. Такое употребление глагола с *се* страдательного значения можно наблюдать в предложениях: Патроните им бяха преброени, а с голи ръце огън не *се* *пипа* (Л. Стоян.); А видиш ли, женитбата е сериозно нещо — веднаж *се* дроби, а цял живот *се* *сърба* (Карасл.); Пари *се* *печелят*, ама земя мъчно *се* *печели* (Йовк.);— Всяка грешка, драги, *се* *плаща* скъпо в живота (Л. Стоян.); Нали пред съда *се* *казва* истината? (Карасл.);— Какви ти гости! Гостенско цяла седмица *прави* ли *се*? (Карасл.).

В предложениях такого типа закономерна и форма прошедшего несовершенного, которое, как известно, является своего рода аналогией настоящего времени в прошедшем. Как и настоящее время, прошедшее несовершенное может обозначать действия всегда наблюдаемые, однако имевшие место в прошлом. Например: По-рано беше лесно — всичко в къщи *се* *изпридаше* и *натъкваше*, а което не достигаше, *се* *допълняше* от чеиза на майката (Карасл.); ... кумовството в селото *се* *предаваше* по наследство и *се* *тачеше* много строго (Карасл.); В ония години, когато лекарите *се* *броеха* на пръсти и бяха недостъпни като божества, фелдшерите са били видни личности... (Карасл.); — Едно време какво беше!... — И какви песни *се* *пееха*! (Карасл.).

Обширной областью функционирования глаголов с

се страдательного значения является, как было показано, их употребление в «да-изречениях». Здесь использование временных форм еще более ограничено, чем при употреблении таких глаголов для обозначения всегда наблюдаемого действия. Это ограничение носит сугубо грамматический характер. Как известно, за исключением предположительных оборотов речи, «да-изречение» всегда содержит глагол в форме настоящего времени, независимо от временной формы глагола конструкции, с которой «да-изречение» связано. В соответствии с этой нормой грамматики глагол с *се* страдательного значения предстает в «да-изречениях» только в форме настоящего времени, что можно было наблюдать и на приводившихся нами примерах.

Суммируя все эти наблюдения, можно сказать, что наиболее часто встречающейся в языке формой глагола с *се* страдательного значения является форма настоящего времени. Однако сам факт количественного преобладания этой формы не может служить основанием для вывода об ущемлении других временных форм глагола с *се* страдательного значения. Причиной преобладания формы настоящего времени служит не какая-то специфика глагола с *се* страдательного значения. Меньшее число случаев употребления других форм такого глагола объясняется не несовместимостью грамматических свойств этого глагола со значением, например, прошедшего времени, а действием других закономерностей языка. В случаях преимущественного употребления формы настоящего времени глагол с *се* лишь повторяет закономерности, общие для всех глаголов языка, — временные формы других глаголов также ограничены и в случаях обозначения всегда наблюдаемого действия и в «да-изречениях».

Для выводов об употребительности временных форм мы должны учитывать, следовательно, область функционирования обычной глагольной парадигмы, оставляя в стороне эти случаи особого употребления временных форм. Обращаясь к такой обычной парадигме временных форм глагола с *се* страдательного значения, представленной в случаях его употребления для обозначения частного, единичного действия, следует сказать, что в ней наблюдается не ущемление употребления прошедших времен, а отсутствие сложных глагольных форм, составляющих одну часть общей системы прошедших времен языка. Именно такая осо-

бенность парадигмы глаголов с *се* страдательного значения и должна привлечь наше внимание при сопоставлении этой парадигмы с функционированием интересующих нас сочетаний «*съм* + причастие на *-н(-т)*» со значением действия.

Функции сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающего действие

1. Между отсутствием сложных временных форм в парадигме глаголов с *се* страдательного значения и существованием конструкции «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения», выражающей действие, имеется, с нашей точки зрения, несомненная связь. Эта связь проявляется в том, что конструкция «*съм* + причастие на *-н(-т)*» со значением действия выступает в большинстве случаев там, где по законам функционирования глагольной системы языка употребляются сложные формы прошедшего времени.

Известно, что о глагольной системе болгарского языка в научной литературе высказывались точки зрения весьма различные и на сегодняшний день в этом вопросе еще нет полного единства во взглядах. Вместе с тем можно считать уже достаточно установившимся мнение, что сложные прошедшие времена — прошедшее неопределенное (перфект) и прошедшее предварительное (плюсквамперфект) — относятся к временам со сложной временной ориентацией. Разграничение на времена с простой и времена со сложной временной ориентацией происходит на основании того, определяется ли временная ориентация действия прямо с точки зрения момента речи или это происходит через посредство какого-нибудь другого момента. Времена со сложной ориентацией выражают два временных отношения: одно — между действием и ориентировочным моментом и другое — между этим ориентировочным моментом и моментом речи.

Рассмотрим сначала сущность грамматического значения и употребления прошедшего неопределенного (перфекта) и ту часть конструкций «*съм* + причастие на *-н(-т)*» со значением действия, которая перекликается в своем функционировании с этой глагольной формой.

Прошедшее неопределенное (перфект) представляет действие, результат которого совпадает с моментом речи,

а само действие предстает как прошедшее по отношению к своему результату, а не непосредственно по отношению к моменту речи. Следовательно, в прошедшем неопределенном времени действие связывается не только с прошедшим, но и с настоящим (результат действия существует в момент речи). Если прошедшее совершенное (аорист) используется для передачи отдельных последовательных действий развития одного события, то прошедшее неопределенное является констатационно-описательным временем, т. е. дающим статичное описание положения, возникшего в результате происшедшего ранее действия или действий³⁷. Характерным примером функционирования прошедшего неопределенного может служить следующий отрывок: *Едва сега виждаме колко сме гладни. Бай Стоян и бай Марин са клекнали в окопа и мълчат. Вестта за хлеба ги обезсилва (Л. Стоян).*

Если обратиться к конструкциям «*съм* + причастие на *-и(-т)*», выражающим действие, в которых глагол стоит в форме настоящего времени, можно видеть, что функционирование этих конструкций близко к функционированию прошедшего неопределенного времени. Не случайно в языке наблюдается чередование в употреблении анализируемых конструкций и форм прошедшего неопределенного времени, например: — *Вижте! Още от България той не се е погрижил да ви снабди с дрехи, макар че е имал тая възможност. Не се е погрижил да вземе и други необходими работи, като баки, канчета, лъжици и още много важни дреболии. Тук в склада все пак има достатъчно дрехи, за да се раздадат на най-окъсаните, но и те не са раздадени. Пренебрегвал е истинския готвач и е сложил в кухнята свои хора. Тая възмутителна история с нафталиновата сол е направена пак нарочно, за да предизвика недоволство, макар той отлично да знае, че един чувал сол струва много по-малко, отколкото яденето, което вие хвърляте (Веж.).*

Типичным для употребления перфекта является введение в повествование, которое излагается в формах настоящего времени, упоминания о действии, происшедшем в

³⁷ См.: Л. А н д р е й ч и н. Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 57—64.

прошлом и актуалном по своему резултату для хода повествования. Такую же роль изпълняють конструкции «сѣм + причастие на -н(-т) страдательного значения», выражающие действие, в которых глагол сѣм стоит в форме настоящего времени, например: Ерофим подига глава: под стряхата, гдето под всеки два дирека са заковани дѣски за кафез на гълѣбите, в една такава дупка стои замислен един червен гълѣб и гука — вика другарката си (Йовк.); Не всяка кобила знае да носи звѣнец, та са окачени на най-едрите и най-стари кобили... (Йовк.); Бавно се разсейва димът над позицията. Противникът е отблъснат. Изтикан е «на нож» от окопите. Неговата артилерия едва се обажда, докато затихва съвсем (Л. Стоян.);... недалеч се открива нещо като лагер. Огньовете са накладени, тук-там тъмнината се разкъсва от жълтите езици на пламъка, около белия дим се мяркат човешки силуети (Л. Стоян.).

Широко използуются формы прошедшего неопределенного времени в устной речи. В этой сфере употребления прошедшее неопределенное время имеет нередко дополнительные оттенки значения, однако грамматический смысл его в принципе является таким же, как и в приведенном выше случае. Аналогичную картину представляет и употребление конструкции «сѣм + причастие на -н(-т) страдательного значения», выражающей действие, в прямой речи: — Убит ли е пак някой?... — Някой не е убит — отвърна сухо кметът. — Умряло е момчето на Илия Кинев (Карасл.); ...квартирите ни са далече, та даже когато има свободно време, не можем да се видим. А за беля пък се случи — ние пет комунисти на пет различни краища на селото сме прѣснати (Веж.); — Аз я обичам!... — Обичаш! — сви устни старият Тъкачев, като че близна оцет. — Ти си улетен от някой хитри селендури (Карасл.); — То е наше. То, знаеш ли, е зачислено на порцион и получава по едно кило мамулено брашно на ден (Йовк.); — Какви са тия арести? — Няма никакви арести! ... Арестуван е само Дишо! (Веж.); — Това момче трябва да е подучено от родителите си — сбърчи вежди Куминов, като стана дума за Тоня и за наказанията на Ковашки (Карасл.); — Как така не се обаждат? Да не е скъсана линията? — Не, здрава е! (Веж.).

В грамматической литературе обычно специально отмечается использование перфекта в придаточных предло-

жениях после глаголов речи, мысли, чувства. В этих случаях перфект употребляется как относительное время-указывающее, что действие, им выражаемое, предшествует действию, выраженному глаголом главного предложения. Действие перфекта соотносится не с моментом речи, а с моментом протекания действия главного предложения, и перфект в таких случаях употребляется независимо от того, стоит ли глагол главного предложения в настоящем времени или в другом времени. Этот случай употребления перфекта также находит свое соответствие в употреблении конструкции «съм + причастие на -н(-т) страдательного значения», выражающей действие: Не знам къде съм ударен, но знам че губя съзнание, че потъвам в някакъв тунел... (Л. Стоян.); Като се връщаше, без да знае дали воловете са намерени, залутан в тъмнината, уморен, отчаян, той чу кучешки лай... (Йовк.); Кръстю се готвеше да ходи до града, за да види защо е задържан синът му (Карасл.); За увлечението му по «някаква си селянка» както тя се изразяваше, не спомена нито думичка, защото не можеше да допусне, че този въпрос не е ликвидиран (Карасл.); ...Станка се размисляше за Тъкачев. Дали не е получено писмо от него? (Карасл.); Чичо Митуш ги обгърна с поглед — всички лакомо скубеха от сеното — намери, че всичко е направено, както трябва, и наедно с Аго излязоха пред дама... (Йовк.).

Нередко встречается перфект, сообщающий о действии, которое стоит в цепи последовательных действий развития одного события. В таких случаях перфект, идущий среди форм настоящего времени, констатирует создавшуюся ситуацию, подчеркивает результативность, особую значимость действия. Он стоит на границе отдельных законченных отрывков повествования. Например: «Боси, със запретнати крачоли, ние нагазваме ленивата вода, мълчаливи като добитък, поведен на водопой [...] Колоната е изгазила реката и се събира на другия бряг. Сядаме да се обуюем» (Л. Стоян.). С аналогичной функцией употребляется и конструкция «съм + причастие на -н(-т) страдательного значения», выражающая действие: Краката му се подават, великият самодържец ги бодва с иглата [...] Най-сетне животното е омаломощено, не мърда. Султанът изважда иглата от чибук... (Л. Стоян.); Белогривестият остава на мястото, изпъчва се и изкукуругва. Изкукуругва и белият. Борбата е отложена пак за други път. Все

пак това сблъскване произвежда не малко вълнение сред двора (Йовк.).

2. Конструкция «съм + причастие на -н(-т) страдателного значения», выражающая действие, в которой глагол съм стоит в форме простого прошедшего времени, в своем употреблении переключается с употреблением прошедшего предварительного времени.

Известно, что между прошедшим предварительным (плюсквамперфектом) и прошедшим неопределенным (перфектом) имеется параллелизм в форме и функционировании. Принцип употребления прошедшего предварительного по отношению к простому прошедшему времени в значительной мере повторяет принцип употребления перфекта по отношению к настоящему времени. Плюсквамперфект является относительной временной формой, обозначающей действие, предшествующее другому прошедшему действию. Вместе с тем эта временная форма содержит в себе значение результативности ³³.

Наиболее частым случаем употребления плюсквамперфекта является его использование в повествовании, ведущемся в простых прошедших временах, для указания на предшествующее действие, актуальное по своему результату для момента основного повествования. Конструкция «съм + причастие на -н(-т) страдателного значения», в которой глагол съм стоит в форме прошедшего времени, имеет в большинстве случаев такую же функцию, например: Сутринта Станка започна да довършва и да подрежда каквото не беше довършено и подредено отпреди (Карасл.); ... по всичко личеше, че жестоката закачка беше уговорена от порано (Карасл.); Ергенашчета, които не бяха прибрани още в казармите, не смееха да излязат нощем, не смееха да закъснеят по тлаки и по седенки (Карасл.); Сега, след като всички дребни неща бяха уредени, той не се делеше нито за час от ротата (Веж.); Сега вълкът... прескачаше през дълбокия ров, който ограждаше градината. На това място беше сложена вместо мост една дъска, но вълкът не минаваше по нея, а прескачаше от единия бряг на другия (Йовк.).

³³ Оттенки значения, присущие плюсквамперфекту помимо чисто временного значения, специально рассматриваются в статье: В. В. Б о р о д и ч. За функциите на минало предварително време в съвременния български език. «Български език», 1957, № 5.

Близость функции рассматриваемой конструкции «съм + причастие на -н(-т) страдательного значения» с функцией плюсквамперфекта особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда эта конструкция употребляется в одном ряду с формами плюсквамперфекта: Чичо Митуш се залови за работа, трионът заскрибуца. Не се мина много и чичо Митуш беше пак под дървото. Около покрива на чардака беше светнало — дървото там беше окастрено. По земята, покрита и без това с окапал цвят, бяха нападнали съчки и листа. Галунка дойде да премете (Йовк.).

Плюсквамперфект служит для обозначения предшества действия в придаточных предложениях при глаголах речи, мысли, чувства, когда эти глаголы употреблены в формах прошедших времен. Такое же употребление имеет и интересующая нас конструкция «съм + причастие на -н(-т)», например: Тя разбра каква мръсна примка ѝ беше скроена (Карасл.); Дали беше направил твърде малко за тях или пък много — не знаеше, но му се струваше, че успехът не бе извоюван с голяма мъка (Веж.).

Свойствами плюсквамперфекта (как и перфекта) обуславливается то, что эта форма появляется как единичная среди цепи простых времен, в которых ведется основное повествование. Сам же плюсквамперфект для последовательного, развернутого повествования не используется. В тех случаях, когда встречается большой отрывок в формах плюсквамперфекта, эти формы представляют не развертывание действия, а дают цельную статичную картину, наличную в момент протекания событий, описываемых в простых временах в более широком контексте. Аналогично и использование в описаниях конструкции «съм + причастие на -н(-т) страдательного значения», выражающей действие, например:

Тъкачев смънка, но предвидливата Кръстевица не го остави да се доискаже и изпрати Тоня да го изпроводи до тяхната кола...

Талигата на Кирови беше разпрегната под широките клони на величествени брястове. Но слънцето още не беше паднало, та сянка не достигаше. До талигата беше наредена колата на Кръстеви. Пред колата бяха забити две тънки и високи чепати подпорки, върху тях имаше поставено дърво, а върху това дърво и капрата бяха наредени пръти. Върху прътите беше прострян широк бял

конопен чул. Под този прост, но удобен салаш, върху опасаната и вече прегоряла трева *беше постлана* пъстра черга, изтъкана грижливо и майсторски от непотребни парцали. Наоколо имаше наредени възглавници.

Като видяха учителя, Кръстю и Киру се приповдигнаха почитателно и го извикаха сърдечно и радостно (Карасл.).

Употребление плюсквамперфекта для обозначения действия, предшествующего действиям основной цепи повествования и представленным в формах простых прошедших времен, является, несомненно, наиболее частым для этой формы. Не случайно в грамматической литературе широко распространено определение этой формы как обозначающей прошедшее время в прошедшем. Вместе с тем эта форма имеет и другое употребление. Она используется и тогда, когда сообщается о действии, которое по времени своего совершения входит в последовательность действий основного повествования. В этих случаях плюсквамперфект констатирует сложившееся положение и нередко подчеркивает важность обозначаемого им действия:

— Ами кой научил това?

— Мари госпожа Хаджи Ровоама.

Това име обезоръжаваше всички Томовци. И всички се затекоха при Хаджи Ровоама за по-лакоми подробности.

Подир два часа мълвата *беше обиколила* целия град.

Но всяка новина, и най-любопитната, в три дня остарява. Трябваше нова храна за общината, която хвана да се прозява (Ваз.).

Наблюдение над употреблением конструкции «съм + причастие на -и(-т) страдательного значения», выражающей действие, показывает, что ей также присуща указанная функция плюсквамперфекта. Такого типа употребление конструкции «съм + причастие на -и (-т)» представлено, например, в предложении: Най-напред по една тясна и мръсна уличка поеха към запад, след това свиха на юг и когато излязоха на главната улица, предните редици запяха «Дружна песен». След това песента *беше подхваната* от всички. Отначало гласовете трепкаха някак несигурно, но след това се оправиха и бодрите звуци проечаха над малкото градче (Карасл.).

При изучении литературных текстов можно заметить, что конструкция «съм + причастие на -и (-т) страдатель-

ного значения», выражая действие, идущее в ряду действий основного повествования, стоит большей частью в начале или в конце какого-то самостоятельного отрывка повествования. Завершая отрывок, эта конструкция подчеркивает результат, давая своего рода итог предшествующим действиям:

Станка облече стара, отъркана, износена сая, останала още от моминските години на майка ѝ, запретна ръкажи и подхвана [...] което беше за пране — изпра го. Сетне подхвана съдовете. Чинии, сахани, тепсии, тенджери, чаши, лъжици, вилици, букари, стомни — всичко беше *измито, изплакнато, излъскано, прегледано, почистено, побредено и стъкмено.*

Изморена, с отмалял до припадане кръст, Станка се спираше, гледаше опушените тавани, проядените греди, разкривените рамки на врати и прозорци и се отпушаше отчаяна... (Карасл.).

Откривая повествование, конструкция «съм + причастие на -н(-т) страдателного значения» фиксирует исходную ситуацию его:

И ето, Комура се подаде напред-напред, гърбът му се изви, всичките му ребра изпъкнаха. Около плуга трокотът запука, закъса се и плугът тръгна.

— Хайде, дий! Хайде, дий! — викаше Аго.

Още няколко крачки и опасното място *беше минато.* Малко по-нататък спряха воловете, да си отдъхнат. Чичо Митуш отиде при Комура... (Йовк.);

—... Ще има ли нещо да ги гостим, че са гладни? Пък и аз съм гладен.

— Има, има — радостно каза Галунка, — ядене има. Иди ти, аз сега ще го донеса.

След малко две софри *бяха сложени:* една пред саята за Панко и за селяните, там, дето бяха си седели, и друга в дама, за слугите. Галунка ѝ се щеше да се отсрами пред гостите зарад Панка, та повече тях приглеждаше. Сипа им повече... (Йовк.);

Той заяви, че отпуца на новобранците един литър ракия за почерпушка [...]

— Нека бъдат два — поръча Иван Тодоров на младия Лягов.

Когато ракията *беше разпределена* в чашките, Иван Тодоров се приведе малко напред като от някоя трибуна.

— Момчета! — каза той... (Карасл.).

Из приведенного материала можно видеть, что хотя конструкция «*съм* + причастие на *-н(-т)*» обозначает действие, идущее с точки зрения реальной действительности в последовательной цепи других действий, выраженных в повествовании глагольными формами простых прошедших времен, эта конструкция имеет специфическую функцию по сравнению с формами простых прошедших времен. Она характеризует действие как нечто выделяющееся и обозначает какие-то границы в повествовании. Включение конструкции «*съм* + причастие на *-н(-т)*» рассекает цепь повествования. Хотя за действием, обозначенным этой конструкцией, описываются действия, являющиеся в реальной действительности по времени своего совершения последующими, это описание представляет собой по существу новую повествовательную цепь, начинающуюся от зафиксированной конструкцией «*съм* + причастие на *-н(-т)*» ситуации. В этой новой цепи речь идет уже, как правило, о какой-то другой стороне описываемых событий действительности. Она является новым повествовательным планом по отношению к предыдущему описанию.

Подводя итог рассмотрению функций конструкции «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения», выражающей действие, со вспомогательным глаголом в форме настоящего и прошедшего времени, можно сказать, что языковой материал достаточно определенно подтверждает выдвинутое положение о том, что функции этой конструкции подобны функциям сложных форм прошедшего времени. (Мы используем широко принятый термин «вспомогательный глагол», который представляется практически удобным здесь для обозначения глагола *съм* ввиду того, что мы касаемся функционирования этого глагола и в конструкции предикативного определения и в сложных глагольных формах.)

3. Таким образом, анализ материала болгарского языка приводит к установлению следующих грамматических фактов: в языке распространено употребление конструкции «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения», выражающей действие; в парадигме глаголов с элементом *се*, имеющих страдательное значение, отсутствуют формы сложных прошедших времен; конструкция «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения», выражающая действие, выполняет функции, свойственные формам

сложных прошедших времен. Эти факты представляются нам взаимосвязанными. Они ведут к выводу, что в болгарском языке, вместо отсутствующих в парадигме страдательного глагола форм прошедших времен, составляющих важную часть глагольной системы, употребляются конструкции «съм + причастие на -н (-т), образованное от соответствующего глагола».

Этот вывод, отражающий фактическое положение в языке, нуждается в дальнейшем осмыслении для установления грамматических закономерностей, лежащих в основе этого явления.

Прежде всего необходимо ответить на вопрос, почему оказывается возможным употребление конструкций «съм + причастие на -н (-т) страдательного значения» вместо форм сложных прошедших времен и укладывается ли факт употребления таких конструкций для выражения действия в рамки закономерностей, общих для функционирования всех причастий на -н (-т).

Как было показано, причастия на -н (-т) в болгарском языке — это разряд слов, входящих в класс прилагательных. Как слова этого класса причастия на -н (-т), выступая в сочетании с глаголом съм, дают конструкцию предикативного определения. Грамматическое значение предикативного определения заключается в том, что оно обозначает качество, признак, возникающий вместе с действием или посредством его. Сопоставление этого значения с грамматическим значением форм сложных прошедших времен показывает их большую близость. Как перфект, так и плюсквамперфект обозначают прошедшее действие в связи с его результатом, причем существующим в момент времени, о котором идет речь, является именно результат, а не само действие. Это подчеркивание результата действия и сближает сложные формы прошедших времен с конструкцией предикативного определения «съм + причастие на -н (т)», которая указывает на качество, существующее в описываемый момент времени.

Наглядной иллюстрацией близости грамматических значений конструкции предикативного определения «съм + причастие на -н (-т)» и форм сложных прошедших времен служит материал, который дают глаголы с се возвратно-среднего значения, имеющие в противоположность страдательным глаголам с се полную временную парадигму. У этих глаголов встречаются случаи параллельного упо-

требления форм сложных прошедших времен и конструкции предикативного определения «съм + причастие на -н (-т)» в одинаковом грамматическом контексте. В качестве примера можно привести два отрывка из романа «Обикновени хора», близких и по грамматическому контексту, и по описываемой реальной ситуации:

Отначало Тъкачев си помисли, че това ще да е някакъв обичай. Но като стигна до един от брястовете, под който *бяха се струпали* доста мъже, той също се отби, движен от едно съвършено просто и естествено любопитство (Карасл.);

Когато наближиха събора, Куминов забеляза картон на една върба, но не му обърна внимание. Не обърна внимание и на хората, които *бяха струпани* долу. Той помисли, че са се събрали на сянка (Карасл.).

Такой же параллелизм в употреблении сложной глагольной формы и конструкции предикативного определения «съм + причастие на -н (-т)» наблюдается и в следующих примерах:

След един час пристигнаха в града. Сборният пункт беше пред писалището на Колачев. Там вече *бяха се събрали* десетина души и се въртяха под листнатите чернички. Седнал пред бюрото, Илков разговаряше оживено с няколко души (Карасл.);

Друг път заседанията на учителския съвет започваха точно в определения час, но сега главният учител Раев беше отишъл по бърза и важна работа в общинското управление. Учителите *бяха* вече *събрани* и си приказваха. Беше закъсняла само Паунова, но нея те и без това не я чакаха (Карасл.).

Близость грамматических значений тесно связана с тем, что формы сложных прошедших времен и конструкция предикативного определения «съм + причастие на -н (-т)» имеют единую принципиальную модель построения. Существо этой модели состоит в том, что личная форма глагола *съм* соединяется в грамматическое единство с одним из типов причастия. В зависимости от типа причастия сложная форма прошедшего времени и конструкция предикативного определения «съм + причастие на -н (-т)» имеют свои специфические оттенки грамматического значения. Однако принципиальная общность модели порождает и большую общность значения ее вариантов.

Предикативное определение фиксирует качество, поэтому употребление конструкции «съм + причастие на

-н (-т) страдательного значения» для выражения действия, т. е. с функцией, свойственной глаголу, на первый взгляд кажется отклонением от общей нормы предикативного определения.

Обращаясь к этой проблеме, важно иметь в виду, что конструкция «с_ъм + причастие на -н (-т) страдательного значения» употребляется не для выражения действия вообще, а лишь для обозначения таких аспектов действия, которые связаны со сложными формами прошедших времен. Особенность этих сложных форм, как уже говорилось, состоит в том, что они характеризуют действие не непосредственно, а через его результат. Следовательно, сближение конструкции «с_ъм + причастие на -н (-т) страдательного значения» в своем функционировании со сложными формами не означает ущемления качественной стороны значения этой конструкции. Употребляясь для обозначения действия, конструкция «с_ъм + причастие на -н (-т) страдательного значения» характеризует действие не прямо, а через посредство качества, возникшего в результате этого действия.

В связи с этим уместно напомнить особенности употребления конструкции «с_ъм + причастие на -н (-т) страдательного значения», на которые указывалось при анализе конкретного языкового материала. Способность этой конструкции выражать действие проявляется только при поддержке контекста. Вне контекста, характерного для глагола, говорить о значении действия у данной конструкции трудно.

Тем не менее значение действия у конструкции «с_ъм + причастие на -н (-т) от страдательного глагола» является весьма устойчивым. Это объясняется тем, что данная конструкция выполняет роль отсутствующих в парадигме страдательного глагола с *се* форм сложных прошедших времен. Сама категория сложных прошедших времен является очень употребительной в языке. Соответственно широко употребительной оказывается и конструкция «с_ъм + причастие на -н (-т) от страдательного глагола» для выражения действия. Это делает значение действия у данной конструкции обычным. Вследствие этого получается, что в поддержке контекста нуждается не только значение действия, но и значение качества, являющееся в принципе основным значением конструкции «с_ъм + причастие на -н (-т) от страдательного глагола».

4. Нами были рассмотрены функции двух разновидностей конструкции «съм + причастие на -н (-т) страдательного значения» — со вспомогательным глаголом в форме настоящего времени и со вспомогательным глаголом в форме простого прошедшего времени. Эти разновидности составляют подавляющее большинство случаев употребления конструкции «съм + причастие на -н (-т) страдательного значения» для выражения действия. Наряду с этими разновидностями, рассматриваемая конструкция, употребляясь для выражения действия, имеет и другие формы вспомогательного глагола.

Нередко встречаются сочетания с формой перфекта вспомогательного глагола — «съм бил + причастие на -н (-т)». Часть сочетаний такого типа составляют формы пересказывательного наклонения, например: —... Казваш, че Германия имала големи оръдия, и на вестника били изписани. Сигурно ги има (Карасл.); Другите гватари бяха се смирили; за Инджето и Кара Мустафа вече не се чуваше нищо, Еминджик бил, казваха, отровен от властта с измама (Л. Стоян.); Кръстевица помни и няма никога да забрави онзи ден, когато Кировица дойде у тях и ѝ обади, че Слав бил ранен (Карасл.). Формы пересказывательного наклонения достаточно четко выявляются, как видно из приведенных примеров, благодаря контексту и тому, что в них в 3-м лице единственного и множественного числа, как правило, опускается спрягаемая часть сложной формы вспомогательного глагола (*e, sa*).

Другую часть сочетаний «съм бил + причастие на -н (-т) страдательного значения» составляют интересующие нас формы изъявительного наклонения. Эти формы, подобно двум уже рассмотренным выше, выполняют в языке функцию перфекта и плюсквамперфекта.

Сочетание «съм бил + причастие на -н (-т)» употребляется в различных характерных для перфекта языковых ситуациях. Так, им обозначается актуальное по своим результатам действие, которое предшествует действиям основного повествования, ведущегося в формах настоящего времени: —... Нашата фабрика има добре обзаведена лаборатория, а и работниците са добри момчета и се разбирам с тях. Хубава фабрика, но досега *e била стопанивана* на най-груби експлоататорски начала (Веж.); — Точно там грешите, възпитанието им не е едно и също [...] Другите войници не са останали с възпитанието до

преди девети септември, а са получили тук на фронта ново, войнишко. Ето в такъв нов дух не са били възпитавани войниците от втора рота... (Веж.); —... Той умее да разбира хубавото, когато му се покаже, и е способен да го брани, но там е работата, че това хубаво е било старателно скривано от втора рота (Веж.).

Сочетание «съм бил + причастие на -н (-т)» употребяется и в придаточном предложении после глаголов речи, мысли, чувства, обозначая действие, которое предшествует действию, выраженному глаголом главного предложения: Той знаеше, че щом Тъкачев е подпоручик, значи върнал се е отдавна, завършил е школата за запасни офицери и е бил изпратен зад фронта (Карасл.).

Благодаря тому, что у сочетания «съм бил + причастие на -н (-т)» в самой форме вспомогательного глагола (*съм бил*) выражена принадлежность к перфекту, указанное функционирование их предстает как совершенно естественное.

Наряду с этим в языке наблюдается и употребление сочетания «съм бил + причастие на -н (-т)» в языковой ситуации, типичной для плюсквамперфекта. Например: Кръстю беше написал писмото на 26 септември и още същия ден беше го изпратил. Войната не е била обявена тогава, но изглежда, за него е било ясно защо ги водят към границата [...] Кръстевица дочете писмото, остави го в скута си.... (Карасл.); Милю примижка [...] Нямаше никакво съмнение, че то е било подучено от някого (Карасл.).

Употребление рассматриваемого сочетания с функцией плюсквамперфекта является, по существу, также вполне естественным. Это становится ясным, если принять во внимание особенности спряжения вспомогательного глагола. Хотя в грамматиках иногда приводится для плюсквамперфекта форма *бях бил*, она сопровождается примечанием, что в таких случаях глагол *съм* не носит вспомогательного характера, а подобен по своему лексическому значению полнознаменательному глаголу³⁹. Реально вспомогательный глагол *съм* не имеет особой формы плюсквамперфекта. Видимо, это есть следствие наблюдаемой в болгарском языке общей тенденции к упрощению сложных

³⁹ См.: А. Теодоров - Балан. Нова българска граматика за всякого. Свезка 3. София, 1958, стр. 304.

форм вспомогательного глагола ⁴⁰. Учитывая эту тенденцию, представляется возможным рассматривать *съм бил* как форму не только перфекта, но и плюсквамперфекта. Однако даже если не принимать такую точку зрения и считать, что *съм бил* является формой лишь перфекта, то и в этом случае использование формы перфекта для выполнения функций, свойственных форме плюсквамперфекта, не является отклонением от общих норм языка, так как функции этих двух временных форм очень близки между собой.

Как можно было видеть из приведенного в ходе исследования материала, в болгарском языке с функцией перфекта используются две разновидности сочетания «*съм* + причастие на *-н (-т)* страдательного значения»: со вспомогательным глаголом в форме настоящего времени и со вспомогательным глаголом в форме перфекта. Соответственно, с функцией плюсквамперфекта также используются две разновидности: со вспомогательным глаголом в форме простого прошедшего времени и со вспомогательным глаголом в форме перфекта. Существование двух разновидностей сочетания «*съм* + причастие на *-н (-т)*», используемых в функции перфекта, и двух разновидностей этого сочетания, используемых в функции плюсквамперфекта, ставит вопрос о том, чем вызывается такой параллелизм и что обуславливает в языке выбор одной или другой формы.

Сопоставление случаев употребления формы «*съм* + причастие на *-н (-т)*» и формы «*съм бил* + причастие на *-н (-т)*» интересующего нас сочетания показывает, что в их значении имеется существенное различие. Ни одна, ни другая форма не передает полностью грамматического значения перфекта. Эти формы, соответствуя перфекту лишь частично, отражают разные аспекты его значения.

Уже указывалось, что перфект означает прошедшее действие в связи с результатом, происшедшим от него и наличным в момент речи. Результативность в его значении носит грамматический характер, т. е. результат действия может быть представлен в момент речи и конкретно-материально, но может иметь и абстрактный смысл.

⁴⁰ Это, например, ярко проявляется при использовании глагола *съм* для образования форм пересказывательного наклонения. Ср.: Л. А н д р е й ч и в. Основна българска граматика. София, 1944, стр. 267.

В таком случае конкретно-материальный результат действия в момент речи отсутствует, однако сам факт совершения действия в прошлом имеет прямое отношение к ситуации, существующей в момент речи, например: Бай Марин и другарят му са от първия кадър на полка, *участвували са* в сраженията при Люле Бургас и Чаталджа... (Л. Стоян.).

Сочетание «съм + причастие на -н (-т)», содержащее вспомогательный глагол в форме настоящего времени, обладает способностью передавать только аспект значения перфекта, связанный с конкретной результативностью. Это объясняется тем, что сочетание «съм + причастие на -н (-т)» дает в принципе качественную характеристику, а значение действия оно приобретает лишь вследствие осмысления наличного качества как результата предшествующего действия. Если качество отсутствует в момент речи, употребление такого сочетания делается невозможным.

Особенностью сочетания «съм + причастие на -н (-т)» со вспомогательным глаголом в форме перфекта (*съм бил*) является то, что благодаря временному значению вспомогательного глагола для употребления этого сочетания не требуется, чтобы качество конкретно присутствовало в момент речи. Такая форма сочетания утверждает лишь наличие качества в прошлом, для момента речи актуальным является лишь то, что такой факт имел место. Вследствие такого свойства сочетания «съм + причастие на -н (-т)» со вспомогательным глаголом в перфектной форме оно обладает способностью передавать второй, абстрактный аспект значения перфекта.

Сказанное наглядно иллюстрируется следующим примером: «И тя завиждаше на Марина, че го вижда всеки ден, всеки час, че се храни на една софра с него, че разговаря с него, а всяка сутрин оправя леглото, в което е спал той, *пипа възглавницата, дете е била сложена хубавата му глава...*» (Карасл.). В этом предложении форма сочетания *е била сложена* является единственно возможной, вместо нее нельзя употребить параллельную форму с настоящим временем вспомогательного глагола *е сложена*. Употребление такой формы означало бы, что голова героя продолжает оставаться на подушке в момент, когда производится уборка комнаты. Употребление же истинного глагольного перфекта, как это можно видеть по сто-

ящей рядом форме *e спал*, является совершенно естественным для той же самой ситуации.

Принцип употребления сочетания «*съм + причастие на -н (-т)*» со вспомогательным глаголом в форме простого прошедшего времени (*бях*) и такого сочетания с перфектной формой вспомогательного глагола (*съм бил*), которые используются в языке с функцией плюсквамперфекта, повторяет указанный выше принцип употребления двух форм, выступающих в функции перфекта. Форма «*бях + причастие на -н (-т)*» используется тогда, когда качество, выражаемое причастием, существует в момент протекания действий основного повествования, ведущегося в формах простых прошедших времен. Форма «*съм бил + причастие на -н (-т)*» употребляется в тех случаях, когда качество, выражаемое причастием на *-н (-т)*, лишь имело место в прошлом, до момента основного повествования.

5. В болгарском языке употребляются для выражения действия и сочетания «*съм + причастие на -н (-т)*», вспомогательный глагол которых стоит в форме будущего времени. Таких примеров в исследованном материале художественной литературы встречается немного. Еще реже наблюдаются случаи, когда в интересующем нас сочетании со вспомогательным глаголом в форме будущего времени сторона действия подчеркнута достаточно ярко. В предложениях, содержащих такую форму сочетания «*съм + причастие на -н (-т)*», скудно представлены обстоятельственные характеристики, которые, как уже указывалось, являются одним из грамматических факторов, поддерживающих значение действия у сочетания «*съм + причастие на -н (-т)*». Большей частью у такого сочетания даже там, где ему присуще значение действия, качественное значение проявляется весьма сильно, например: Те предполагат, че като поискат лицемерно прошка от височайшата ми царска милост, *ще бъдат помилвани* (Л. Стоян.); — ... И ако дворецът и либералната коалиция ни тикнат в тая война, един паметник няма да събере имената на ония, които *ще бъдат избити* (Карасл.); ... пункт, на който немците можеха да дадат допълнителен отпор, в случай че главната им защитна линия *бъде пробита* (Веж.); Още четвърт час и заповедта *ще бъде изпълнена* (Веж.); От там произлязоха собствено недоразуменията, които, нека се надяваме, *ще бъдат скоро изгладени* (Е.-П.).

Исследование случаев выражения действия сочетанием «сѣм + причастие на -н (-т)» со вспомогательным глаголом в форме будущего времени показывает, что часть из них по своим функциям соответствует будущему предварительному времени глагольной системы языка. Будущее предварительное означает действие, которое предшествует действиям основного повествования, а сами действия основного повествования являются будущими по отношению к моменту речи и соответственно выражаются формами простого будущего времени: «Преди петелът да пропее, той ще се бѣде трижди отрекъл от него». Именно в такой функции и используется сочетание «сѣм + причастие на -н (-т)» в следующем примере: —... За това ти бѣди спокоен и се довери на мене — като се върнеш на края на четвъртия семестър, работата *ще бѣде опечена* (Карасл.).

Момент, по отношению к которому действие, выражаемое прошедшим предварительным временем, является предшествующим, может указываться в языке не только посредством какого-то другого будущего действия, но и прямо через временное обстоятельство. Аналогичная картина наблюдается и в употреблении сочетания «сѣм + причастие на -н (-т)» со вспомогательным глаголом в форме будущего времени: Той остави жена си и децата си, убеден, че до вечерта неприятелят *ще бѣде отбит*... (Л. Стоян.); Кара Ибрахим гледаше дома на разбойника и се изпълваше с чувство на благодарност към аллаха, че найсетне нечестивото гнездо *ще бѣде унищожено*... (Л. Стоян.).

Иногда сочетание «сѣм + причастие на -н (-т)» со вспомогательным глаголом в форме будущего времени выражает не предшествование действия, а несет значение результативности в будущем: — Малко по малко ... с песен, с добра дума, но *ще бѣдат спечелени сърцата на войниците!* (Веж.).

Будущее предварительное время по своей форме и значению является своего рода суммой двух категорий системы времен болгарского языка — перфекта и будущего времени. Это по существу перфект, относимый к будущему. Таким образом, употребление сочетания «сѣм + причастие на -н (-т)» с функцией будущего предварительного времени является прямым ответвлением уже рассмотренных случаев употребления такого сочетания на месте сложных форм прошедшего времени.

Помимо употреблението в функцията на бъдещото предварително време, срещат се случаи, когато съчетанието «съм + причастие на -н (-т)» со вспомогателным глаголом в форме на бъдещото време не е подчеркнато изразеното значение на предшествия и може да иде в едно ред с формите на простото бъдещото време: ... тези лозунги ще бъдат прочетени от повечето хора, отколкото в цяла България се четат «Работнически вестник» (Карасл.); Комитетът наскоро ще съобщи мястото, където тази щастлива двойка ще бъде погребана за размножаване (Е.-П.); Земеделическият съюз ще бъде поканен само от народа — когато вие докарате държавата до нова катастрофа (Карасл.). Ети случаи стоят няколко особено по отношение к основной массе сочетаний «съм + причастие на -н (-т) страдателного значения» с различными формами вспомогателного глагола, функционирующими, как это было показано, подобно сложным формам прошедшего времени. Подробен об ети случаях будет сказано ниже.

Проблема причастно-страдателного спряжения

1. С употреблението на конструкцията «съм + причастие на -н (-т) страдателного значения» за изразяване на действие свързана постановка в граматическата литература на въпроса за съществуване на особено причастно-страдателно спряжение в българския език. Такава позиция може да се види в работите на М. Иванова⁴¹, А. Т.-Балана⁴², Л. Андрейчина⁴³ и др. Теоретическо обосноваване на такъв подход е дадено в посвещената специално на този въпрос

⁴¹ М. И в а н о в. Българска граматика за II клас. София, 1902, стр. 43.

⁴² А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Нова българска граматика. София, 1940, стр. 183—184; О н ж е. Състояние на българската граматика. София, 1947, стр. 133—134; О н ж е. Нова българска граматика за всяко. Свезка III, стр. 326—328.

⁴³ Л. А н д р е й ч и н. Глаголните времена в българското страдателно спрежение. «Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан». София, 1955; О н ж е. Залогът в българската глаголна система. «Български език», 1956, № 2; Л. А н д р е й ч и н, К. П о п о в, М. И в а н о в. Съвременен български език. Учебник за I и II курс на учителските институти. Част II. София, 1957.

статье Л. Андрейчина «Глагольные времена в болгарском страдательном спряжении» и в уже цитировавшейся его работе «Залог в болгарской глагольной системе». Выделяя категорию причастно-страдательного спряжения, Л. Андрейчин мотивирует это следующим образом:

«Чтобы выяснить вопрос о причастно-страдательном спряжении в болгарском языке, нужно отделить указанные случаи, когда страдательное причастие, выражая признак-состояние, связывается как сказуемое определение со вспомогательным глаголом *съм*, от случаев, когда оно связывается с *съм* для обозначения действия в страдательном залоге, напр., «Предложението *бе прието* (от събранието)», «Протоколът *бе прочетен* (от секретаря)», «Правилникът *ще бъде приложен* (от съответните органи)», и пр. Нетрудно уловить, что в таком случае подобные сочетания означают процесс во времени, а не состояние (срв. *бе прочетен*, равное *прочете се*, и *беше засмян*, отличное от *засмя се*) и что здесь страдательное причастие и вспомогательный глагол *съм* образуют уже нечто целое, неразложимую со смысловой точки зрения сложную морфологическую единицу. В некоторых случаях такие сочетания могут обозначать и состояние, но с ясным указанием на произведенный над предметом процесс, напр. «Решението *е взето*», «Когато влязох в залата, въпросът *бе разгледан* вече».

Коль скоро это так, полностью оправданно говорить о причастно-страдательном спряжении как морфологической категории в нашем языке и ставить вопрос, какие глагольные времена могут выражаться в этом спряжении»⁴⁴.

Именно на вопросе о временах у сочетания причастия на *-н (-т)* страдательного значения со вспомогательным глаголом *съм* Л. Андрейчин и сосредоточивает внимание, ибо, как отмечает он сам, «если эти сочетания действительно нельзя рассматривать как формы определенных глагольных времен, это бы значило, что они в самом деле являются синтаксическими сочетаниями, а не морфологическими целостями»⁴⁵.

⁴⁴ Л. А н д р е й ч и н. Залогът в българската глаголна система. «Български език», 1956, № 2, стр. 117—118.

⁴⁵ Л. А н д р е й ч и н. Глаголните времена в българското страдателно спрежение. «Сборник в чест на академик Александър Теодоров-Балан». София, 1955, стр. 70.

В соответствии с таким пониманием категории причастно-страдательного спряжения и ее границ Л. Андрейчин представляет парадигму этого спряжения:

у глаголов несовершенного вида: *чета*

настоящее время	Тази книга <i>е</i> много <i>четена</i>
прошедшее соверш.	Книгата <i>бе</i> (<i>беше, биде</i>) <i>четена</i> от всички с интерес
прошедшее несоверш.	Книгата <i>бе</i> (<i>беше</i>) <i>четена</i> постоянно
прошедшее неопред.	Книгата <i>е четена</i> винаги с интерес
прошедшее предварит.	Книгата <i>беше</i> (<i>бе</i>) <i>четена</i> от мнозина и преди това
будущее время	Книгата <i>ще бъде четена</i> винаги
будущее в прошед.	Влязох, когато <i>щеше да бъде четен</i> протоколът

у глаголов совершенного вида: *прочета*

настоящее время	Когато книгата <i>бъде прочетена</i> (<i>бива прочетена</i> — с повторительным оттенком) <i>внимателно, вижда се...</i>
прошедшее соверш.	Книгата <i>бе</i> (<i>беше, биде</i>) <i>прочетена</i> от всички с интерес
прошедшее несоверш.	Ако книгата <i>бъдеше прочетена</i> (<i>биваше прочетена</i>) <i>внимателно, щеше да се види, че...</i>
прошедшее неопред.	Книгата <i>е прочетена</i> навярно с интерес от всички
прошедшее предварит.	Книгата <i>беше</i> (<i>бе</i>) <i>прочетена</i> от всички
будущее время	Книгата <i>ще бъде прочетена</i> веднага от всички
будущее предварит.	Книгата <i>ще бъде</i> (<i>ще е</i>) <i>прочетена</i> още преди това

будущее в прошед.

Книгата щеше да бъде прочетена веднага от всички ⁴⁶.

Настоятелно выдвигал положение о существовании причастно-страдательного спряжения и его морфологическом характере А. Т.-Балан. Парадигма этого спряжения представлена в работах А. Т.-Балана в следующем виде:

настоящее время	съм бран, чут; = изъявительное бера се, чуя се
прошедшее соверш.	бях, бе (или: бидох, бих) бран, чут
прошедшее несоверш.	бях, беше бран, чут
прошедшее неопред.	съм бил бран, чут
прошедшее предварит.	бях бил бран, чут
будущее время	ще съм бран, чут; ще бъда бран, чут; неопред. старинное ща би бран, чут; би-ща бран, чут
будущее в прошед.	ще бях бран, чут = (развернуто) щях да съм бран, чут; ще бъдех бран, чут = (развернуто) щях да бъда бран, чут = старинное щях би бран, чут
будущее предварит.	ще съм бил бран, чут; ще бъда бил бран, чут
будущее предварит. в прошед.	ще бях бил бран, чут; ще бъдех бил бран, чут

Эта парадигма сопровождается примечанием, что формы прошедшего предварительного времени, будущего в прошедшем, будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем «являются возможными,

⁴⁶ Л. А н д р е й ч и н. Глаголните времена в българското страдателно спрежение, стр. 73; О н ж е. Залогът в българската глаголна система, стр. 118.

необычными в обиходной речи и литературе, нереальными»⁴⁷.

Сопоставление парадигм причастно-страдательного спряжения, даваемых Л. Андрейчиным и А. Т.-Баланом, показывает, что между ними имеются расхождения. Так, например, для прошедшего неопределенного (перфекта) А. Т.-Балан дает форму «сѣм бил + причастие на -н(-т)», а Л. Андрейчин приводит форму «сѣм + причастие на -н(-т)». Имеются расхождения и в других формах. Наблюдаемые расхождения отражают разницу в принципе, из которого исходят эти ученые при построении парадигм. А. Т.-Балан кладет в основу построения парадигмы параллелизм между причастно-страдательным и обычным глагольным спряжением в области форм, а Л. Андрейчин исходит из параллелизма во временном значении.

Факт разного представления парадигмы причастно-страдательного спряжения показывает, что ученые, выделявшие такую категорию в болгарском языке, не имеют единого мнения о том, в чем проявляется существование этого спряжения.

Несмотря на расхождения в выборе отправной точки построения парадигмы, работы Л. Андрейчина и А. Т.-Балана содержат много общего. Это относится в первую очередь к тому, какие формальные единицы, т. е. формы сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)» вне связи их с временными значениями, включаются в парадигму. Если из парадигмы, даваемой А. Т.-Баланом, исключить формы, которые сам автор считает мало реальными, то набор форм этой парадигмы оказывается в основном совпадающим с тем набором форм, который можно видеть в парадигме причастно-страдательного спряжения у Л. Андрейчина (за исключением формы «сѣм бил + причастие на -н(-т)», отсутствующей в парадигме у Л. Андрейчина).

Совпадают по своей сути и взгляды Л. Андрейчина и А. Т.-Балана на то, какие значения могут выражать отдельные формы, представленные в парадигме. Позиция Л. Андрейчина находит непосредственное отражение в

⁴⁷ А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика за всякого. Свезка III. София, 1958, стр. 327, 328.— Грамматические термины, употребляемые А. Т.-Баланом, заменены на термины, принятые в нашей работе.

самой парадигме, в которой одна и та же форма указывается для нескольких временных значений. У А. Т.-Балана аналогичная мысль сформулирована в примечании к парадигме, в котором говорится: «Форма настоящего времени в страдательном спряжении (*съм бран*) является по своему строю формой прошедшего времени; она строится со страдательным причастием прошедшего времени (ср. действительное *съм брал*). В настоящем времени изъявительного наклонения страдательность передается формой возвратного вида и безлично: *бера се, берат се ягоди*; в страдательном спряжении ей соответствует форма *съм бран, са брани ягоди*; действие является протяженным, неисчерпанным. Однако та же самая форма страдательного спряжения *съм бран, са брани* соответствует и прошедшему времени возвратного вида *брах се, браха се ягоди* (= действительному личному *брах, брах ягоди*); действие в случае страдательного спряжения также передается протяженным глаголом *бера*, но как исчерпанное. Здесь *съм бран* по своему строю в самом деле является формой прошедшего времени. Болгарская грамматика дает построению с именем облик настоящего времени. С точки зрения значения таковое должно толковаться в зависимости от ситуации как настоящее неисчерпанное и настоящее исчерпанное или прошедшее время»⁴⁸.

То общее, что наблюдается в суждениях Л. Андрейчина и А. Т.-Балана в связи с выдвиганием категории причастно-страдательного спряжения, является по существу областью конкретных языковых фактов. Высказывания этих ученых о том, что в языке функционирует ограниченное, меньшее, чем в обычной глагольной парадигме, число форм сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения» для выражения действия и что одна и та же форма выступает в языке с разными временными значениями, показывает, что мы имеем дело с грамматическим явлением, механизм которого весьма сложен.

2. Механизм функционирования сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения» для выражения действия раскрывается только при учете соотношенности этого явления со всеми смежными с ним грамматическими явлениями. Поэтому необходимо устано-

⁴⁸ А. Теодоров - Балана. Нова българска граматика за всякого, стр. 328.

вить состав форм сочетания «сѣм + причастие на -н(-т) страдательного значения», встречающихся в языке с функцией выражения действия, и временные значения таких форм; систематически проследить соотношения этих форм и их временных значений с формами и значениями как обычной глагольной парадигмы, так и парадигмы глагола сѣм в конструкции предикативного определения, в частности в конструкции «сѣм + причастие на -н(-т) страдательного значения», служащей для выражения качества.

Систематизируем сначала формальные единицы сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)», выражающего действие, в комплексе с присущими им временными значениями. Как показал проведенный анализ, в болгарском языке употребляются следующие формы таких сочетаний:

1) сѣм + причастие на -н(-т). Для выражения действия эта форма употребляется очень часто. По своему временному значению она подобна значению прошедшего неопределенного (перфекта). В исследованном материале из художественной литературы не наблюдается случаев, когда эта форма, выражая действие, имела бы значение настоящего времени. Сочетание «сѣм + причастие на -н(-т)» несет значение настоящего времени только в тех случаях, когда им выражается качественная характеристика;

2) бях + причастие на -н(-т). Эта форма также широко употребляется для выражения действия. В таких случаях значение ее подобно значению прошедшего предварительного времени (плюсквамперфекта). Хотя вспомогательный глагол стоит здесь в форме простого прошедшего времени (общей для имперфекта и аориста у глагола сѣм), сочетание это, выражая действие, не несет, как показывают наблюдения над языком художественной литературы, значений, свойственных простым прошедшим временам. Значения простых прошедших времен присущи сочетанию «бях + причастие на -н(-т)» только в тех случаях, когда оно дает качественную характеристику;

3) сѣм бил + причастие на -н(-т). Как показывают наблюдения над функционированием этой формы, она употребляется для выражения действия как в значении перфекта, так и в значении плюсквамперфекта. Форма

«*съм бил* + причастие на *-н(-т)*» встречается значительно реже, чем формы «*съм* + причастие на *-н(-т)*» и «*бях* + причастие на *-н(-т)*». Видимо, этим и объясняется, почему Л. Андрейчин, в противоположность А. Т.-Балану, не учитывает ее при составлении парадигмы причастно-страдательного спряжения. Однако, несмотря на значительное преобладание форм «*съм* + причастие на *-н(-т)*» и «*бях* + причастие на *-н(-т)*», а также возможность совпадения с формой пересказывательного наклонения, употребление сочетания «*съм бил* + причастие на *-н(-т)*» как формы изъявительного наклонения со значением перфекта и плюсквамперфекта не может вызывать сомнения;

4) *ще бѣда* + причастие на *-н(-т)*. При употреблении для обозначения действия эта форма может соответствовать значениям двух форм системы времен болгарского языка. С одной стороны, ей свойственно значение сложной формы будущего предварительного времени, а с другой стороны, она, в соответствии с временным значением формы вспомогательного глагола, может употребляться со значением простого будущего времени.

3. В связи с отмеченным наблюдением о практическом отсутствии формы «*съм* + причастие на *-н(-т)*» со значением действия в настоящем времени и формы «*бях* + причастие на *-н(-т)*» с имперфектным значением необходимо специально остановиться на материале таких сочетаний с причастиями от глаголов несовершенного вида. Известно, что именно глаголам несовершенного вида свойственно функционирование в формах настоящего времени и имперфекта, поэтому можно было бы ожидать, что подобное функционирование свойственно и сочетаниям *съм* с причастиями на *-н(-т)* от этих глаголов.

Прежде всего следует отметить, что сочетание *съм* с причастием на *-н(-т)* от глаголов несовершенного вида встречается несравненно реже, чем такое сочетание с причастием от глаголов совершенного вида.

Сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)* от глаголов несовершенного вида» в исследованном нами материале не имеют значения настоящего времени; они употребляются, как и сочетания с причастиями от глаголов совершенного вида, в функции перфекта. Например:—... Тоз огън, казва, е нов огън. На него нищо не е печено, нищо не е варено. Чист е и всичко чисти (Йовк.); Лош дял се падна на дъщеря му, а той вярваше, че ще я задомят

както не е *задомявана* нито една мома в селото (Карасл.);— Пиши на Въркила, че тютюнът е *рязан* на моя хапан — шегуваше се Кръстю, като го завиваше в една стара кърпа (Карасл.); И уж леко, уж човек не се изморява като на нивата, а по цели дни не подгъва крак и понякога като седне, петите му като че *са чукани* с чук (Карасл);... всичките му покривки и завивки са купени, какво ли ще да е у тях, в града? А всичко у Станкини е *работено* на ръка (Карасл.);— А от къде имате пари, като заплати не *са раздавани* откакто сте пристигнали? (Веж.);—... Защо в нашата рота досега не *са раздавани* никакви вестници? (Веж.).

Вместе с тем исследователи българского языка указывают, что сочетание с причастием от глаголов несовершенного вида может иметь значение настоящего времени; иногда приводятся и отдельные примеры с таким временным значением. Но среди этих примеров можно видеть такие, которые не относятся к случаям выражения действия, а представляют собой общераспространенный тип сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения», дающего качественную характеристику. Однако имеются отдельные примеры, которые показывают, что употребление в болгарском языке сочетания *съм* с причастием на *-н(-т)* от глаголов несовершенного вида для обозначения действия в настоящем времени не исключено. О возможностях такого употребления будет сказано ниже. Здесь же пока, предварительно, следует отметить, что такие случаи представляют явление иного плана по отношению к описанным закономерностям, которые охватывают основной массив сочетаний «*съм* + причастие на *-н(-т)* страдательного значения», служащих для выражения действия.

Форма «*бях* + причастие на *-н(-т)* от глаголов несовершенного вида» в исследованном нами материале выступает так же, как и аналогичная форма с причастием от глаголов совершенного вида, только с функцией прошедшего предварительного времени (плюсквамперфекта). Например: Чичо Митуш и слугите гледаха иззад вратника и не само се любуваха на кобилките [...] Всяка беше вързана за шията с по едно ново въже, което се влачеше по земята. Нищо друго — ни юлар, ни юзда, ни хамут не беше *слагано* по тях (Йовк.); Беше обут не с развлечените ботуши с ниски кончове, а с обувки, които, ли-

чеше, не *бяха носени* от години (Карасл.);... тя беше безсилна да преобрази онова, което *беше правено* толкова отдавна и с толкова малко средства и което годините съвсем *бяха* поразили и обезобразили (Карасл.); Друг път нарядите от града *бяха прекарвани* с колите на общинарите [...] Този ден обадиха на десетина души да си стегнат колите и да заминат за града (Карасл.); Вътре, разбъркани и измачкани, лежаха ротните списъци [...] Имената на войниците *бяха* надраскани нечетливо и небрежно, някои от тях *бяха зачерквани и поправяни*, а по листа тук-таме имаше петна (Веж.).

В грамматической литературе высказывалось мнение, что форма «*бях + причастие на -н(-т)*», наряду с значением плюсквамперфекта, имеет и значение простых прошедших времен. Такие случаи в языке, вероятно, могут иметь место. Однако нормой для всего литературного языка это не является ⁴⁹.

Причастия на *-н(-т)* от глаголов несовершенного вида употребляются и в сочетаниях со вспомогательным глаголом в форме *съм бил* (например:... това хубаво *е било* старателно *скривано* от втора рота — Веж.) и в сочетаниях со вспомогательным глаголом в форме *ще бъда* (например: Но как *ще* се работи сред тези диви, скептични селяни, които умееха да се присмиват, как *ще бъдат завладявани* тези маси за тържеството на социалистическите идеи...—Карасл.). Эти случаи не ставят дополнительных проблем, отличных от проблем функционирования причастий на *-н(-т)* от глаголов совершенного вида.

Материал сочетаний *съм* с причастием на *-н(-т)* от глаголов несовершенного вида не вносит, таким образом, изменений в приведенную систематизацию форм этого сочетания в комплексе с их временными значениями.

4. Сопоставим теперь данную картину сочетаний «*съм + причастие на -н(-т)*», служащих для выражения дей-

⁴⁹ Трудно согласиться с картиной этого явления в работе Ю. С. Маслова «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке», в которой употребление формы «*бях + причастие на -н(-т)*» со значением имперфекта и аориста представляется как нечто обычное. Примеры, приводимые в подтверждение такого взгляда, мало убедительны, так как не учитывают полного грамматического контекста (см.: «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 299).

ствия, с картиной форм и их значений у сочетаний «съм + причастие на -н(-т)», несущих качественную характеристику, и шире — у конструкции предикативного определения вообще.

Сочетание «съм + причастие на -н(-т)», выражающее качество, характеризуется следующими формами:

съм + причастие на -н(-т):—... Такава война досега не е запомнена (Карасл.);

бях + причастие на -н(-т):...прозорците бяха разтрошени, оковани с ръждиви железни пръчки (Карасл.);

съм бил + причастие на -н(-т): Едва сега той разбра колко потиснат е бил, какъв гнет е изживял (Карасл.);

ще бъда + причастие на -н(-т): —... И тогава дърветата по къра ще бъдат окичени от горе до долу с табели (Карасл.).

Такой же набор форм имеет и конструкция предикативного определения с «чистым» прилагательным:

съм + прилагательное: —... Умът ти надалеч бяга, нещо си кахърен (Л. Стоян.);

бях + прилагательное: Като Айа то беше живо и пъргаво (Йовк.);

съм бил + прилагательное: Той всякога е бил страшен за тях (Е.-П.);

ще бъда + прилагательное: Ще бъдат ли щастливи така тия хора, когато утре намерят богатството... (Е.-П.).

Этот же набор форм функционирует и в конструкции предикативного определения с существительным:

съм + существительное: Сивата патица е любимката на Галунка (Йовк.);

бях + существительное: Тя бе богинята на училището (Е.-П.);

съм бил + существительное: Тия мънички птиченца — едно време са били деца като тебе... (Е.-П.);

ще бъда + существительное: —... Ще бъдеш и занаят-пред управител на чифлика (Йовк.).

Изменяемой частью конструкции предикативного определения является только вспомогательный глагол, и набор форм, в которых эта конструкция выступает, повторяет набор форм вспомогательного глагола.

Временные значения, присущие разным формам конструкции предикативного определения, также целиком связаны с временными значениями, которые имеет парадигма спряжения вспомогательного глагола:

настоящее время	съм
прошедшее соверш.	} бях
прошедшее несоверш.	
прошедшее неопред.	} съм бил
прошедшее предварит.	
будущее время	} ще бъда
будущее предварит.	

Таким образом, система форм в комплексе с временными значениями у сочетания «съм + причастие на -н(-т)», дающего качественную характеристику, как и у конструкции предикативного определения вообще, является отражением системы форм и временных значений вспомогательного глагола.

Из сказанного можно видеть, что набор форм у сочетания «съм + причастие на -н(-т)», служащего для выражения действия, одинаков с набором форм конструкции предикативного определения. Вместе с тем система форм, взятых в комплексе с временными значениями, у сочетания «съм + причастие на -н(-т)», выражающего действие, оказывается отличной от такой системы у конструкции предикативного определения и, в частности, у сочетания «съм + причастие на -н(-т)», дающего качественную характеристику. Соотношение между этими системами представлено в табл. 2.

Парадигма спряжения сочетания «съм + причастие на -н(-т)», выражающего действие, оказывается весьма своеобразной. В ней отсутствуют формы для настоящего времени и простых прошедших времен и имеются двойные формы для сложных прошедших времен. Не на своем месте по сравнению с парадигмой конструкции предикативного определения стоят формы «съм + причастие на -н(-т)» и «бях + причастие на -н(-т)». В рамках сопос-

Время	Сочетание «сѣм + причастие на -н (-т)», выражающее действие	Конструкция предикативного определения с причастием на -н (-т)
Настоящее	—	сѣм + причастие на -н (-т)
Прошедшее совершенное	—	бях + причастие на -н (-т)
Прошедшее несовершенное	—	
Прошедшее неопределенное	сѣм + причастие на -н (-т); сѣм бил + причастие на -н (-т)	сѣм бил + причастие на -н (-т)
Прошедшее предварительное	бях + причастие на -н (-т); сѣм бил + причастие на -н (-т)	
Будущее		
Будущее предварительное	ще бѣда + причастие на -н (-т)	ще бѣда + причастие на -н (-т)

тавления двух данных парадигм это явление объяснить нельзя.

5. Существо наблюдаемого явления становится ясным, если учесть результаты проведенного выше сопоставления функционирования сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)», выражающего действие, с функционированием временных форм парадигмы глагола с *се* страдательного значения. Парадигма сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)», выражающего действие, предстает тогда как результат наслоения двух систем. Одна часть ее отражает принцип построения парадигмы конструкции предикативного определения, временные разновидности которой целиком соответствуют времени вспомогательного глагола. Другая часть парадигмы сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)», выражающего действие [именно форма «сѣм + причастие на -н(-т)» и форма «бях + причастие на -н(-т)»], основывается на принципе, свойственном

обычной глагольной парадигме, в которой соединение вспомогательного глагола *съм* с причастием имеет временное значение, отличное от временного значения самого вспомогательного глагола (соединение причастия со вспомогательным глаголом в форме настоящего времени дает перфект, соединение причастия со вспомогательным глаголом в форме простого прошедшего времени дает плюсквамперфект). Картина отношений, в которых находится сочетание «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающее действие, к системе времен глагола и к системе времен конструкции предикативного определения, представлена в табл. 3.

Таким образом, совокупность форм в комплексе с временными значениями у сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающего действие, не имеет своего единого внутреннего принципа временного противопоставления.

Другой характерной чертой сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающего действие, является то, что у него совершенно очевидно ограничен круг временных значений. Сочетание «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающее действие, функционирует с теми значениями, которые не могут быть переданы глаголом с *се* страдательного значения ввиду отсутствия у него некоторых временных форм. Таким образом, сочетание «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающее действие, предстает как нечто дополняющее парадигму глагола с *се* страдательного значения.

Поэтому, если встать на точку зрения, что сочетание «*съм* + причастие на *-н(-т)*», коль скоро оно выражает действие, не есть конструкция предикативного определения, а по своей сути подобно глагольным формам, то, видимо, скорее можно говорить о том, что глагол с *се* страдательного значения имеет особый способ образования сложных глагольных форм (с причастием на *-н(-т)*, а не с причастием на *-л* с *се*), а не о том, что существует самостоятельная парадигма сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*», параллельная парадигме глагола с *се* страдательного значения.

Трактовка сочетаний «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающих действие, как сложных форм парадигмы глагола с *се* страдательного значения может иметь практический смысл для нормативной грамматики. С точки же

Время	Общный глагольный тип	Глагол с се страдательного значения	Сочетание «сѣм + причастие на -н (-т)», выражающее действие	Конструкция предикативного предложения с причастием на -н (-т)
Настоящее	<i>чета</i>	<i>се четѣ</i>	—	<i>сѣм + причастие на -н (-т)</i>
Прошедшее совершенное	<i>четох</i>	<i>се чѣте</i>	—	<i>бях + причастие на -н (-т)</i>
Прошедшее несовершенное	<i>четях</i>	<i>се четеше</i>	—	
Прошедшее неопределенное	<i>сѣм чел</i>	—	<i>сѣм + причастие на -н (-т)</i>	<i>сѣм бил + причастие на -н (-т)</i>
Прошедшее предварительное	<i>бях чел</i>	—	<i>бях + причастие на -н (-т)</i>	
Будущее	<i>ще чета</i>	<i>ще се чете</i>	—	<i>ще бѣда + причастие на -н (-т)</i>
Будущее предварительное	<i>ще сѣм чел (ще бѣда чел)</i>	—	<i>ще бѣда + причастие на -н (-т)</i>	

зрения строго грамматической, такая трактовка все же будет известной натяжкой. Эти сочетания, как было показано, при всей своей близости к перфекту и плюсквамперфекту до конца не равны им по грамматическому значению. Не случайно для передачи некоторых сторон значения перфекта и плюсквамперфекта язык использует конструкции, принадлежность которых к категории перфектов выражена формой вспомогательного глагола [*съм бил* + причастие на *-н(-т)*].

Вместе с тем, как это видно из табл. 3, в языке имеется область, в которой наблюдается действительно параллельное употребление формы глагола с *се* страдательного значения и сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающего действие. Такой областью является будущее время, где, наряду с формой глагола *ще се чете*, имеется и форма «*ще бѣда* + причастие на *-н(-т)*». Появление среди сочетаний «*съм* + причастие на *-н(-т)*» формы, которая не является замещающей, свидетельствует о том, что, наряду с описанным явлением использования этого сочетания для восполнения пробелов в парадигме глагола с *се* страдательного значения, в какой-то мере существует и самостоятельное функционирование сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающего действие.

При оценке данного явления надо учитывать, что место такого самостоятельного употребления сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*» для выражения действия в болгарском языке совсем незначительно по сравнению с употреблением этого сочетания в функции сложных прошедших времен. По нашему мнению, корни функционирования в языке сочетаний «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающих действие, кроются в необходимости заполнения пробелов в парадигме глагола с *се* страдательного значения. Употребление сочетания «*съм* + причастие на *-н(-т)*», выражающего действие, с функцией сложных прошедших времен свойственно всему литературному языку. Оно не является принадлежностью отдельных языковых стилей, а представляет собой грамматическое явление, охватывающее язык в целом.

Явление же самостоятельного функционирования сочетания «*съм* + причастие *-н(-т)*», выражающего действие, занимает в языке весьма скромное место. Такое употребление наблюдается практически только в буду-

щем времени; в настоящем и простых прошедших временах оно возможно лишь в одиночных случаях. Следует отметить также, что это употребление предстает скорее как принадлежность отдельных стилей языка.

Большая распространенность употребления сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)» с функцией сложных прошедших времен, видимо, создает предпосылки расширения области функционирования этих сочетаний и появления их там, где они не являются единственно возможными. Такие факты, однако, с нашей точки зрения, не дают основания считать, что выражение действия посредством сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)» является в болгарском языке столь же закономерным, как и выражение действия посредством глагола. Общий для языка закон выражать действие через глагол безусловно распространяется и на глагол с *се* страдательного значения.

Суммируя основные итоги рассмотрения сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)», выражающего действие, можно констатировать, что набор форм этого сочетания аналогичен набору форм временной парадигмы конструкции предикативного определения, т. е. сочетания глагола сѣм с прилагательным и существительным; взятый в комплексе с временными значениями набор форм у сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)» не образует цельной временной парадигмы; употребление сочетаний «сѣм + причастие на -н(-т)» для выражения действия носит в основном характер компенсации отсутствующих форм сложных прошедших времен глагола с *се* страдательного значения; сочетания «сѣм + причастие на -н(-т)» по грамматическому значению лишь сближаются с формами сложных прошедших времен, но не равны им, в этих сочетаниях продолжает сохраняться значение качества.

На то, что в сочетании «сѣм + причастие на -н(-т)», выражающем действие, причастие не теряет качественного значения, уже не раз указывалось в грамматической литературе. Так, А. Т.-Балан пишет: «Это причастие прошедшего времени в сравнении с действительным причастием прошедшего времени на -л имеет важное отличие, состоящее в том, что и морфологически и синтаксически обладает значением и имени прилагательного совместно со значением временным (то есть

глагольным)»⁵⁰. Подобные высказывания имеются и в работах Л. Андрейчина⁵¹, Н. Костова⁵².

Сочетания «съм + причастие на -и(-т) страдательно-го значения», выражающие действие, обладают своеобразием, отличающим их от других случаев конструкции предикативного определения. Тем не менее они не утрачивают грамматических черт предикативного определения и остаются в рамках закономерностей этого явления.

⁵⁰ А. Теодоров - Балан. Нова българска граматика за всякого, стр. 327.

⁵¹ Л. Андрейчин. Залогът в българската глаголна система, стр. 117.

⁵² Н. Костов. Българска граматика. София, 1939, стр. 179.

VIII

ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ДВУМЯ ПОДКЛАССАМИ ОБЩЕГО КЛАССА ПРИЧАСТИЙ И СОСТАВ ПОДКЛАССА ПРИЧАСТИЙ, ВХОДЯЩЕГО В КЛАСС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Рассмотрев функционирование причастий в позиции при глаголе *съм*, мы располагаем теперь необходимыми нам данными о грамматических чертах этого разряда слов и можем сделать некоторые выводы о закономерностях в области залога причастий. Формальными показателями залога в причастиях являются суффиксы *-л* и *-н(-т)*. Существо противопоставления, выражаемого этими суффиксами, является кардинальным вопросом области залога в причастиях.

При рассмотрении причастий в позиции при существительном наблюдалось, что различным залоговым типам глаголов соответствуют в этой позиции следующие причастные формы:

глаголы действительного залога — причастие на *-л*,
глаголы возвратно-среднего залога — причастие на *-н(-т)*,
глаголы страдательного залога — причастие на *-н(-т)*.

В позиции при глаголе *съм* функционирование причастий связано с двумя разными грамматическими явлениями — предикативным определением и сложными глагольными формами. Каждому из этих явлений соответствует своя картина причастных форм.

В конструкции предикативного определения соотношение причастных форм и залоговых типов глаголов предстает в следующем виде:

глаголы действительного залога — причастие на *-л*,
глаголы возвратно-среднего залога — причастие на *-н(-т)*,
глаголы страдательного залога — причастие на *-н(т)*,

т. е. это соотношение повторяет картину, наблюдаемую в позиции при существительном.

Причастия, выступающие в составе сложных глагольных форм, дают иную картину соответствий с различными залоговыми типами глаголов:

глаголы действительного залога — причастие на *-л*,

глаголы возвратно-среднего залога — причастие на *-л* (с элементом *се*),

глаголы страдательного залога — причастие отсутствует.

Если суммировать данные различных позиций, то отдельные залоговые типы глагола предстают как имеющие следующие причастные формы:

Залоговый тип глагола	Причастная форма
действительный залог	<i>-л</i>
возвратно-средний залог	<i>-л</i> (с элементом <i>се</i>) и <i>-н(-т)</i>
страдательный залог	<i>-н(-т)</i>

Таким образом, противопоставление суффиксов *-л* и *-н(-т)* идет в болгарском языке по двум линиям. С одной стороны, оно отражает противопоставление системы причастий в классе прилагательных и системы причастий в сложных глагольных формах: так, глаголы возвратно-среднего залога оформляются в одной системе суффиксом *-н(-т)*, а в другой системе — суффиксом *-л* (с элементом *се*).

С другой стороны, внутри системы причастий в классе прилагательных противопоставление суффиксов *-л* и *-н(-т)* передает противопоставление глаголов без *се* и глаголов с элементом *се*.

Обе указанные линии противопоставления суффиксов *-л* и *-н(-т)* имеют в своей основе и более общую закономерность. Только с учетом ее может до конца получить объяснение имеющаяся в болгарском языке система залога в причастии. Для раскрытия этой общей закономерности необходимо более глубокое, чем требовали цели настоящей работы, рассмотрение причастия в составе слож-

ных глагольных форм. Самой же главной предпосылкой решения этой задачи является выявление сущности элемента *се* в глаголе.

Не ставя перед собой задачи сформулировать общую залоговую закономерность класса причастий как отглагольных образований, мы сосредоточили в настоящей работе основное внимание на установлении границы между двумя подклассами, существующими внутри этого класса.

Хотя все причастия болгарского языка имеют такие формальные черты прилагательных, как согласование по роду и числу, только одна часть причастий объединяется с прилагательными и по своим синтаксическим позициям. Другие причастия имеют в языке иное функционирование: они входят в состав сложных глагольных форм.

Подкласс причастий, выступающих в сложных глагольных формах, имеет ясно выраженный формальный признак: в него входят только причастия на *-л*. Суффикс *-л* в отличие от суффикса *-н(-т)* предстает как имеющий в большой мере значение действия. Это наглядно проявляется в дифференциации употребления двух типов причастий от возвратно-средних глаголов, у которых причастие с суффиксом *-л* употребляется только в составе сложных глагольных форм, а причастие на *-н(-т)* функционирует подобно прилагательному.

Подкласс причастий, выступающих в синтаксических позициях класса прилагательных, включает в свой состав все причастия с суффиксом *-н(-т)*. Причастия на *-н(-т)* составляют основной массив слов этого подкласса. Кроме того, этот подкласс включает значительное число причастий на *-л* от глаголов действительного залога, причем почти без исключения от глаголов непереходных. Ввиду того, что причастия на *-н(-т)* являются образованиями от глаголов с *се*, которые также относятся к числу непереходных в широком значении этого термина, можно считать, что признак непереходности глагола является существенным для причастий этого подкласса.

Именно в этих границах данный подкласс причастий употребляется в позиции при существительном, т. е. в функции простого определения. В этих же границах он выступает и в функции предикативного определения в его различных вариантах: предикативного определения подлежащего с глаголом *съм* и другими связочными глаголами, особой разновидностью предикативного опреде-

ления с общим классом глаголов, а также предикативно-го определения прямого дополнения.

Причастия указанного подкласса в позиции при глаголе *съм* образуют конструкцию, которая находится в сложных взаимосвязях с другими грамматическими явлениями языка (в первую очередь со сложными глагольными формами и с парадигмой спряжения глаголов с *се* страдательного значения). Тем не менее и в позиции при глаголе *съм* данный подкласс сохраняет свои основные грамматические черты, свойственные ему во всех других позициях.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Анг. — Д. Ангелов	Кор. — Е. Коралов
Бот. — Хр. Ботев	Кюл. — Кр. Кюлявков
Ваз. — И. Вазов	Март. — И. Мартинов
Вапц. — Н. Вапцаров	Марч. — М. Марчевски
Вас. — О. Василев	Петк. — К. Петканов
Веж. — П. Вежинов	«Раб. дело» — газ. «Работни-
Величк. — К. Величков	ческо дело»
Велк. — Кр. Велков	Радев. — Хр. Радевски
Влайк. — Т. Влайков	Райч. — Г. Райчев
Вол. — И. Волен	Рус. — Х. Русев
Григ. — Кр. Григоров	Славейк. — П. П. Славейков
Гул. — А. Гуляшки	Слав. — П. Славински
Даск. — Ст. Даскалов	Смирн. — Хр. Смирненски
Диав. — В. Диаватов	Стам. — Г. Стаматов
Дим. — Д. Димов	Л. Стоян. — Л. Стоянов
Друм. — В. Друмев	Страндж. — К. Странджев
Е.-П. — Елин-Пелин	Стрелк. — Л. Стрелков
Загорч. — Ст. Загорчинов	«Стърш.» — журн. «Стършел»
Йовк. — Й. Йовков	Тал. — Д. Талев
Карав. — Л. Каравелов	П. Тодор. — П. Тодоров
Карал. — А. Каралийчев	Чилинг. — Ст. Чилингиров
Карасл. — Г. Караславов	Чуд. — Чудомир
Конст. — А. Константинов	

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть первая	
КЛАСС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	
I. Прилагательное в позиции при существительном (Конструкция простого определения).	9
II. Прилагательное в позиции при глаголе <i>съм</i> и других глаголах его подкласса (Конструкция предикативного определения подлежащего)	14
III. Прилагательное в позиции при особом подклассе переходных глаголов (Конструкция предикативного определения прямого дополнения)	22
IV. Разграничение конструкции простого определения и конструкции предикативного определения	26
Простое определение и предикативное определение подлежащего	32
Простое определение и предикативное определение дополнения	37
V. Конструкция предикативного определения подлежащего с полнозначительными глаголами	39
VI. Класс приглагольных прилагательных	48
Классы слов в обычной конструкции предикативного определения подлежащего	53
Класс приглагольных прилагательных и особая конструкция предикативного определения подлежащего	59
Отношения двух типов конструкции предикативного определения подлежащего	71
VII. Связь конструкции «глагол + приглагольное прилагательное» с конструкцией «глагол + наречие».	75
Место приглагольного прилагательного в структуре предложения	75
Сходство функций приглагольного прилагательного и наречия образа действия	85
Закономерности употребления приглагольного прилагательного и наречия образа действия	95

Часть вторая
ПОДКЛАСС ПРИЧАСТИЙ

I.	Введение	115
	Проблемы функционирования причастий в составе общего класса прилагательных	115
	Грамматические категории класса причастий	116
	Категория залога как область важнейших противопоставлений внутри класса причастий	118
II.	Причастие в позиции при существительном	135
	Соотнесенность причастий и личных форм глагола	135
	Формальные залоговые характеристики причастий	156
	Непереходность как критерий принадлежности причастий к классу прилагательных	159
	Залоговые значения причастий	161
III.	Причастие в позиции при глаголах подкласса <i>съм</i>	167
IV.	Причастие в позиции при особом подклассе переходных глаголов	171
V.	Причастие в составе класса приглагольных прилагательных	174
VI.	Причастие при глаголе <i>съм</i>	178
	Два типа сочетаний глагола <i>съм</i> с причастием	178
	Критерии разграничения конструкции предикативного определения и сложной глагольной формы	179
	Грамматические черты причастий в конструкции предикативного определения	185
	Особенность сочетаний « <i>съм</i> + причастие на <i>-н(-т)</i> страдательного значения»	188
VII.	Место сочетания « <i>съм</i> + причастие на <i>-н(-т)</i> страдательного значения», выражающего действие, в системе болгарского языка	196
	Отношения между сочетанием « <i>съм</i> + причастие на <i>-н(-т)</i> », выражающим действие, и парадигмой глагола с <i>се</i> страдательного значения	196
	Проблема причастно-страдательного спряжения	224
VIII.	Границы между двумя подклассами общего класса причастий и состав подкласса причастий, входящего в класс прилагательных	242
	Принятые сокращения	246

76 коп.

122170
RU

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА